

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

Национальный исследовательский
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.А. Уткин

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ТОМСК
«Издательство НТЛ»
2017

УДК 34
ББК 67.412 Я 73
У847

У847 **Уткин В.А.** Международное право борьбы с преступностью: учебное пособие. – Томск: Изд-во НТЛ, 2017. – 216 с.

ISBN 978-5-89503-590-0

Учебное пособие написано на основе действующих международно-правовых актов, федерального законодательства России по состоянию на 1 декабря 2016 г. в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по направлению «юриспруденция» (квалификация – «магистр»).

В издании освещаются основные институты международного права борьбы с преступностью как подотрасли международного публичного права, пути имплементации положений международных актов в российской уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство. Проанализированы основные проблемы международного сотрудничества в сфере уголовной юстиции.

Предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, факультетов международных отношений, курсантов и слушателей, обучающихся по специальности «правоохранительная деятельность», а также для практических работников судебных и правоохранительных органов и специалистов в области международного права.

УДК 34
ББК 67.412 Я 73

Рецензенты:

Иногамова-Хегай Л.В., доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Куцафина (МГЮА);

Селиверстов В.Н., заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ).

ISBN 978-5-89503-590-0

© В.А. Уткин, 2017

© Оформление. Дизайн.

ООО «Издательство НТЛ», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
Глава 1. Общая характеристика международного права борьбы с преступностью.....	9
1.1. Понятие и значение международно-правовых основ борьбы с преступностью.....	9
1.2. Становление и развитие международно-правовых основ борьбы с преступностью.....	14
1.3. Факторы формирования и развития международно-правовых основ борьбы с преступностью.....	18
1.4. Классификация международно-правовых основ борьбы с преступностью.....	21
1.5. Проблемы реализации международно-правовых основ борьбы с преступностью.....	24
Глава 2. Универсальные международные акты, имеющие отношение к борьбе с преступностью.....	33
2.1. Общемировые универсальные акты.....	33
2.2. Европейские универсальные акты.....	37
Глава 3. Международное уголовное право в системе международного права борьбы с преступностью.....	40
3.1. Проблема международного уголовного права: история и современность.....	40
3.2. Источники международного уголовного права.....	47
3.3. Преступления в международном уголовном праве и в сфере международного сотрудничества.....	49
3.4. Наказания в международном уголовном праве.....	53

Глава 4. Международные преступления	62
4.1. Преступление агрессии	62
4.2. Военные преступления.....	64
4.3. Преступления против человечности	67
4.4. Геноцид.....	69
4.5. Апартеид.....	72
4.6. Экоцид.....	73
Глава 5. Преступления международного характера	75
5.1. Преступления против международной безопасности и международного сотрудничества	75
5.1.1. Нападения на лиц и учреждения, пользующихся международной защитой	75
5.1.2. Наемничество	77
5.1.3. Международный терроризм.....	78
5.1.4. Угон самолетов.....	82
5.2. Преступления против экономического и социального развития	85
5.2.1. Пиратство и иные преступления, совершаемые в открытом море.....	85
5.2.2. Контрабанда	88
5.2.3. Фальшивомонетничество	90
5.2.4. Легализация преступных доходов.....	91
5.2.5. Посягательство на культурные ценности наро- дов	93
5.3. Преступления против личности, имущества и осново- полагающих моральных ценностей	95
5.3.1. Рабство.....	95
5.3.2. Торговля людьми.....	97
5.3.3. Организация незаконной миграции.....	100
5.3.4. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ.....	103
5.3.5. Распространение порнографии.....	107

Глава 6. Международно-правовые основы противодействия транснациональной организованной преступности и коррупции	109
6.1. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности	109
6.2. Международно-правовые основы борьбы с коррупцией	112
Глава 7. Международные стандарты деятельности системы уголовной юстиции	119
7.1. Основные принципы, касающиеся независимости судебных органов и лиц, осуществляющих уголовное преследование	119
7.2. Международные стандарты поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка	122
7.3. Уголовная юстиция и несовершеннолетние	126
7.4. Взаимная правовая помощь по уголовным делам	132
7.5. Выдача преступников	137
7.6. Международные стандарты уголовно-исполнительной системы	144
7.7. Передача осужденных для отбывания наказания	153
7.8. Защита жертв преступлений	159
Глава 8. Международный уголовный суд	162
8.1. Возникновение и правовая основа Международного уголовного суда	162
8.2. Состав и структура Международного уголовного суда	164
8.3. Компетенция (юрисдикция) и применимое право Международного уголовного суда	168
8.4. Уголовное преследование и судебное разбирательство в Международном уголовном суде	174
8.5. Наказания, назначаемые Международным уголовным судом, и их исполнение	176

Глава 9. Интерпол и Европол	179
9.1. История создания и структура Международной организации уголовной полиции – Интерпола	179
9.2. Принципы деятельности Интерпола и организационно-правовые основы его взаимодействия с российскими правоохранительными органами	186
9.3. Виды учета и международных розысков, проводимых Интерполом	189
9.4. Европейская полицейская организация (Европол)	192
ЛИТЕРАТУРА	195
Сборники международно-правовых актов	195
К Главе 1 «Общая характеристика международно-правовых основ борьбы с преступностью»	196
К Главе 2 «Универсальные международные документы, имеющие отношение к борьбе с преступностью»	197
К Главе 3 «Международное уголовное право в системе международно-правовых основ борьбы с преступностью»	198
К Главе 4 «Международные преступления»	200
К Главе 5 «Преступления международного характера»	202
К Главе 6 «Международно-правовые основы противодействия транснациональной организованной преступности и коррупции»	205
К Главе 7 «Международно-правовые стандарты деятельности системы уголовной юстиции»	206
К Главе 8 «Международный уголовный суд»	212
К Главе 9 «Интерпол и Европол»	213

ВВЕДЕНИЕ

Сложности и противоречия современного этапа мировой политики, непростые социально-экономические условия развития российского общества не устраняют значимости расширения и углубления международных связей России, ее дальнейшей интеграции в международное общество. Этот процесс влияет не только на характер юридических взаимоотношений Российской Федерации с другими странами, но и на ее внутреннее законодательство. В соответствии с Конституцией России (ст. 15) общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

Помимо указанных норм, принципов и договоров международное сотрудничество находит юридическое выражение в рекомендательных положениях международного права. Их также нельзя игнорировать, хотя реализация таких положений в России, как и в любом другом государстве, обусловлена специфическими социальными, экономическими, политическими, национальными, ментальными, географическими и даже климатическими условиями.

К числу приоритетных направлений межгосударственного сотрудничества принадлежит обеспечение общепризнанных прав человека и гражданина, борьба с преступностью и предупреждение преступлений, обращение с преступниками в системе уголовной юстиции, защита жертв преступлений. На «стыке» этих направлений возникла и развивается широкая система авторитетных межгосударственных норм, принципов и рекомендаций. Появившиеся в разное время, по различным поводам и неравнозначные по их юридическому статусу, они отражают стремление международного сообщества максимально скоординировать политику, средства и методы борьбы с преступностью в духе общепризнанных принципов Всеобщей декларации прав человека, иных основополагающих международных актов.

Бурное развитие международно-правовых документов в области борьбы с преступностью стало ответом на вызовы глобализации пре-

ступности, на появление новых деяний, угрожающих не только внутригосударственному правовому порядку, но и международной безопасности.

В последнее время в России заметно возрос интерес к международно-правовым аспектам противодействия преступности в целом и к международному уголовному праву в частности. Детальное ознакомление с ними позволяет лучше уяснить состояние и перспективы отечественного законодательства о борьбе с преступностью. Это тем более важно, что в действующих Уголовном, Уголовно-процессуальном и Уголовно-исполнительном кодексах Российской Федерации, а также в ряде отдельных специальных федеральных законов соответствующие международные акты нашли более широкое отражение, нежели в ранее действовавшем законодательстве. В этой связи систематизированное изложение и изучение международных основ борьбы с преступностью и механизмов их реализации создает почву для более глубокого понимания не только «буквы», но и «духа» отечественных законов.

Кроме того, положения ряда международных актов способны служить критерием непредвзятого анализа существующей правоохранительной практики, средством формирования профессионального правового сознания сотрудников правоохранительных и судебных органов, уголовно-исполнительной системы.

В международно-правовой и уголовно-правовой научной и учебной литературе комплекс источников международного права в сфере борьбы с преступностью чаще всего именуется «международным уголовным правом», однако содержание этого комплекса явно выходит за рамки традиционных уголовно-правовых категорий. Название «международно-правовые основы борьбы с преступностью» в этой связи более адекватно. По мнению автора, с учетом сложившихся в публичном международном праве разных подходов к наименованию его отдельных подотраслей¹ вполне уместно в этом отношении говорить и о «международном праве борьбы с преступностью». Далее эти термины используются как синонимы.

¹ К примеру, в одном из последних учебников его главы определяются не только с помощью прилагательных («экономическое» право, «экологическое» право и т.д.), но и посредством указания на сферу действия (право «международных договоров», право «внешних сношений», право «международной безопасности» и т.д.). – Международное право. М.: Инфра-М, 2015.

Глава 1

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

1.1. Понятие и значение международно-правовых основ борьбы с преступностью

Начиная с 90-х годов прошлого века, существенным фактором коренного реформирования российского уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства стала активная интеграция Российской Федерации в мировое сообщество, в частности – ее вступление в 1996 г. в Совет Европы. Одновременно с принятием Конституции Российская Федерация взяла на себя обязательство более последовательно реализовать в законодательстве и на практике общепризнанные международные нормы, и прежде всего – положения, касающиеся прав и свобод человека и гражданина.

Значительная их часть относится к сфере уголовной юстиции. Последняя, по международной терминологии, охватывает не только собственно правосудие, но и специальное предупреждение преступлений, их расследование, а также исполнение назначенных судом уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. В этой связи к органам уголовной юстиции в международно-правовой интерпретации принадлежат не только судебные институты или органы и учреждения юстиции, как одного из государственных ведомств, но и органы дознания, предварительного следствия, прокуратуры, учреждения и органы, исполняющие наказания (уголовно-исполнительная система), независимо от их ведомственной принадлежности.

Стремление государств объединить усилия в противодействии наиболее опасным преступлениям, максимально скоординировать уголовную политику, облегчить взаимодействие в области борьбы с преступ-

ностью, гарантировать минимальные стандарты обращения с преступниками и обеспечить защиту жертв преступлений в духе общепризнанных гуманистических принципов, помимо прочего, ведет к формированию особой группы норм международного публичного права – международно-правовых основ борьбы с преступностью или международного права борьбы с преступностью. С учетом сказанного их можно характеризовать **как принятые на международном уровне нормы, принципы и рекомендации в области специального предупреждения преступлений, деятельности системы уголовной юстиции, межгосударственного сотрудничества в борьбе с преступностью, обращения с преступниками и защиты жертв преступлений.**

Международно-правовые основы борьбы с преступностью – это одновременно и результат достигнутого уровня международного сотрудничества субъектов международного права (государств, международных и национальных правительственных и неправительственных организаций, международных органов и учреждений), и предпосылка дальнейшего углубления и расширения такого взаимодействия. В этой связи не следует смешивать международные и зарубежные правовые акты в области борьбы с преступностью, хотя опыт многих зарубежных стран сам по себе во многом ценен для российского законодателя и правоприменителя.

Едва ли следует относить к международно-правовым соответствующие документы Европейского Союза, которые в данном отношении обладают статусом источников не международного, а наднационального (европейского) права. Это отличает их от аналогичных документов Совета Европы как региональной международной организации.

В некоторых работах по международному и уголовному праву международные основы борьбы с преступностью определяются как «международное законодательство». Такое определение по меньшей мере некорректно, поскольку, с одной стороны, ни один из источников, входящих в массив рассматриваемых документов, не именуется «законом», а с другой – в международном праве (опять же в отличие от упомянутого выше европейского права) нет никакого «законодателя».

Значение международного права борьбы с преступностью весьма многогранно. В **политическом** аспекте появление конкретных документов, норм, рекомендаций и принципов – это результат политической деятельности, политического взаимодействия субъектов международного права. В свою очередь, будучи принятыми, они определяют с раз-

личной степенью категоричности и обязательности важные направления внутригосударственной уголовной (в широком смысле слова) политики. Вступление России в Совет Европы в январе 1996 г. было обусловлено, помимо прочего, ее обязательством принять меры к отмене уголовного наказания в виде смертной казни. И хотя действующий УК РФ, принятый в июне 1996 г. и вступивший в силу 1 января 1997 г., в системе мер наказания (ст. 44) и по пяти составам преступлений (ст.ст. 105, 227, 245, 317, 357) сохраняет смертную казнь, она, как известно, в соответствии с политическим решением (распоряжением) Президента России и последующими решениями Конституционного Суда РФ не применяется в стране уже два десятилетия.

Содержащиеся в международных основах борьбы с преступностью положения обобщают, аккумулируют и доводят до сведения мировой опыт, выполняя важную **информационную** функцию. В этом отношении показательна позиция принятых в 2015 г. Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы): «Нижеследующие правила... предназначены лишь для того, чтобы на основе общепризнанных достижений современной мысли... изложить то, что обычно считается правильным с принципиальной и практической точек зрения в области обращения с заключенными и управления тюрьмами».

С информационным тесно связано **стимулирующее** значение международно-правовых основ борьбы с преступностью. Причем как в силу самого факта их существования, так и ввиду отраженных в них конкретных способов, образцов, алгоритмов решения конкретных законодательных и правоприменительных проблем. К примеру, среди целей Конвенции ООН 2003 г. против коррупции указано «содействие принятию и укреплению мер, направленных на более эффективное и действенное предупреждение коррупции и борьбу с ней». Помимо этого, упомянутая Конвенция включает ряд положений, определений, предназначенных для использования в национальном законодательстве о борьбе с коррупцией («имущество», «доходы от преступления», «конфискация» и т.д.).

Поскольку международное право борьбы с преступностью основано и на нормах международного гуманитарного права (права прав человека), очевидно его **гарантирующее** значение применительно к обращению с преступниками и защите жертв преступлений в силу того, что оно содержит целый ряд юридических гарантий соблюдения общепри-

знанных прав человека. В качестве примера укажем ст. 1 принятого ООН в 1988 г. «Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме»: «Все лица, подвергаемые задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности». Следуя упомянутому Своду принципов, «Правила Манделы» прямо указывают, что они «отражают те минимальные условия, которые Организация Объединенных Наций считает приемлемыми».

На осуществление большого круга принципов, норм и рекомендаций, составляющих международные основы борьбы с преступностью, большое влияние оказывает разнообразие правовых систем различных стран, их социальных, политических, экономических и географических условий. Однако фактический уровень, степень их реализации и, что самое главное, – действительное стремление к этому расценивается международным сообществом в качестве важного показателя, критерия своего рода «цивилизованности» правовой системы государства. Здесь налицо **оценочная** роль многих международных стандартов.

Наряду с этим, международно-правовые основы борьбы с преступностью выполняют и важную **координационную** функцию для систем уголовной юстиции различных стран. Нередко это прямо отражено в их содержании. Так, в ст. 1 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. говорится, что ее цель «заключается в содействии сотрудничеству в деле более эффективного предупреждения транснациональной организованной преступности и борьбы с ней».

Функция координации сотрудничества в правоохранительной сфере очевидно превалирует и в деятельности Международной организации уголовной полиции (Интерпола), Устав которой принят в 1956 г.

В тех случаях, когда конкретные международные акты (и прежде всего – ратифицированные международные договоры) являются актами «прямого» действия, очевидно их непосредственное **правоприменительное** значение. Такая ситуация предусмотрена, в частности, ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса РФ: «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила исполнения наказаний и обращения с осужденными, чем предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, то применяются правила международного договора».

При отсутствии их прямого действия международно-правовые основы борьбы с преступностью реализуются опосредованно, путем изменения текущего законодательства. И они весьма значимы для правильного понимания и толкования действующих норм. В качестве примера приведем ст. 356 УК РФ «Применение запрещенных средств и методов войны», устанавливающую уголовную ответственность за «жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортацию гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированной территории, применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации». Отсылка к соответствующим международным договорам ярко демонстрирует здесь **интерпретационную** роль международно-правовых основ борьбы с преступностью.

Ознакомление с ними, помимо прочего, призвано способствовать формированию гражданской позиции, расширению кругозора и совершенствованию профессионального сознания работников системы уголовной юстиции во всех странах, а также общественности, участвующей в ее деятельности. Принятый ООН в 1979 г. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка в этой связи отмечает, что «нормы, как таковые, не будут иметь практической ценности до тех пор, пока их содержание и значение посредством обучения и подготовки и путем осуществления контроля не станут частью кредо каждого должностного лица по поддержанию правопорядка». В этом, несомненно, следует усматривать **воспитательно-мировоззренческую** роль международно-правовых основ борьбы с преступностью.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов **научное** значение указанных выше норм, принципов и рекомендаций. Во многих таких международных документах содержатся разделы или отдельные положения о стимулировании научных разработок в соответствующих областях. Так, согласно ст. 20.3 Минимальных стандартных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением («Токийские правила») 1990 г., «механизмы проведения исследований и сбора информации должны включаться в систему уголовного правосудия для сбора и анализа данных и статистических показателей». С другой стороны, и само международное право борьбы с преступностью, в целом, и входящие в него отдельные международные акты, а также проблемы их реализации все чаще становятся предметом серьезных научных изысканий.

1.2. Становление и развитие международно-правовых основ борьбы с преступностью

Как и иные области международного права, международно-правовые основы борьбы с преступностью прошли длительный период исторического развития. Оно определялось характером, уровнем и многообразием межгосударственных отношений, динамикой экономических, политических и культурных взаимосвязей между странами.

Исторически первым институтом международного сотрудничества в борьбе с преступностью стала выдача преступников (экстрадиция). О ней упоминается еще в договорах, заключавшихся более трех тысячелетий назад египетскими фараонами с сопредельными государствами. Такая выдача предусматривалась в отношении беглых рабов и преступников. Известны договоры о выдаче, заключенные в рабовладельческую эпоху отдельными греческими городами-государствами. Выдача широко применялась к беглым рабам и преступникам в Древнем Риме.

Наряду с договорами о выдаче появились межгосударственные соглашения о взаимной уголовно-правовой охране торговых путей. Об этом, в частности, упоминают договоры древнерусских князей Олега (911 г.) и Игоря (944 г.) с Византией.

В Средние века, когда связи и коммуникации между государствами стали более разнообразными, возникала необходимость расширения их сотрудничества в борьбе с преступлениями. Наряду с традиционными договорами о выдаче появлялись межгосударственные соглашения о взаимной защите дипломатических и торговых представителей, включая нормы о дипломатическом иммунитете; о борьбе с пиратством и работорговлей; о борьбе с фальшивомонетничеством; о сотрудничестве в борьбе с контрабандой оружия и т.д.

Довольно интенсивно сотрудничество государств в сфере борьбы с преступностью развивалось в XIX веке. Этому значительно способствовали научно-технический прогресс, широкая миграция населения из Европы в Америку и на другие континенты. Появление новых, более разрушительных средств и методов ведения войны, обострившее проблему защиты населения в ходе военных действий, а также развитие международного гуманитарного права привели к тому, что среди международно-правовых основ борьбы с преступностью появляются конвенционные и иные международно-правовые нормы о защите прав человека.

В конце XIX века активизируется сотрудничество государств в правоохранительной деятельности. На международных полицейских кон-

грессах, начиная с 1872 г., рассматриваются проблемы международной идентификации преступников, координации деятельности полицейских органов, обращения с лицами, лишенными свободы, уголовной статистики и т.п. С 90-х годов XIX века среди политиков и ученых активно обсуждается статус международного уголовного права как отрасли международного права, перспективы международных уголовных судов.

Первая попытка такого суда *ad hoc* («для конкретного случая» – лат.) была предпринята в 1919 г. державами-победительницами в отношении бывшего кайзера Германии Вильгельма II за развязывание Первой мировой войны. Хотя эта попытка в конечном итоге не удалась, опыт войны привел к формированию в 20-е годы XX века значительного числа конвенций, запрещающих развязывание агрессивной войны, ведение войны неприемлемыми способами и средствами; жестокое обращение с военнопленными и мирным населением во время войны.

В 30-е годы в рамках международной организации Лиги Наций была предпринята попытка унифицировать уголовное законодательство в области борьбы с терроризмом, незаконного оборота наркотиков, торговли женщинами и детьми, рабствования, распространения порнографии.

Ключевую, уникальную роль в становлении и развитии международно-правовых основ борьбы с преступностью после Второй мировой войны сыграл Международный военный трибунал (МВТ) в Нюрнберге (Нюрнбергский трибунал), действовавший с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. Его приговором были осуждены 19 главных немецких военных преступников, признанных виновными в развязывании войны и чудовищных преступлениях против мира и человечества.

Устав Нюрнбергского трибунала был утвержден Соглашением между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции в августе 1945 г.

В Уставе Международного военного трибунала впервые в международном праве были сформулированы:

- порядок формирования и структура Трибунала;
- конкретные составы международных преступлений (преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности) и ряд материально-правовых (уголовно-правовых) принципов, лежащих в основе деятельности трибунала;
- порядок судопроизводства в МВТ;
- правовые основы исполнения наказаний по приговору Трибунала.

Из этого очевидно, что Устав МВТ по сути представлял собой комплексный международно-правовой акт, объединявший в себе нормы статутного (организационно-учредительного) характера, материального уголовного права, нормы о порядке уголовного судопроизводства, наконец, отдельные уголовно-исполнительные предписания.

В январе 1946 г. был учрежден Международный трибунал для Дальнего Востока (Токийский трибунал), действовавший до конца 1948 г. Суду Токийского трибунала были приданы японские военные преступники. Согласно Уставу Трибунала, его структура, состав, компетенция, порядок образования и деятельность были аналогичны Нюрнбергскому трибуналу.

Впоследствии развитие международного уголовного права в части ответственности за наиболее опасные преступления шло под непосредственным влиянием Нюрнбергского процесса и Устава МВТ. Его основные положения были развиты в ряде международных конвенций. Это Конвенция о предупреждении геноцида и наказании за него (1948 г.), Женевские конвенции о защите жертв войны (1949 г.), Конвенция о защите культурных ценностей в ходе международного конфликта (1954 г.) и другие. Генеральная Ассамблея ООН специальной резолюцией подтвердила принципы международного права, закрепленные Уставом МВТ, и его приговор в качестве общепризнанных. В этой связи и сам порядок деятельности Нюрнбергского трибунала, и его решения приобрели уникальный прецедентный характер для последующих международных судов (трибуналов) *ad hoc* (Международный трибунал по бывшей Югославии 1993 г., Международный трибунал по Руанде 1994 г. и др.), а также для Международного уголовного суда, Устав которого (Римский статут) был принят в 1998 г. (подробнее см. главу 8).

Послевоенное развитие международно-правовых основ борьбы с преступностью в мировом масштабе проходило главным образом в рамках созданной в 1945 г. Организации Объединенных Наций. Согласно ст. 3 Устава, ООН осуществляет международное сотрудничество в решении проблем социального и гуманитарного характера, в том числе проблем борьбы с преступностью. Эту работу ООН проводит через свои органы (Генеральную Ассамблею, Совет Безопасности, Секретариат, Комиссию международного права, Международный суд, Экономический и социальный совет (ЭКОСОС), Комиссию ЭКОСОС по предупреждению преступности и уголовному правосудию, Конгрессы ООН

по предупреждению преступности, научно-исследовательские институты и центры ООН).

Активное участие в разработке многих международных документов по проблемам борьбы с преступностью принимает Международный комитет по координации (МКК), направляющий работу Международной Ассоциации уголовного права (МАУП), Международного криминологического общества (МКО), Международного общества социальной защиты (МОСЗ) и Международного уголовного и пенитенциарного фонда (МУПФ). Все они имеют консультативный статус при ЭКОСОС.

Консультативный статус при ЭКОСОС имеют также такие авторитетные неправительственные международные организации, как Ассоциация против пыток (АПП) и Международная тюремная реформа – «Penal Reform International» (PRI).

Перечисленные выше структуры и организации играют важную роль в разработке основных направлений общемировой политики ООН в области борьбы с преступностью и функционирования системы международной уголовной юстиции.

Общепризнанным центром координации деятельности государств в области прав человека, социальных проблем, включая проблему преступности, является Совет Европы (СЕ). Учрежденный в 1949 г., в настоящее время он охватывает очень широкое правовое пространство, поскольку в него входит 47 государств. Согласно Уставу, каждое государство – член Совета Европы должно признавать принцип верховенства права и обеспечивать всем лицам, находящимся под его юрисдикцией, пользование правами и основными свободами, перечисленными в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) 1950 г. Судебный контроль в данной области осуществляет Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). Российская Федерация является членом Совета Европы с 1996 г.

Наряду с базовым документом СЕ – Европейской конвенцией 1950 г. в рамках Совета Европы (Комитетом министров стран-членов Совета Европы) за годы его существования принято несколько десятков авторитетных международных актов в области борьбы с преступностью. К ним относятся Европейская конвенция о выдаче преступников (1957 г.), Европейская конвенция о взаимной помощи по уголовным делам (1959 г.), Европейская конвенция о международном действии уголовных приговоров (1970 г.), Европейская конвенция о борьбе с терроризмом (1974 г.), Конвенция об «отмывании», выявлении изъятии и

конфискации доходов от преступной деятельности (1990 г.), Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (1999 г.), Европейские правила альтернативных санкций и мер (1992 г.), Европейские пенитенциарные (тюремные) правила (2006 г.), Европейские правила о пробации (2010 г.) и другие.

Особое значение имеет принятый в 1983 г. Протокол № 6 (Приложение к Европейской конвенции 1950 г.), предусматривающий отмену смертной казни в странах-членах Совета Европы.

Развитие международно-правовых основ борьбы с преступностью во второй половине XX и начале XXI века осуществлялось и посредством заключения двух- и многосторонних международных договоров, например соглашений о выдаче преступников, о правовой помощи по уголовным делам, о передаче для отбывания наказания осужденных лиц.

1.3. Факторы формирования и развития международно-правовых основ борьбы с преступностью

К ним относятся конкретные обстоятельства, обуславливающие необходимость и возможность существования комплекса международно-правовых актов в области борьбы с преступностью.

Изначально эта деятельность составляет предмет преимущественно внутренней компетенции государств, выступая ярким проявлением государственного суверенитета. Поэтому ведущая роль в криминализации и пенализации общественно опасных деяний, в осуществлении уголовной ответственности отводится национальным судам государств, на территории которых совершаются преступления. Однако история и практика убедительно свидетельствуют, что одних внутрисударственных мер в борьбе с преступлениями нередко оказывается явно недостаточно. Причем в конце XX – начале XXI века ситуация в данной области радикально изменилась.

Экономическая и политическая интеграция государств, которая в ряде случаев ведет к стиранию национальных границ, развитие транспорта, финансовой системы, телекоммуникаций и информационных технологий, демографические катаклизмы образовали ту среду, в которой за последние десятилетия беспрецедентно возросла международная активность преступников. В результате значительно увеличилось число уголовных дел, имеющих интернациональные аспекты. Это прежде всего дела о преступлениях, связанных с терроризмом, незаконным оборо-

том наркотиков, с организованной преступностью, с незаконной миграцией, торговлей людьми, коррупцией и «отмыванием» преступных доходов.

История (и в первую очередь – опыт Нюрнбергского трибунала) свидетельствует, что сотрудничество государств, в борьбе с преступлениями в первую очередь, безусловно, необходимо, когда они угрожают международной безопасности и даже самому существованию отдельных народов и всего человечества. Это агрессия, геноцид, военные преступления, преступления против человечности и т.п.

Потребность в тесном международном взаимодействии определяется и общегуманитарными факторами, связанными с необходимостью единого минимального уровня обеспечения общепризнанных прав и свобод человека и гражданина, в том числе в отношении отдельных, наиболее уязвимых групп населения.

Объективную основу, возможность международного сотрудничества в борьбе с преступностью определяют следующие обстоятельства:

- однотипные характер и структура общеуголовной преступности во всех странах мира, независимо от их государственного и общественного строя, экономических, географических, политических и социальных условий, религиозных и национальных традиций;

- однотипность структуры их законодательства о борьбе с преступностью, включающего во всяком случае уголовные законы (или иные нормативно-правовые акты), законодательство об уголовном судопроизводстве (в широком смысле слова); законодательство об исполнении уголовных наказаний; нередко – специальное законодательство о противодействии отдельным видам преступлений (терроризму, коррупции и т.д.);

- однотипность систем органов и учреждений уголовной юстиции, включающих во всех странах (с теми или иными особенностями) полицию, органы дознания и предварительного расследования, суды прокуратуру, уголовно-исполнительную систему;

- единство основополагающих требований к персоналу учреждений и органов системы уголовной юстиции, в том числе в области его профессиональной подготовки;

- коренное сходство средств и методов предупреждения преступлений и борьбы с преступностью, в том числе принципиальная общность систем уголовно-правовых санкций и порядка их применения;

- единство человеческой сущности и общность «естественных» прав всех лиц, подвергаемых уголовной ответственности и наказанию, признание подавляющим большинством государств основополагающих гуманитарных норм.

Перечисленные выше факторы играют роль своего рода «общего знаменателя» международного сотрудничества в борьбе с преступностью.

Отдельного рассмотрения заслуживает весьма непростой с политической и юридической точек зрения вопрос о будущем международно-правовых основ борьбы с преступностью (в том числе – международно-уголовного права) в свете тенденции глобализации. Последняя, как известно, характеризует процесс все более тесной мировой и региональной интеграции государств, включающий, помимо прочего, формирование наднациональных органов власти, унификацию правовых систем, формирование единой валюты, стирание национальных государственных границ и т.д. Классическим примером является Евросоюз после Шенгенских соглашений 2001 г.

В связи с этим отдельные юристы склонны считать, что уже сегодня необходимо признать безусловный приоритет наднационального права, когда нормативные основы деятельности международного сообщества по борьбе с преступностью будут развиваться от национального и даже международного права к «глобальному» уголовному законодательству. Тем самым будет реализована идея «правового государства во всемирном масштабе».

Сторонники противоположной точки зрения («антиглобалисты») не без оснований отмечают негативные социально-экономические последствия глобализации для большинства стран, население которых не принадлежит к так называемому «золотому миллиарду». В том числе – ограбление природных ресурсов и эксплуатацию населения развивающихся стран транснациональными корпорациями, усиление наднациональных бюрократических структур, «двойные стандарты» и политизацию уголовного преследования на международном уровне, вмешательство наднациональных органов уголовной юстиции в юрисдикцию судебных органов каждой страны, что в конечном итоге ведет к навязываемым ограничениям государственного суверенитета.

Как известно, существующие ныне масштабные межцивилизационные противоречия современности, кризисные условия социально-экономического развития, в том числе – проблема неконтролируемой

широкомасштабной миграции в Европу жителей ряда стран Африки и Ближнего Востока породила и тенденции, обратные глобализации. Ярким примером служит инициированный референдумом в 2016 г. выход Великобритании из Евросоюза («Brexit»).

Истина, как водится, видимо, «лежит посередине». С одной стороны, в современных условиях автаркия, самоизоляция России, крупнейшего по территории государства планеты, практически невозможна и бессмысленна. Одним из факторов ее развития в мире как раз и является повышение ее роли в международном сотрудничестве, в развитии международного права, правовых основ борьбы с преступностью. Однако, с другой стороны, такое сотрудничество не должно превращаться в «улицу с односторонним движением», вести к ущемлению коренных интересов, суверенитета России, принципов ее правовой системы. Представляется, что этим, прежде всего, и объясняется тот факт, что Россия (впрочем, как и США, и КНР) не ратифицировала Римский статут Международного уголовного суда и отозвала свою подпись под этим документом (подробнее см. главу 8).

1.4. Классификация международно-правовых основ борьбы с преступностью

Международно-правовые основы борьбы с преступностью содержатся в различных источниках международного публичного права, поэтому к ним применимы различные критерии классификации, принятые в науке и практике применения международного права. Таких критериев несколько.

По степени общности рассматриваемые международно-правовые основы можно разделить на **универсальные** и **специальные**. Первые, будучи источниками международного гуманитарного права (права прав человека), содержат основополагающие принципы определения правового статуса человека и гражданина с позиций так называемых «естественных» прав и свобод, хотя в отдельных их частях указанные источники могут определять отдельные стороны специфического статуса личности в системе уголовной юстиции. Примерами могут служить Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и другие (подробнее см. главу 2).

Вторая группа источников принимается, формируется специально для регулирования отдельных сторон общественных, в том числе –

межгосударственных отношений в области борьбы с преступностью применительно к системе уголовной юстиции в целом или ее отдельным элементам. Критерии такой специализации сами по себе чрезвычайно разнообразны. Ими могут быть:

- отдельные виды преступлений (международные преступления, преступления международного характера и общеуголовные преступления с международными аспектами);

- отдельные стороны взаимодействия государств в борьбе с преступностью (правовая помощь по уголовным делам, выдача преступников, передача осужденных для отбывания наказания и т.п.);

- отдельные элементы системы уголовной юстиции (полиция, органы дознания, предварительного следствия, правосудия, уголовно-исполнительная система);

- различные категории правонарушителей (несовершеннолетние, женщины, инвалиды, иностранцы и лица без гражданства, заключенные и осужденные без изоляции от общества);

- конкретные профессиональные группы персонала системы уголовной юстиции (полицейские, иные должностные лица, ведущие охрану правопорядка, лица, осуществляющие уголовное преследование, судьи, работники пенитенциарных учреждений и служб пробации, представители гражданского общества, участвующие в охране правопорядка и т.д.);

- жертвы преступлений, их окружение.

Подробнее каждый из перечисленных видов рассмотрен далее.

По широте (территориальным масштабам) действия различают общемировые и региональные международные акты. Первые распространяют свое действие на подавляющее большинство стран мира. Это, прежде всего, документы ООН (Всеобщая декларация прав человека и др.) либо принятые в рамках ООН (Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными 2015 г. и др.). К их числу можно также отнести принятый в 1956 г. Устав Международной организации уголовной полиции (Интерпола), поскольку членами этой международной организации ныне является 188 государств со всех частей света (подробнее см. главу 8).

Термином «регионы» в международном праве чаще всего именуется не административно-территориальные единицы тех или иных государств, а континенты. Поэтому к региональным документам в области международно-правовых основ борьбы с преступностью следует отне-

сти международные акты континентального действия. Понятно, что для России в этом отношении прежде всего значимы документы Совета Европы (Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма, Европейские правила о пробаации и т.п.).

По форме (способу) объективации следует различать **международно-правовые акты и правовые обычаи**.

Поддаляющее большинство международно-правовых основ борьбы с преступностью выражено в различных актах. Применяя к ним общие критерии классификации, в теории права следует разделять их на нормативно-правовые и индивидуально-правовые. К последним относятся имеющие характер прецедента судебные решения по конкретным делам:

- Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов;
- более поздних международных судов *ad hoc*;
- Международного уголовного суда;
- Европейского суда по правам человека;
- отдельные решения национальных судов по делам о международных преступлениях.

Международно-правовые акты **по источникам происхождения** (субъектам их принятия) подразделяются на:

- международные договоры (пакты, конвенции, соглашения, протоколы, меморандумы и т.п.). В свою очередь, международные договоры классифицируются на двусторонние и многосторонние, а также на межгосударственные, межправительственные и межведомственные;
- решения международных органов (Совета безопасности ООН, Комитета министров Совета Европы и др.);
- решения (резолюции, декларации, постановления) международных организаций. Последние могут быть правительственными (где их члены в качестве представителей делегированы уполномочившими их странами и выражают официальную позицию руководства этих стран) и неправительственными, общественными, где точка зрения их членов не обязательно совпадает с мнением руководства государств, гражданами которых они являются. Наиболее авторитетными международными правительственными организациями являются Организация Объединенных Наций, Совет Европы, Международная организация уголовной полиции (Интерпол).

Среди неправительственных международных организаций в рассматриваемой области наиболее известны такие, как «Ассоциация против пыток», «Международная амнистия», «Международная тюремная реформа (Penal Reform International)» и другие.

По степени обязательности различают положения, **обязательные** для практической реализации в системе уголовной юстиции, и **рекомендательные**. В числе обязательных актов выделяются самоисполнимые (или акты прямого действия) и несамоисполнимые, требующие изменений в законодательстве государства-участника. Согласно Российской Конституции, к числу обязательных относятся общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации (ст. 15). Причем в последнем случае имеются в виду не всякие, а лишь ратифицированные в установленном порядке Россией, а ранее – СССР межгосударственные договоры, пакты, конвенции, соглашения (подробнее см. главу 3).

Международные обычаи в практике борьбы с преступностью, в отличие, например, от сферы дипломатического церемониала и протокола, применяются крайне редко. В качестве примера можно привести сложившееся в практике международного сотрудничества государств правило «Выдай или суди».

Система международно-правовых основ борьбы с преступностью чрезвычайно обширна и разнообразна. Многие из актов, содержащие такие основы, в ряде их положений частично совпадают по смыслу. Однако то, что ряд положений дублируется, дает возможность придавать им больший вес путем перекрестной ссылки, то есть использовать подробную статью в одном документе как толкование более общей статьи в другом. Это особенно важно, если какое-либо положение имеет обязательную силу в одном документе и не имеет ее в другом.

1.5. Проблемы реализации международно-правовых основ борьбы с преступностью

Формы и способы реализации международно-правовых основ борьбы с преступностью в первую очередь определяются юридической природой и статусом соответствующих источников международного права. Особое место среди последних занимают общепризнанные принципы и нормы международного права и ратифицированные международные договоры Российской Федерации. Они, как указано в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, «являются составной частью ее правовой системы. Если меж-

дународным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Понятие общепризнанных принципов и норм международного права дается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 10 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». Как отмечено в Постановлении, содержание указанных принципов и норм может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений. Например, – во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., которая по ее правовой природе не нуждалась в ратификации в качестве международного договора.

Международные договоры Российской Федерации, а также заключенные ранее СССР действующие международные договоры также выступают частью правовой системы России. В данном случае имеются в виду ратифицированные Россией (ранее – СССР) соглашения (договоры, пакты, конвенции), независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе либо в нескольких¹.

В теории международного права все обязательные международные акты (договоры, пакты, конвенции) делят на две группы: «самоисполнимые» и «несамоисполнимые». Первые для непосредственной их реализации не требуют изменения национального законодательства, а вторые содержат обязательства государств их провести. В соответствии с ч. 3 ст. 10 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутрисударственных актов для применения, действуют в России непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров должны приниматься соответствующие акты. К признакам, свидетельствующим о невозможности непосредственного применения положений международного договора РФ, относятся, в частности, имеющиеся в договоре указания на обязательст-

¹ Исключением обычно являются дополнительные протоколы (приложения) к договорам, которые нуждаются в самостоятельном подписании и ратификации. Например, Протокол № 6, 1983 г. «Относительно отмены смертной казни» как приложение к Европейской конвенции 1950 г.

ва государств-участников по внесению изменений в действующее законодательство¹.

В сфере уголовной юрисдикции непосредственно применяются такие вступившие в силу международные договоры, которые стали обязательными для РФ, положения которых не требуют издания внутренних актов для их применения и способны порождать конкретные права и обязанности. В этом случае нередко используются прямые отсылки к международным договорам. Так, в ч. 2 ст. 13 УК («Выдача лиц, совершивших преступление») говорится, что «иностранные граждане и лица без гражданства, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации и находящиеся на территории Российской Федерации, могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания в соответствии с международным договором Российской Федерации». Статья 355 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт химического, биологического, токсического, а также другого вида оружия массового поражения, «запрещенного международным договором Российской Федерации».

В соответствии с ч. 12 ст. 97 Уголовно-исполнительного кодекса РФ «выезд осужденных на территорию другого государства разрешается в порядке и в случаях, предусмотренных соглашениями с соответствующими государствами».

В то же время международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовного наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо предусматривается обязанность государств обеспечить выполнение установленных договором обязательств путем введения нака-

¹ В отдельных случаях некоторые положения международных актов обязательного характера не столь категоричны, выступая, по сути, скорее рекомендациями. К примеру, в п. 8 ст. 33 Конвенции ООН против коррупции указано, что «государства-участники могут рассмотреть возможность установления требования о том, чтобы лицо, совершившее преступление, доказало законное происхождение таких предполагаемых доходов от преступления или другого имущества, подлежащего конфискации, в той мере, в какой такое требование соответствует основополагающим принципам их внутреннего законодательства и характеру судебного и иного разбирательства». В этой части несостоятельны упреки в адрес государственной власти в том, что она нарушает положения ратифицированного договора.

зуюмости определенных преступлений внутренним (национальным) законом. К примеру, в ст. 2 Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. говорится: «Каждая сторона принимает такие законодательные... меры, которые могут потребоваться для того, чтобы квалифицировать в качестве уголовных преступлений... обещание, предложение или предоставление каким-либо лицом, прямо или косвенно какого-либо неправомерного преимущества любому из ее государственных должностных лиц для самого этого лица или любого иного лица с тем, чтобы оно совершило действия или воздержалось от них при осуществлении своих функций».

Проблемы адекватности отражения в национальных законах взятых на себя международных обязательств значимы для любой страны вообще и для России в частности. В этом плане интересно сравнить общие позиции законодателя по отношению к международным актам применительно к трем российским кодексам – Уголовному, Уголовно-процессуальному и Уголовно-исполнительному.

Статья 1 УК РФ предельно лаконична. В ее первой части указано: «Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс». Вместе с тем признается значение международных актов: «Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права (ч. 2 ст. 1 УК)».

Исходя из ст. 54 Конституции РФ, а также из ст. 8 УК РФ, уголовной ответственности в Российской Федерации подлежат лица, совершившие деяния, содержащие все признаки составов преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РФ.

В этой связи несостоятельны высказываемые нередко суждения, что отдельные виды международных актов (и прежде всего – упомянутые в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) являются источниками российского уголовного права. Они в какой-то мере справедливы, если под термином «источник» понимать «источник развития», то есть фактор, обуславливающий появление, дополнение, изменение, отмену норм действующего УК РФ. Так, в результате ратификации Россией в 2001 г. Конвенции Совета Европы 1990 г. «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» были внесены соответствующие законодательные новеллы в Уголовный кодекс (ст.ст. 174–174¹). В то же время данное обстоятельство требует внесения дополне-

ния в ч. 2 ст. 1 УК РФ о том, что Кодекс основывается также и на международных договорах Российской Федерации.

Как отмечалось выше, в исключительных случаях в области уголовно-правового правоприменения прямое действие международных актов тоже возможно, но лишь в случаях прямой отсылки к ним в нормах УК (ст.ст. 13, 355, 356 и др.) и когда данными договорами непосредственно не устанавливается преступность и наказуемость деяний.

Иную позицию по соотношению национального законодательства и международных актов занимает законодатель применительно к уголовному судопроизводству. Статья 1 УПК РФ озаглавлена «Законы, определяющие порядок уголовного судопроизводства». В ч. 1 данной статьи указано: «Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации». Однако обратим внимание на ч. 3 ст. 1: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Кодексом, то применяются правила международного договора».

Логика законодателя здесь противоречива. С одной стороны, как это следует из ч. 1 ст. 1 УПК, единственный источник правового регулирования уголовного судопроизводства – это Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Это подчеркивается и предписанием ч. 2 ст. 1: «Порядок уголовного судопроизводства, установленный настоящим Кодексом, является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства».

С другой стороны, в ч. 3 ст. 1 УПК появляется новый круг источников уголовного судопроизводства. Это «законодательство Российской Федерации, регулирующее уголовное судопроизводство», составной частью которого являются «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации». Если термины «Уголовно-процессуальный кодекс РФ» и «законодательство Российской Федерации об уголовном судопроизводстве» здесь различны по объему, то это противоречит ч. 1 и ч. 2 ст. 1 УПК. Если они идентичны, то международные принципы, нормы и договоры никак не могут быть составной частью Уголовно-процессуального кодекса.

Более того, они не могут и выступать частью законодательства, если последнее шире Кодекса. Законодательство, независимо от его понимания в узком (как совокупность законов) либо в широком смысле (как система всех нормативных актов), – категория внутригосударственная. Как уже отмечалось, нет и не может быть «международного» законодательства. Ссылка на ч. 4 ст. 15 Конституции РФ здесь ничего не доказывает, ибо Конституция в данном контексте упоминает о составной части «правовой системы» России, а не о составной части ее законодательства.

Более оптимально, на наш взгляд, определено соотношение российского законодательства о борьбе с преступностью и международных актов в сфере уголовно-исполнительного правового регулирования. Часть 1 ст. 3 УИК РФ «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и международно-правовые акты» гласит, что «уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и практика его применения основываются на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации, являющихся составной частью гарантий защиты от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными».

Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила исполнения наказаний и обращения с осужденными, чем предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, то применяются правила международного договора (ч. 2 ст. 3 УИК).

Согласно ч. 4 рассматриваемой статьи, «рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии необходимых экономических и социальных возможностей».

Как видно из содержания ст. 3 УИК, законодатель исходит из следующих обстоятельств:

- Кодекс – не единственный источник уголовно-исполнительного законодательства, в круг которого входят и другие федеральные законы (ч. 1 ст. 2 УИК);

- в отличие от Уголовного кодекса РФ в сфере исполнения наказаний допускается прямое действие общепризнанных принципов и норм меж-

дународного права и ратифицированных договоров РФ, причем не только в случаях прямых отсылок к ним в законе¹:

- специфический статус имеют международные акты рекомендательного характера. Последние, несмотря на отсутствие обязательности, также не должны игнорироваться.

Согласно ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., государства-участники «не могут ссылаться на положения своего внутреннего права для невыполнения ими договора». В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. (п. 8) данное положение трактуется таким образом, что правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении законов Российской Федерации. При этом, согласно п. «в» ч. 3 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения данного договора.

Российская Федерация как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод при ратификации Конвенции признала юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной при толковании Конвенции и протоколов к ней, если предполагаемое нарушение Россией положений этих актов имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации (1998 г.).

С учетом отмеченных выше положений следует остановиться на проблеме исполнимости решений ЕСПЧ в тех случаях, когда толкование Судом норм Конвенции 1950 г. противоречит Конституции России. Эта проблема обострилась и вызвала оживленные, в том числе политические дискуссии в связи с известным решением ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России».

Суть жалобы заявителей состояла в необходимости признания нарушения российскими властями ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующей право на сво-

¹ В качестве примера можно привести ст. 73 УИК о правилах определения места отбывания лишения свободы (в территориальном плане). Среди обстоятельств, учитываемых при направлении осужденных к месту отбывания наказания, не указано иностранное гражданство осужденного при наличии у России договора о передаче осужденных-иностранцев для отбывания наказания в страну, гражданами которой они являются (см. подробнее главу 7).

бодные выборы, поскольку, отбывая наказание в виде лишения свободы, они были лишены активного избирательного права.

По мнению Страсбургского суда, закрепленное ч. 3 ст. 32 Конституции РФ ограничение избирательного права лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, противоречит Конвенции и Протоколу № 1, поскольку носит «абсолютный, автоматический и недифференцированный характер». В связи с этим ЕСПЧ предложил России обеспечить участие заключенных в выборах.

В июле 2015 г. Конституционный Суд постановил, что отдельные спорные решения ЕСПЧ могут в России не исполняться, если они противоречат Конституции. При этом он исходил из того, что международные договоры, в отношении которых наша страна оформила свое участие, обладают приоритетом только над законами, но не над самой Конституцией России. Как видно, правовая позиция Конституционного Суда была сходна с приведенной выше трактовкой приоритета международных договоров Верховным Судом Российской Федерации в 2003 г.

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации Постановления Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» требования ЕСПЧ о предоставлении права голоса всем заключенным, отбывающим наказание, были признаны неисполнимыми как противоречащие ст. 32 Конституции Российской Федерации.

Такое решение не было беспрецедентным. Конституционное право многих стран исходит из того, что положения международных договоров могут иметь преимущество перед национальным законом, но не должны противоречить Конституции (ст. 5 Конституции Болгарии, ст. 25 Конституции Германии, ст. 91 Конституции Польши и др.).

Важной чертой международно-правовых основ борьбы с преступностью является наличие в нем международных норм, не обладающих обязательной юридической силой. Такие положения носят рекомендательный характер. В теории они именуется нормами «мягкого права» и находят отражение в «образцах», «стандартах» поведения, воплощенных в решениях международных организаций и их органов, межправительственных конференций.

Международное «мягкое право» может выступать средством конкретизации и толкования обязательных норм, по мере возможности оно учитывается при формировании текущего законодательства о борьбе с преступностью (см. ч. 4 ст. 3 УИК РФ), используется в судебной и административной практике при аргументации решений, наконец, определяет главные направления развития законодательства и системы уголовной юстиции. В качестве иллюстрации сошлемся на Преамбулу Минимальных стандартных правил обращения с заключенными 1955 г.: «Принимая во внимание разнообразие юридических, социальных, экономических и географических условий, ясно, что не все эти правила можно применять повсеместно и одновременно. Они должны, однако, вызывать к жизни постоянное стремление к преодолению практических трудностей, стоящих на пути к их осуществлению, поскольку в общем и целом они отражают те минимальные условия, которые Организация Объединенных Наций считает приемлемыми».

Здесь очевидна и еще одна важная роль рекомендательных норм. Стремление к их реализации выступает своеобразным критерием «цивилизованности» национальных систем уголовной юстиции или их отдельных звеньев.

Отдельные нормы рекомендательного характера существуют и в международных актах, обладающих обязательной юридической силой. Например, когда соответствующая норма обязывает не непосредственно криминализовать деяние, а лишь «рассмотреть возможность» такой криминализации.

Наконец, особое место среди рекомендательных актов занимают «типовые договоры» как модели (алгоритмы, образцы) соответствующих возможных двух- и многосторонних договоров. Например, Типовой договор о выдаче (резолюция 45/116 ГА ООН от 14 декабря 1990 г.); Типовой договор о взаимной помощи в области уголовного правосудия (резолюция ГА ООН 45/117 от 14 декабря 1990 г.); Типовой договор о передаче надзора за правонарушителями, которые были условно осуждены или условно освобождены (резолюция 45/119 ГА ООН от 14 декабря 1990 г.) и другие.

Глава 2

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ АКТЫ, ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

2.1. Общемировые универсальные акты

Подавляющее большинство важнейших общемировых универсальных международных документов, имеющих отношение к борьбе с преступностью, – это разработанные в рамках и под эгидой Организации Объединенных Наций договоры (пакты, конвенции) о защите прав и свобод человека. Среди них особое место занимает **Всеобщая декларация прав человека**, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 1948 г. Сама по себе декларация не является документом договорного характера, она не нуждалась в ратификации странами-членами ООН. Однако ее положения с момента ее принятия приобрели статус «обще-признанных принципов и норм международного права» и практически все в дальнейшем были воспроизведены в ряде договоров, конвенций, в силу чего обрели обязательный характер для ратифицировавших их государств. И в первую очередь – в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. (ратифицирован СССР в 1973 г. и вступил в силу в 1976 г.).

Все положения рассматриваемых ниже документов применимы для определения коренных основ правового статуса личности в сфере уголовной юстиции. Статья 2 Всеобщей декларации прав человека устанавливает, что права и свободы, провозглашенные Декларацией, относятся ко всем без исключения. Среди наиболее общих принципов такого рода следует указать на право человека на жизнь, свободу и на личную неприкосновенность (ст. 3), право на признание правосубъектности

(ст. 5), равенство перед законом и защита от дискриминации (ст. 7), защита от произвольного вмешательства в личную и семейную жизнь (ст. 12), право гражданства (ст. 15), право владения имуществом (ч. 1 ст. 17), право на свободу мысли, совести и религии (ст. 18) и другие.

Другая группа содержащихся во Всеобщей декларации принципов сформулирована в большей мере применительно к сфере уголовной юстиции. Это запрет пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания (ст. 5); право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами (ст. 8); запрет произвольного ареста, задержания или изгнания (ст. 9); право на справедливое, беспристрастное и независимое судебное разбирательство (ст. 10); презумпция невиновности и запрет обратной силы уголовного закона (ст. 11); запрет произвольного лишения имущества (ч. 2 ст. 17).

Международный пакт о гражданских и политических правах воспроизводит и отчасти конкретизирует большинство соответствующих норм Всеобщей декларации прав человека, делая их непосредственно действующими в качестве положений ратифицированного международного договора. К числу заслуживающих наибольшего внимания дополняющих положений в Международном пакте относятся следующие:

- запрет проведения медицинских или научных опытов над лицом без его свободного согласия (ст. 7);
- запрет принудительного или обязательного труда (ст. 8);
- конкретизация оснований и порядка лишения человека свободы (ст. 9);
- недопустимость лишения свободы, если человек не в состоянии выполнить договорное обязательство (ст. 11);
- равенство перед судом и подробные гарантии в уголовном судопроизводстве (ст. 14);
- запрет вторичного осуждения или наказания за преступления, за которые лицо уже однажды было осуждено или оправдано (ст. 14);
- запрет обратной силы уголовного закона с оговоркой относительно предания суду и наказания за уголовное преступление «согласно общим принципам права, признанным международным сообществом (ст. 15)».

Особого внимания заслуживают положения Международного пакта относительно смертной казни, запрета принудительного труда и обращения с лицами, лишенными свободы. В отличие от более поздних ев-

ропейских документов, Пакт 1966 г. в принципе не запрещает смертную казнь как уголовное наказание. В ст. 6 Пакта содержится лишь ряд серьезных ограничений ее применения. Это вынесение смертных приговоров судом только за «самые тяжкие преступления» при исключении обратной силы уголовного закона, право осужденных просить о помиловании или о смягчении приговора, причем «амнистия, помилование или замена смертного приговора могут быть дарованы во всех случаях». Смертные приговоры не должны выноситься за преступления, совершенные лицами до восемнадцати лет, и не приводиться в исполнение в отношении беременных женщин.

При этом Международный пакт стимулирует ограничение, отсрочку или отмену смертной казни, указывая, что ничто в нем не должно рассматриваться как препятствующее этому. Принятый Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 г. и открытый для подписания Второй факультативный протокол к Международному пакту, направленный на отмену смертной казни, в частности, предусматривает, что каждое государство-участник должно принять «все необходимые меры для отмены смертной казни в рамках своей юрисдикции (ст. 1)». Российская Федерация пока не ратифицировала данный Протокол.

Статья 10 Пакта относится к лицам, лишенным свободы. Они, независимо от оснований и вида лишения свободы, имеют право на гуманное обращение; обвиняемые, по общему правилу, должны содержаться отдельно от осужденных, а несовершеннолетние – от взрослых. Важно, что пенитенциарный режим должен преследовать цель исправления осужденных.

Международный пакт в ст. 8 запрещает рабство, подневольное состояние, а также «принудительный или обязательный труд». Вместе с тем данным термином не охватываются, следовательно, не подпадают под международно-правовой запрет каторжные работы, назначенные в виде наказания по приговору суда, а также «работа или служба, которую, как правило, должно выполнять лицо, находящееся в заключении на основании законного распоряжения суда, или лицо, условно освобожденное от такого заключения».

Такая постановка вопроса и его решение в международном праве, по сути, не нова. Еще в 1930 г. Генеральная конференция Международной организации труда приняла **Конвенцию № 29 «О принудительном или обязательном труде»**. Эта Конвенция была ратифицирована СССР в 1956 г. Запрещая такой труд, Конвенция не отнесла к таковому, поми-

мо прочего, «всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица вследствие приговора, вынесенного решением судебного органа, при условии, что эта работа или служба будет производиться под надзором и контролем государственных властей и что указанное лицо не будет уступлено в распоряжение частных лиц, компаний или обществ».

Примечательно, что это положение в его основе воспроизведено в принятом в 2001 г. Трудовом кодексе Российской Федерации (ч. 4 ст. 4)¹.

Среди рассматриваемых универсальных международных актов важное место принадлежит **Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания** 1984 г., ратифицированной СССР в 1987 г. Принципиально важно содержащееся в ст. 1 Конвенции определение пытки, которое существенно отличается от представления о пытках в обыденном правосознании: это «любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия».

Никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние или угроза войны, чрезвычайное положение, приказ вышестоящего начальника или государственной власти и тому подобные обстоятельства не могут служить оправданием пыток.

Вместе с тем в определение пытки «не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно».

¹ Тем не менее здесь налицо противоречие. Снимая в полном соответствии с международными актами вопрос о принудительности труда осужденных, Трудовой кодекс не содержит специальной главы об особенностях правового регулирования их труда. Такие особенности, большей частью, предусмотрены в Уголовно-исполнительном кодексе РФ 1996 г. Но УИК РФ, в отличие от Трудового кодекса, к сожалению, не включает в себя принципиальное положение о недопустимости считать принудительным труд осужденных на основании приговора суда.

Каждое государство-участник Конвенции должно обеспечить рассмотрение всех актов пыток в соответствии с его уголовным законодательством и с установлением «соответствующих наказаний» за пытки как за тяжкие преступления. Государства-участники обязуются включать такие преступления в качестве преступлений, влекущих выдачу, в любой заключаемый ими договор о выдаче (ст. 8). Жертвы пыток должны получать справедливую и адекватную компенсацию.

Конвенция предусматривает возможность проведения международного расследования, когда имеются достаточные основания полагать, что на территории какого-либо государства-участника систематически применяются пытки. Такое расследование может включать посещение территории государства с его согласия членами Комитета против пыток, созданного в соответствии с Конвенцией.

2.2. Европейские универсальные акты

Принципиальные положения о защите прав и свобод человека содержатся и в региональных международно-правовых документах универсального характера. На Европейском континенте в послевоенное время они разрабатывались и принимались под эгидой Совета Европы, образованного в 1949 г. В соответствии с его Уставом Совет является правительственной организацией и занимается вопросами развития социальной сферы, обеспечением прав и свобод человека в Европе. Помимо международных актов общемирового значения юридическую основу деятельности Совета составляют **Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод** от 4 ноября 1950 г. (с протоколами) и **Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания** от 26 ноября 1987 г. (с протоколами).

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод зиждется на Всеобщей декларации прав человека. Статья 3 Конвенции определяет, что никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию. Согласно ст. 5, никто не может быть лишен свободы иначе как в предусмотренных Конвенцией случаях и в порядке, установленном законом. К таким случаям, в частности, относятся «законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом», предварительное заключение подозреваемого, обвиняемого и т.д..

Судя по тексту Конвенции, «законным» в принципе признается не только лишение свободы исключительно и непосредственно в силу судебного решения, но и по решению иных предусмотренных законом компетентных органов. Но при этом каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным. Каждый незаконно лишенный свободы имеет право на компенсацию.

Конвенция запрещает «принудительный или обязательный труд». Однако в этот термин не включается в том числе «любая работа, которую обычно должно выполнять лицо, находящееся в заключении согласно положениям ст. 5 настоящей Конвенции или условно освобожденное от такого заключения».

Конвенция в принципе допускает применение смертной казни «в исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание». Вместе с тем Протокол № 6 Конвенции от 28 апреля 1983 г. «Относительно отмены смертной казни», выражая общегуманистическую тенденцию к отмене смертной казни, в ст. 1 провозгласил ее отмену. Согласно ст. 2 упомянутого Протокола, это наказание возможно лишь «за действия, совершенные во время войны или при неизбежной угрозе войны».

Впоследствии, в 2002 г. был принят еще один документ – Протокол № 13 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни в любых обстоятельствах. В нем никакие оговорки относительно смертной казни не допускаются. Как известно, Российская Федерация подписала Протокол № 6, хотя его пока не ратифицировала. Протокол № 13 Россией не подписан и не ратифицирован.

Европейская конвенция 1950 г. особо закрепляет право граждан на справедливое судебное разбирательство и его важнейшие гарантии, включая презумпцию невиновности (ст. 6), а также запрет обратной силы уголовного закона (ст. 7).

Отметим также содержащееся в Конвенции запрещение дискриминации (ст. 14), запрещение злоупотребления правами (ст. 17) и право на эффективные средства правовой защиты (ст. 13).

Раздел II Конвенции 1950 г. закрепляет статус, компетенцию и порядок деятельности Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ).

Европейская конвенция о защите прав человека в отношении Российской Федерации вступила в силу в 1998 г. Согласно Федеральному закону РФ о ее ратификации от 30 марта 1998 г., «Российская Федерация в соответствии со статьей 46 Конвенции признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации».

Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания 1987 г. вступила в силу в феврале 1989 г. и ратифицирована Российской Федерацией в 1998 г., Конвенция исходит из принципов, изложенных в упомянутой выше Конвенции против пыток 1984 г., но имеет особенности. Они связаны с созданием специального внесудебного механизма контроля в области предупреждения пыток в местах заключения (Европейский комитет по предупреждению пыток).

Все участники Конвенции договариваются о том, что Комитет имеет право посещать места заключения (в том числе тюрьмы) с целью выявления и предотвращения нарушений в этой области. Рекомендации, включаемые Комитетом в свои конфиденциальные доклады, признаны улучшать условия заключения с тем, чтобы исключить всякую возможность пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания.

Глава 3

МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

3.1. Проблема международного уголовного права: история и современность

Развитие международного сотрудничества в борьбе с преступностью и рост числа преступлений, имеющих интернациональные аспекты, уже в конце XIX в. привели к идее создания «международного уголовного права». Среди дореволюционных русских юристов-международников эту идею последовательно поддерживали Н.М. Коркунов и Ф.Ф. Мартенс.

Вначале под международным уголовным правом предлагалось понимать совокупность международно-правовых норм, регулирующих действие уголовного закона в пространстве, а также взаимную правовую помощь государств по уголовным делам и выдачу преступников. Позднее в международное уголовное право стали включать конвенционные нормы, предусматривавшие обязанность государств-участников конвенций устанавливать уголовную ответственность за ряд преступлений (пиратство, распространение порнографии, работоторговлю, нарушение целостности подводного кабеля и т.д.).

Тем не менее вопрос о международном уголовном праве и поныне является предметом дискуссий. Нередко основными аргументами в них служат доводы не юридического, а политико-идеологического свойства. Остроте дискуссий способствовало и то обстоятельство, что ученые-международники, как и криминалисты, часто исходят из совершенно разных представлений о самом предмете международного уголовного права.

Наличие большого числа различных международно-правовых документов, принятых в XX в., как правило, было обусловлено задачей развития международного и межгосударственного сотрудничества в поддержании мирового правопорядка, в том числе в борьбе с международной преступностью, а также предотвращения и наказания международных преступлений и преступлений международного характера. И в этой связи многие ученые демонстрировали и демонстрируют наиболее широкий подход к предмету международного уголовного права, включая в него весь круг отношений в области охраны международного правопорядка и сотрудничества государств по предупреждению преступлений и наказанию виновных.

Однако субъектами такого сотрудничества, как и субъектами международного публичного права вообще, наиболее часто выступают государства. Во всяком случае, субъектами международного права не признаются физические лица. Но категория уголовной ответственности, базисная для конструирования и применения всякого национального уголовного права, неприменима к государствам. И в этой связи авторы, отрицавшие необходимость и возможность международного уголовного права, еще в 30-е годы прошлого века писали, что для его существования необходимо, как минимум, наличие международных уголовно-правовых норм, непосредственно распространяющихся не на государства, а на их граждан, признание приоритета этих норм над национальным законодательством, а также наднациональные (международные) судебные органы, которые эти уголовно-правовые нормы могли бы применять.

Среди советских ученых и политиков 20 – 30-х годов прошлого века идея международного уголовного права (включая идею международного уголовного суда) воспринималась изначально как реакционная, как теоретическое обоснование диктата ведущих капиталистических государств, ограничения суверенитета и вмешательства во внутренние дела Советского Союза, а позднее – всех стран «социалистического лагеря».

Между тем послевоенное развитие и, прежде всего, деятельность международных трибуналов в Нюрнберге и Токио (где, как известно, советские представители приняли самое активное участие) заставили отечественных международников подходить к идее международного уголовного права более взвешенно. Постепенное ее признание советской правовой доктриной началось с главной ее составляющей – уголовно-правовой защиты мира и безопасности человечества (М.Д. Шар-

городский, А.Н. Трайнин и др.). Именно в этой области сложился ряд принципов международного уголовного права, перечень видов наиболее тяжких международных преступлений, признанных таковыми ООН и вступившими в силу приговорами международных судов *ad hoc*.

Послевоенное развитие конвенциональных международно-правовых основ борьбы с целым рядом преступлений, с транснациональной организованной преступностью существенно расширило круг источников «материального» международного права, регламентирующих основания, условия и меры уголовной ответственности физических лиц. Весомым аргументом в пользу становления международного уголовного права стало принятие в 1998 г. Устава Международного Суда – Римского статута, в котором четко выделяется группа норм международного материального уголовного права (преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, общие принципы уголовного права, меры наказания). Помимо этого, Римский статут содержит положения организационно-структурного, процедурного (процессуального) и уголовно-исполнительного характера, то есть представляет собой комплексный международно-правовой акт.

Именно Римский статут ныне дает наиболее весомые основания судить в доктринальном плане о тенденции становления норм международного материального уголовного права. С таких позиций международное уголовное право в собственном смысле слова представляет собой лишь часть целого комплекса международно-правовых основ борьбы с преступностью. Наряду с этим в юридической литературе одновременно обосновывается становление и развитие таких относительно самостоятельных отраслей, как международный уголовный процесс (международное уголовное судопроизводство), международное судостроительство (статутное право), наконец – международное уголовно-исполнительное право. Имея в виду также существование целого комплекса международных актов преимущественно некарательной профилактической направленности (например, Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские Правила) 1990 г., Пекинские правила 1985 г. и др.), можно дополнить этот перечень международным криминологическим (профилактическим) правом.

Специфический предмет и режим юридического регулирования международного уголовного права находится в развитии. Тем не менее можно выделить ряд черт, отражающих сходство и различие междуна-

родного уголовного права (в его узком, материально-правовом смысле) и национального уголовного права любого государства.

Как в национальном, так и в международном уголовном праве базисными категориями выступают «преступление» и «наказание». И международное, и национальное уголовное право исходят, как правило, из принципа личной виновной ответственности вменяемых физических лиц. Уголовная ответственность юридических лиц в принципе также допускается. Но она все же является факультативной и предусматривается как не во всех странах (например, в УК Франции), так и не во всех соответствующих международных актах (например, в ст. 10 Конвенции ООН 2000 г. против транснациональной организованной преступности).

В национальном и в международном уголовном праве сохраняют свое значение основополагающие принципы уголовной ответственности (законность, гуманизм, виновность, экономия уголовной репрессии, недопустимость ссылки на должностное положение или исполнение приказа, «*nullum crimen sine lege*» (нет преступления без указания о том в законе), «*nullum poena sine lege*» (нет наказания без указания о том в законе), отсутствие обратной силы уголовного закона, исключение ответственности для лиц, не достигших определенного (чаще – 18-летнего) возраста.

Используются также такие классические институты уголовного права, как соучастие, неоконченное преступление, добровольный отказ, а также основания освобождения от уголовной ответственности.

Наконец, существующая (хотя и довольно фрагментарная) совокупность наказаний в международном уголовном праве не содержит каких-либо «экзотических» мер, аналогов которым не было бы в национальном уголовном законодательстве большинства государств.

Вместе с тем есть ряд важных особенностей, присущих исключительно международному уголовному праву в отличие от национального. В первую очередь это относится к его источникам. В большинстве государств основными либо единственными источниками уголовного права являются кодифицированные законодательные акты – уголовные кодексы, структурно состоящие из общей и особенной частей. Реже система национального уголовного права складывается из ряда уголовных законов, тем не менее, образующих целостную совокупность.

Какого-либо **целостного международного уголовного кодекса не существует и вряд ли он вообще может существовать** как результат некой всеохватывающей «международной криминализации». Попытки

такого рода «кодификаций» на международном уровне всегда касались лишь части уголовно наказуемых деяний, как правило – наиболее опасных. Такая тенденция имела место в предложенном Комиссией международного права ООН в 1991 г. проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и юридически отражена в упомянутом выше Уставе Международного уголовного суда 1998 г. (Римском статуте). Но и Римский статут не содержит Общей и Особенной частей, определяя отдельные виды (составы) преступлений, находящиеся в его юрисдикции, в самом начале его текста.

Прочие договоры, пакты, конвенции, содержащие нормы материального уголовного права (например, в виде рекомендуемых конструкций составов преступлений), обычно, этими нормами не исчерпываются, представляя собой комплексные международно-правовые акты. К примеру, в ратифицированном Россией Протоколе о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющем упомянутую выше Конвенцию ООН 2000 г., определяющем понятие «торговли людьми» в целях ее криминализации во внутреннем уголовном законодательстве (ст.ст. 3, 5), содержатся также положения о защите жертв этих преступлений, о предупреждении таких преступлений и межгосударственном сотрудничестве в борьбе с торговлей людьми.

В части материально-правового определения круга преступного поведения международное уголовное право ограничивает свой предмет лишь так называемыми «конвенционными» деяниями – международными преступлениями и преступлениями международного характера (подробнее см. главы 5 и 6). Общеуголовные (неконвенционные) преступления с интернациональными аспектами, борьба с которыми также может проводиться на основе международно-правовых соглашений (например, договоров о выдаче, об оказании правовой помощи по уголовным делам и т.п.), тем не менее к предмету международного уголовного права (в его узком, собственном смысле) не относятся.

Среди источников международного права определенное значение имеют **судебные прецеденты**. В первую очередь – решения Нюрнбергского и Токийского трибуналов, а также приговоры более поздних международных судов *ad hoc* и Международного уголовного суда.

Кроме того, Российская Федерация как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. признает юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толко-

вания и применения Конвенции и протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления в силу в отношении Российской Федерации (ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»). Поэтому применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека. В Постановлении Пленума Верховного суда РФ № 21 от 27 июня 2013 г. «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней подчеркивается, что правовые позиции Европейского суда по правам человека, которые содержатся в окончательных постановлениях Суда как в отношении Российской Федерации, так и других государств-участников Конвенции, являются обязательными для судов, «если обстоятельства рассматриваемого ими дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводом Европейского суда».

В отличие от национального уголовного права подавляющее большинство норм международного уголовного права не обладает свойством прямого действия (подробнее см. 3.3). С другой стороны, отсутствие в национальном законодательстве конкретного состава преступления в исключительных случаях не исключает привлечения виновных к ответственности по нормам международного уголовного права. Как указано в ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах, «ничто... не препятствует преданию суду и наказанию любого лица за деяния или упущение, которое в момент совершения являлось уголовным преступлением согласно общим принципам права, признанным международным сообществом».

И в этой связи, например, широко распространен международный **обычай**, по которому ответственность лица за международное преступление наступает независимо от того, является ли государство его гражданства участником соответствующей конвенции. Здесь презюмируется то, что преступность подобных деяний общепризнана международным сообществом.

Данные обстоятельства дают основания для вывода, что **в исключительных, указанных выше случаях нормы международного права, устанавливающие преступность деяний, имеют обратную силу.**

Особенностью международного уголовного права является также **неприменение сроков давности** к ряду наиболее тяжких преступлений независимо от того, закреплено ли это правило в национальном уголовном законодательстве (Конвенция 1968 г. о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества). В России это предусмотрено ч. 5 ст. 78 УК: «К лицам, совершившим преступление против мира и безопасности человечества, предусмотренные статьями 353, 356, 357 и 358 настоящего Кодекса, сроки давности не применяются».

Важной особенностью международного уголовного права как права **международного**, определяемой особенностью его источников, является включение в его предмет самой деятельности, организационно-правовых форм субъектов международного права по установлению, изменению и отмене норм материального уголовного права. В теории права подобные отношения определяют как «организуемые» и «организационные». С этих позиций «организуемыми» отношениями выступают материально-правовые отношения, а «организационными» – отношения взаимодействия по упорядочению последних.

В качестве примера приведем ст. 3 Конвенции Совета Европы от 27 января 1999 г. «Об уголовной ответственности за коррупцию»: «Каждая Сторона принимает такие законодательные или иные меры, которые могут потребоваться для того, чтобы квалифицировать в качестве уголовных преступлений в соответствии с ее внутренним правом обещание, предложение или предоставление каким-либо лицом, прямо или косвенно, какого-либо неправомерного преимущества любому из ее государственных должностных лиц для самого этого лица или любого иного лица, с тем, чтобы оно совершило действия или воздержалось от их совершения при осуществлении своих функций, когда это сделано преднамеренно». Очевидно, что данная статья фактически порождает две группы правоотношений: правоотношения по криминализации конкретного общественно-опасного деяния и материальные (общепредупредительные) уголовно-правовые отношения, вытекающие из уже установленного в законе конкретного уголовного-правового запрета.

Таким образом, если исходить из обосновываемого выше «узкого» понимания международного уголовного права, его можно определить как **совокупность международно-правовых норм, принципов и рекомендаций, определяющих преступность, наказуемость ряда общественно-опасных деяний, основания и условия уголовной ответ-**

ственности, освобождения от нее, а также регулирующих деятельность субъектов международного права по поводу установления, изменения или прекращения указанных норм. В этой интерпретации международное уголовное право не обладает комплексным характером, имея свой четкий предмет. Что же касается принятой в литературе широкой трактовки («международного уголовного права» в широком смысле слова), то, как указано выше, его более точно именовать «международное право борьбы с преступностью» как отрасль международного публичного права. Его структурным элементом (подотраслью) и, в свою очередь, выступает международное уголовное право.

3.2. Источники международного уголовного права

К источникам международного уголовного права как составной части международного права борьбы с преступностью следует отнести правовые акты, которые устанавливают, изменяют или устраняют преступность или наказуемость деяний, основания и условия уголовной ответственности, а также иным образом регламентируют материальные уголовно-правовые последствия преступлений.

В литературе существует точка зрения, что такие положения всегда должны иметь не рекомендательный, а обязательный характер, поскольку представить себе «исключительно рекомендательное» международное уголовно-правовое установление невозможно.

Едва ли можно с этим согласиться. Во-первых, никто и никогда не писал о международном уголовном праве как о праве «исключительно рекомендательном». Во-вторых, и это главное, – совокупность рекомендательных норм, условно обозначаемая как «мягкое право», играет значительную роль в развитии как международного права в целом, так и его отдельных отраслей. Не является исключением и международное уголовное право. Для примера сошлемся на ст. 20 Конвенции ООН 2003 г. против коррупции «Незаконное обогащение»: «При условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое государство-участник **рассматривает возможность** принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем, чтобы признать в качестве уголовно-наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, то есть значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным

образом обосновать (выделено мной. – В.У.)». Рекомендательный характер этой нормы очевиден.

Принято считать, что к основным источникам международного уголовного права относятся международные договоры и решения международных (правительственных) организаций, а к дополнительным – международный обычай, судебные решения (судебные прецеденты), в исключительных случаях – национальные принципы и нормы тех стран, которые при обычных обстоятельствах осуществляли бы юрисдикцию в отношении конкретных преступлений при отсутствии противоречия этих принципов и норм международному праву.

В научной и учебной литературе отмечается, что ныне насчитывается около трехсот договорных источников международного уголовного права. Возможно, это справедливо для всего комплекса источников международного права борьбы с преступностью («международного уголовного права» в широком смысле слова). Если же исходить из международного уголовного права как составной части указанного комплекса, то это число значительно сократится. К примеру, за счет многочисленных международных договоров о правовой помощи по гражданским и уголовным делам и о выдаче преступников. В то же время нормы международного уголовного права есть в ряде международных договоров с более широким предметом правового регулирования. Так, Конвенция ООН 1982 г. по морскому праву предусматривает обязательство государств-участников установить уголовную ответственность за пиратство, перевозку рабов и наркотиков, несанкционированное радио- и телевидение из открытого моря и т.д.

Договорная система источников международного уголовного права стала особенно активно формироваться после Второй мировой войны, хотя, как указывалось выше, отдельные договоры в области уголовной ответственности и регулирования вооруженных конфликтов заключались уже в конце XIX – начале XX века (Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., Конвенция об охране подводных телеграфных кабелей 1984 г., Конвенция относительно рабства 1926 г. и др.).

Все черты международных договоров, присущие международному праву в целом, свойственны и международным договорам как источникам международного уголовного права.

Традиционно они делятся на две группы: договоры, действующие как в мирное время, так и в период вооруженных конфликтов, и договоры, действующие в период войн. Примером договоров первой группы служат

Международная конвенция 1973 г. о пресечении преступления апартеида и наказании за него, Гагская конвенция 1974 г. о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, Женевская конвенция 1929 г. по борьбе с подделкой денежных знаков и другие. К договорам второй группы принадлежат, в частности, Женевские конвенции 1949 г., Конвенция ООН о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта.

Некоторые ученые разделяют нормы международного уголовного права по способу их применения на «двухсторонние» и «многосторонние». Такая классификация не представляется удачной, ибо она относится не к нормам как таковым, а к международным договорам, где эти нормы содержатся.

В истории есть примеры того, как в международный договор трансформировались обычные нормы международного права. В решениях Международного трибунала в Нюрнберге указывалось, что большинство правил, отраженных в IV Гагской конвенции 1907 г., будучи признанными цивилизованными нациями, рассматривались как «действующие законы и обычаи войны». Впоследствии они нашли закрепление в Дополнительном протоколе 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г.

Особым видом источников международного уголовного права являются уставы международных судов. Они различны по их происхождению. Так, Устав Международного трибунала в Нюрнберге был утвержден соглашением правительств держав-победительниц в августе 1945 г. Статут Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) – Советом Безопасности ООН в мае 1993 г., Международный трибунал по Руанде – резолюциями Совета Безопасности ООН (1994 – 1998 гг.). Римский статут (устав) Международного уголовного суда принят в июле 1998 г. Дипломатической конференцией полномочных представителей ООН. Он открыт к подписанию и ратификации всеми государствами. В настоящее время его ратифицировали 124 государства (подробнее см. главу 8).

3.3. Преступления в международном уголовном праве и в сфере международного сотрудничества

Международное сотрудничество в области борьбы с преступностью складывается по поводу широкого круга преступных деяний и их последствий. Не все из них входят в предмет международного уголовного права, а лишь те группы уголовно-наказуемых деяний, которые прямо

предусмотрены в международно-правовых документах (соглашениях, пактах, конвенциях). В теории международного права эти преступления именуют **конвенционными**. Например, такие деяния, как геноцид, апартеид, военные преступления, преступления против человечности, агрессия, незаконный захват воздушных судов, рабство, торговля людьми, пиратство, фальшивомонетничество, наемничество и другие.

По мере интернационализации преступности, с появлением новых видов преступлений круг конвенционных деяний постепенно расширяется. Несмотря на то, что по их характеру (и прежде всего – по их объективной стороне) такие преступления чрезвычайно разнообразны (сравним, например, геноцид и «отмывание» преступных доходов), их общая черта – в их общественной опасности, посягающей не только на внутригосударственный, но и (в большей или меньшей степени) на отдельные стороны мирового порядка. Тем не менее по степени их общественной опасности, конвенционные преступления принято разделять на две группы – международные преступления и преступления международного характера.

Международные преступления, юридическое оформление которых берет начало в Уставе Нюрнбергского трибунала и его решениях, – это деяния, наиболее опасные для мирового порядка, международного общества и всего человечества. Помимо отдельных конвенций, большей частью они ныне предусмотрены в Уставе Международного уголовного суда (Римском статуте) 1998 г. Это **преступления против международного мира** (агрессия; разработка, производство, накопление, оборот запрещенного международным договором оружия массового поражения; нападение на лиц, пользующихся международной защитой, с целью вызвать международные осложнения); **преступления против безопасности человечества** (геноцид, экоцид, апартеид); **военные преступления** (применение запрещенных средств и методов войны; жестокое обращение с военнопленными и гражданским населением; наемничество; разграбление национального имущества на оккупированных территориях и др.); **преступления против человечности**.

Характерной особенностью международных преступлений является то, что их субъекты – физические лица, – как правило, выступают одновременно должностными либо официальными лицами, действуя как проводники определенной политики государств, политических структур, тех или иных социальных групп. Этим отличны, например, геноцид и простое убийство.

Уголовная ответственность за международные преступления может реализовываться как национальными судебными органами, так и международными судами (Нюрнбергский и Токийский военные трибуналы, Международный трибунал по бывшей Югославии, Международный уголовный суд и т.д.). К преступникам могут применяться как нормы национального, так и непосредственно – международного уголовного права. Кроме того, как указано в ч. 2 ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах, ничто не препятствует «преданию суду и наказанию любого лица за любое деяние или упущение, которые в момент совершения являлись уголовным преступлением согласно общим принципам права, признанным международным сообществом».

Все международные преступления совершаются умышленно. Ссылка на «исполнение приказа» не принимается во внимание при оценке субъективной стороны таких преступлений.

Другая группа конвенционных деяний, входящих в предмет международного уголовного права, – это **преступления международного характера**. С преступлениями первой группы их объединяет то, что они предусмотрены в международных актах (договорах, пактах, конвенциях). Однако степень их общественной опасности относительно ниже опасности международных преступлений.

В зависимости от объекта преступных посягательств (главного или единственного) их можно разделить на несколько групп:

1. Преступления, наносящие вред международному сотрудничеству и межгосударственным отношениям.

2. Преступления против экономического, социального и культурного развития государств и народов.

3. Преступные посягательства, наносящие вред личности, здоровью, имуществу, природной среде и основополагающим моральным ценностям.

Уголовная ответственность за совершение преступлений международного характера возникает на основании норм национального уголовного права после имплементации государствами соответствующих международных актов (договоров, соглашений, конвенций). Возможность непосредственного применения норм международного уголовного права применительно к преступлениям международного характера отсутствует.

Уголовная ответственность за их совершение реализуется только национальными судебными органами, что само по себе не исключает ме-

ждународного сотрудничества (в выдаче преступников, оказании правовой помощи по уголовным делам и т.п.). С учетом этого обстоятельства важное значение приобретают вопросы уголовной юрисдикции (к примеру, при совершении преступлений в открытом море).

Принятие в 1998 г. Римского статута привело к появлению в предмете международного уголовного права еще одной группы преступлений, которые нельзя отнести ни к международным преступлениям, ни к преступлениям международного характера. **Это деяния, направленные против судопроизводства в рамках Международного уголовного суда.** Они предусмотрены ст. 70 Римского статута: это дача ложных показаний; предоставление заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств; противоправное воздействие на свидетеля или создание ему помех; создание препятствий, запугивание или противоправное воздействие на должностное лицо суда; вымогательство или получение взятки в качестве должностного лица суда в связи со своими официальными обязанностями. Санкция данной нормы предусматривает наказание в виде лишения свободы до 5 лет или штрафа.

Подытоживая сказанное, сделаем вывод, что к предмету международного уголовного права ныне относятся:

- международные преступления;
- преступления международного характера;
- преступления против судопроизводства в Международном уголовном суде.

Однако международное сотрудничество в борьбе с преступностью, а следовательно, – и его правовые основы не исчерпываются указанными выше преступлениями. Широкое взаимодействие между государствами имеет место и по поводу **общеуголовных преступлений, не относящихся к конвенционным**, то есть не входящим в предмет международного уголовного права. Но лишь при условии, что эти преступления и (или) их последствия имеют интернациональные аспекты. О наличии таких аспектов свидетельствуют следующие обстоятельства:

- совершение преступления в более чем одном государстве;
- совершение преступления в открытом море или на борту воздушных судов, если затронуты интересы других государств;
- планирование и подготовка преступления за пределами страны его совершения;
- наступление последствий преступления за пределами страны его совершения;

- совершение преступления транснациональной организованной группой;
- нахождение доказательств, потерпевших, свидетелей за пределами уголовной юрисдикции государства;
- нахождение имущества, в том числе финансовых активов, подлежащих аресту или конфискации, вне пределов юрисдикции государства;
- необходимость обеспечения минимального уровня защиты жертв преступлений;
- отбывание наказания (включая надзор за условно осужденными) гражданином одного государства;
- совершение преступления или участие в нем иностранцев или лиц без гражданства;
- трансграничное перемещение материальных ценностей, финансовых средств, документов в результате или в ходе совершения преступления;
- совершение преступления против иностранцев.

Все эти вопросы в той или иной мере решаются посредством двух- или многосторонних межгосударственных соглашений, уставов отдельных международных организаций (например, Устава Интерпола). Более подробно они изложены далее.

3.4. Наказания в международном уголовном праве

Как отмечалось выше, главными критериями выделения норм международного уголовного права из всего комплекса международно-правовых основ борьбы с преступностью следует признать регламентацию ими определения преступности деяний (международная криминализация) и их наказуемости (международная пенализация). И если преступность деяния как прямая его запрещенность в международных актах, как правило, устанавливается достаточно конкретно и исчерпывающе, то этого по понятным причинам нельзя сказать о наказуемости, где учет суверенитета государств играет определяющую роль. Кроме того, в данном отношении международное уголовное право в целом менее строго, чем национальные правовые системы, которые устанавливают достаточно узкие рамки санкций.

Нормы действующего международного уголовного права практически никогда не строятся по классической для национального уголовного законодательства схеме: «диспозиция – санкция». Даже упомянутый выше Римский статут, в наибольшей степени в части его «материаль-

ных» норм приближенный к структуре норм уголовных кодексов, санкции «выносит за скобки» применительно к двум группам преступлений, им предусмотренных. Это международные преступления (ст.ст. 6–8 Римского статута) с наиболее суровыми основными санкциями вплоть до тридцати лет или пожизненного лишения свободы (ст.ст. 77, 78) и преступления против судопроизводства самого Международного суда (ч. 1 ст. 70) с санкциями до пяти лет лишения свободы и штрафом (ч. 3 ст. 70). И в этой связи едва ли реалистично судить о возможности появления какого-либо традиционного по его структуре «международного Уголовного кодекса» даже применительно к преступлениям против мира и безопасности человечества и иным международным преступлениям. Как известно, проект подобного Кодекса, предложенный Комиссией международного права ООН в 1991 г., так и не был принят.

В российских учебниках по международному уголовному праву проблемы наказания освещаются также крайне скупо либо вовсе остаются без внимания. Отдельные авторы подменяют вопросы установления наказаний (международной пенализации) вопросами их исполнения и обращения с осужденными (то есть изложением положений международного уголовно-исполнительного права).

Имманентными для всякого национального уголовного права категориями выступают категории преступления (*nullum crimen sine lege*) и наказания (*nullum poena sine lege*). Это, к примеру, отражено в Уголовном кодексе России, где в ст. 2 говорится, что для осуществления его задач Кодекс «определяет, какие опасные для личности, общества и государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений». В наиболее четкой форме это отражено в нормах Особенной части (диспозиция – санкция).

Между тем объем нормативного материала в международном уголовном праве применительно к преступлениям и наказаниям несопоставим и явно преобладает в пользу первого. И не только потому, что в международном, как и во всяком национальном праве, видов преступлений гораздо больше видов наказаний, а нормы международного права практически никогда не структурируются по принципу «диспозиция – санкция». Специфической причиной в немалой степени служит то обстоятельство, что нормы материального международного права в этой части неизбежно конкурируют, с одной стороны, с положениями международного гуманитарного права, с другой – международного уголов-

но-исполнительного права. В такой ситуации выделить собственный предмет международного уголовного права непросто. Тем более, что применительно к наказанию нормы международного уголовно-исполнительного права исторически сложились уже в конце XIX века, найдя отражения в решениях ряда международных тюремных конгрессов.

Целый ряд авторитетных международных актов, не будучи непосредственными источниками международного уголовного права, имеют к нему прямое отношение, определяют базис, направления и условия его развития. Некоторые соответствующие нормы гуманитарного международного права одновременно могут быть интерпретированы и как нормы международного уголовного права. Применительно к рассматриваемой теме следует в первую очередь упомянуть указанные выше положения Всеобщей декларации прав человека 1948 г. о запрете пыток, жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (ст. 5), произвольного ареста (ст. 9), о запрете обратной силы закона, устанавливающего или ужесточающего наказание (ст. 11).

Отметим также нормы Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. о праве на жизнь и ограничении смертной казни; ст. 7 о запрете пыток, жестокого бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания; ст. 8 о запрете принудительного труда с исключениями в условиях наказания; ст. 10 о целях и режиме лишения свободы, ст. 11 о запрете лишения свободы за невыполнение договорных обязательств; ст. 16 об обратной силе закона применительно к наказанию за преступления.

Аналогичные положения закреплены в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ст.ст. 2, 3, 4, 5, 7).

Примечателен также закрепленный в Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах к ним запрет коллективных (суммарных) наказаний за преступления, совершенные отдельными лицами. Этот запрет основан на том принципе, что уголовная ответственность никакой другой, кроме как индивидуальной, быть не может.

Особого внимания в данном отношении заслуживает Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г., а именно – оговорка, содержащаяся в ст. 1. Согласно ей, в запрещенное Конвенцией определение пытки «не включаются боль или страдания, которые возникают

лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются им случайно». Иначе говоря, страдание, причиненное законной санкцией в отношении лица, признанного виновным в преступлении, не входит в определение пытки. При этом зарубежные юристы отмечают, что Конвенция против пыток прямо не запрещает применения телесных наказаний, которые разрешены некоторыми национальными уголовными кодексами, в частности теми, которые основываются на законах Корана.

Вместе с тем, как известно, используемое в национальном и международном праве понятие «санкция» включает в себя наказания, но не исчерпывается ими, охватывая все возможные формы государственно-принудительного воздействия на правонарушителя. Помимо этого, понятие «законная санкция» в данном контексте все же не сводится к формальному ее закреплению в уголовном либо ином национальном законе. Важно, что и сам закон, ее закрепляющий, должен быть правовым, иначе говоря, отвечать общепризнанным нормам международного права, в том числе изложенным выше общегуманитарным принципам.

Обратившись с учетом сказанного к практике Европейского суда по правам человека, можно отметить ряд аспектов конкретизации изложенных выше принципов пенализации в международном уголовном праве с позиций толкования судом ряда соответствующих статей Европейской конвенции 1950 г.

Прежде всего, это касается интерпретации ст. 3 Конвенции о запрете бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Многолетняя практика Европейского суда разработала значение, которое следует давать понятиям, в ней содержащимся, в частности – понятию «бесчеловечного, унижающего достоинство наказания». В отличие от большинства иных статей Конвенции в ст. 3 не предусмотрены никакие исключения.

Запрет пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческого достоинство обращения или наказания в России является конституционным принципом (ч. 2 ст. 21 Конституции РФ), отраженным и в уголовном законе, где сказано, что наказание не может «иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» (ч. 2 ст. 7 УК РФ).

Такая редакция указанных статей применительно к уголовному наказанию представляется вполне отвечающей духу и букве упомянутых международных актов. Этого, к сожалению, нельзя сказать о ч. 1 ст. 21

Конституции РФ, которая, на наш взгляд, неосновательно расширяет предмет правовой охраны: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления». Как видно, в ч. 1 ст. 21 говорится, во-первых, не о «человеческом достоинстве», а о «достоинстве личности», хотя второе очевидно шире первого. Во-вторых, здесь используется довольно неясный термин: «умаление». Последнее в отечественной конституционной литературе раскрывается как нормативное и правоприменительное воздействие, ...ограничивающее возможности пользования осужденными правами и свободами. Но ведь всякое наказание по содержанию – лишение, ограничение. Это прямо указано в ч. 1 ст. 43 УК РФ: «Наказание... заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод... лица».

В этом отношении позиция Европейского суда более реалистична. Признавая, что «лицо может быть унижено простым фактом назначения наказания», Суд полагает, что «было бы абсурдным утверждать, что любое наказание по причине унижительного аспекта, который обычно присутствует и почти неизбежен, приобретает характер «унижающего достоинство» в смысле статьи 3». Для признания его таковым унижение и оскорбление, которыми оно сопровождается, должны относиться к особому уровню, отличающемуся, во всяком случае, от обычного характера унижения, присущего каждому наказанию. Таким образом, мера, которая унижает ранг, положение или репутацию лица, может рассматриваться как унижающая достоинство при условии, что она достигает, с очевидностью, определенного уровня жестокости, способного повлечь сильнейшие физические и моральные страдания, могущие повлечь, кроме прочего, острые психические расстройства. И хотя Конвенция ООН против пыток, как сказано выше, прямо не запрещает телесные наказания, Европейский суд все же оценивает их как бесчеловечные. К их числу могут относиться также конкретные способы исполнения смертной казни, наказания с неопределенным сроком и особенно – для малолетних несовершеннолетних преступников.

Протокол № 6 к Европейской конвенции 1950 г., принятый Советом Европы в 1983 г., вступивший в силу в 1985 г., предусматривает отмену смертной казни, но делает исключение для преступлений, совершенных во время войны или при неизбежной угрозе войны (ст. 2 Протокола). Протокол № 13 к Европейской конвенции, принятый Советом Европы в 2002 г. и вступивший в силу в 2003 г., содержит более категоричные

положения: «Смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен (ст. 1)». При этом никакие оговорки и отступления от данного запрета недопустимы (ст.ст. 2, 3).

Как известно, Россия, вступив в 1996 г. в Совет Европы, помимо прочего, подписала Протокол № 6, хотя до сих пор его не ратифицировала. В ст. 20 российской Конституции, принятой в 1993 г. (до вступления России в Совет Европы), закрепляется право на жизнь, однако в принципе допускается смертная казнь. Последняя «впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей».

Действующий УК РФ, вступивший в силу 1 января 1997 г., содержит пять составов преступлений, предусматривающих в числе прочих санкций смертную казнь. Все они связаны с особо тяжкими преступлениями против жизни. Это ст. 105 («Убийство при отягчающих обстоятельствах»); ст. 277 («Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля»); ст. 295 («Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование»); ст. 317 («Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа») и ст. 357 («Геноцид»).

Тем не менее указанные выше нормы уголовного закона в современной России никогда в полной мере не применялись. В связи с подписанием Протокола № 6 в начале 1997 г. Президент Б. Ельцин издал закрытое распоряжение о приостановлении исполнения всех вынесенных ранее (на основании норм УК РСФСР 1960 г.) приговоров к смертной казни. В феврале 1999 г. Конституционный Суд России признал вынесение приговоров смертной казни судами РФ неконституционными, поскольку суды присяжных действовали не на всей территории РФ. Однако и десять лет спустя (в октябре 2009 г.), несмотря на повсеместное появление в России судов присяжных, Конституционный Суд вновь подтвердил запрет на назначения смертной казни, ссылаясь уже на Венскую конвенцию 1990 г. о праве международных договоров.

Совокупность изложенных выше юридических решений по непонятной причине стала впоследствии (вначале журналистами и политиками, а впоследствии – и отдельными юристами) трактоваться как «мораторий», что отнюдь не отвечает общепризнанному в юриспруденции пониманию данной категории.

В последнее время вопрос о судьбе смертной казни в России вновь обострился. Отдельные политики, журналисты и стремящиеся повысить свой рейтинг депутаты вдруг решили, что наиболее действенным средством повышения уровня защиты общества «от убийц, наркобаронов, педофилов» будет именно восстановление применения смертной казни. Известно, что в марте 2015 г. в Государственную Думу Федерального Собрания РФ депутатами – членами фракции ЛДПР – был внесен законопроект «об отмене моратория» на применение смертной казни.

Оставив в стороне многочисленные дискуссии о самой целесообразности смертной казни, отметим, что ее «реанимация» в российской правовой системе хотя теоретически и возможна, но, во всяком случае, не решением (законом, постановлением) высшего законодательного органа страны. По той простой причине, что законы в этой части не менялись, а к приостановлению применения смертной казни Федеральное Собрание не имеет никакого отношения.

Призывы к восстановлению, а точнее – к установлению смертной казни для «педофилов», «наркобаронов» и т.п., сами по себе юридически несостоятельны, поскольку это требует для начала изменения ч. 2 ст. 20 Конституции, где смертная казнь допускается лишь за особо тяжкие преступления против жизни. Юристы (и не только конституционалисты) прекрасно знают, что изменить положения Главы 2 Конституции (где и ныне находится ст. 20) практически невозможно.

Если же говорить о применении (назначении и исполнении) смертной казни по существующим статьям УК, то для этого необходимы как минимум два, по сути, политических решения. Первое – отзыв подписания Россией Протокола № 6. Второе – отмена распоряжения Президента Ельцина 1996 г. о приостановлении исполнения приговоров к смертной казни. И то и другое решение должны исходить не от Федерального Собрания, а от Президента России, который, согласно ст. 80 Конституции, является гарантом прав и свобод человека и гражданина и определяет основные направления внутренней и внешней политики государства.

Исходя из того, что предметом международного уголовного права являются три группы преступлений (международные преступления, преступления международного характера, а также общеуголовные преступления с международными элементами), некоторые ученые (по аналогии с международными преступлениями) пишут о «международных наказаниях».

На наш взгляд, подобная аналогия неудачна. Группа международных преступлений выделяется из совокупности так называемых «конвенционных» деяний по признаку их общественной опасности. «Ядро» таких международных преступлений составляют предусмотренные Уставом Международного уголовного суда: агрессия, геноцид, военные преступления и преступления против человечности. Но никаких особых видов и черт наказаний, им предусмотренных, Римский статут не предусматривает, тем более не говорится в нем о наличии каких-то особых «международных тюрем». Согласно ст.ст. 105–107 Устава МУС, назначенное им наказание в виде лишения свободы должно отбываться в тюрьмах той или иной страны, предварительно изъявивший на это согласие, по национальным законам, хотя и с соблюдением международных стандартов обращения с заключенными.

В то же время в отдельных редких случаях соответствующие международные конвенции (правда, в общей форме) с разной степенью конкретности предписывают устанавливать те или иные наказания. К примеру, еще в конце XIX века в ст. 12 Международной конвенции по охране подводных телеграфных кабелей 1884 г. государства-участники обязывались подвергать виновных в совершении преступлений, предусмотренных Конвенцией, личному аресту, либо денежному штрафу, либо тому и другому наказанию одновременно. Статья 3 Конвенции ООН (1988 г.) о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ обязывает каждую страну-участницу Конвенции устанавливать за предусмотренные ею правонарушения такие санкции, как тюремное заключение или другие виды лишения свободы, штраф или конфискация.

Особое место в международном уголовном праве занимают рекомендательные акты, стимулирующие расширение альтернатив реальному лишению свободы. В том числе посредством закрепления системы рекомендуемых к законодательному закреплению и правоприменению «санкций». Здесь, безусловно, нельзя обойти вниманием Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), принятые Генеральной Ассамблеей ООН в 1990 г. Статья 8.2 Токийских правил устанавливает 12 видов конкретных альтернативных «санкций», причем данный перечень – не закрытый. Применяя эти меры, суд должен «принимать во внимание потребности правонарушителя с точки зрения его возвращения к нормальной жизни в обществе, интересы защиты общества и интересы

жертвы, с которой в надлежащих случаях следует консультироваться (ст. 80.1)».

Как уже сказано, термин «санкция» в международном уголовном праве шире понятия наказания, поэтому не все рекомендуемые Токийскими правилами «санкции» суть наказания. Например, «условное освобождение от ответственности» (п. «в» ст. 8.2), «возвращение имущества жертве или постановление о компенсации» (п. «f» ст. 8.2).

С аналогичных позиций нужно оценивать такую предусмотренную Токийскими правилами меру, как «конфискация или постановление о лишении права собственности на имущество» (п. е ст. 8.2). Сходная «санкция» предусмотрена во многих иных международных актах, в том числе – об ответственности за коррупцию, о борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Конфискация как «окончательное лишение имущества по постановлению суда или другого компетентного органа» закреплена и в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 2000 г.

Известно, что исторически сложилось по меньшей мере три вида конфискации: «специальная», «расширенная» и «общая». Мерой уголовного наказания с позиций классического уголовного права может служить лишь «общая» конфискация, которую действующие международные акты хотя и не запрещают, но прямо не предусматривают. Конфискация с позиций упомянутых выше и иных соответствующих международных актов – это чаще всего именно специальная конфискация (которая, собственно, и нашла отражение в ст.ст. 1041–1043 УК РФ).

В российской юридической литературе отказ законодателя от конфискации как наказания в 2003 г. был подвергнут резкой и во многом обоснованной критике. На наш взгляд, возврат к ней ныне в этом виде вряд ли возможен. В то же время положительную роль, особенно в борьбе с коррупционными преступлениями, могло бы сыграть использование «расширенной» конфискации, но уже в качестве специальной меры безопасности.

Глава 4

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

4.1. Преступление агрессии

Начиная со ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала, планирование, подготовка и ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений относятся к международным преступлениям, посягающим на мир и безопасность человечества. В этом же документе впервые закреплялся принцип индивидуальной уголовной ответственности за совершение любого акта агрессии. Это представляется чрезвычайно важным, ибо, как очевидно, агрессию как деяние могут совершать лишь лица, облеченные властными государственными полномочиями. Ведь только известный сказочный литературный персонаж (барон Мюнхгаузен) мог в одно прекрасное утро «объявить войну Англии». И в данном случае, когда в агрессии задействовано военно-политическое руководство той или иной страны, персонифицировать ответственность, как показал опыт Нюрнберга, очень непросто.

Впервые конкретный современный перечень деяний, считающихся проявлениями агрессии или агрессивной войны, был приведен в «Определении агрессии», принятом резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в 1974 г. Однако в силу того, что само по себе это понятие чрезвычайно политизировано, преступление агрессии в силу его недостаточной определенности не вошло в перечень международных преступлений, находящихся в юрисдикции Международного уголовного суда в момент принятия Римского статута в 1998 г. Статья 5 Статута оставила решение данного вопроса на будущее. Впоследствии в 2010 г. в Римский статут был внесен ряд дополнений и поправок, среди которых – ст. 8-бис «Преступление агрессии». Последнее включает в себя планирование, подготовку, инициирование или осуществление лицом, которое в со-

стоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими и военными силами государства», акта агрессии. Это означает «применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН, независимо от объявления войны».

Данная статья содержит восемь пунктов, где раскрываются конкретные действия, квалифицируемые как агрессия. В их числе – вторжение или нападение вооруженных сил государства на территории другого государства; бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства; блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства и другие.

Как будет сказано ниже, в российском уголовном законодательстве используется термин не «агрессия», а «агрессивная война (ст. ст. 353 – 354 УК РФ)». Едва ли можно согласиться с тем, что эти термины тождественны. К примеру, среди проявлений агрессии в ст. 8-бис Римского статута указано любое продолжение пребывания войск одного государства на территории другого государства по прекращении действия соглашения о таком пребывании. Понятно, что такое пребывание вовсе не предполагает обязательного ведения военных действий. Таким образом, закрепленное в международных актах понятие «агрессии» является более общим по отношению к понятию «агрессивная война».

УК Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны, наказываемое по ч. 1 ст. 353 УК лишением свободы от 7 до 15 лет и по ч. 2 ст. 353 – до 20 лет. Кроме того, установлена уголовная ответственность по ст. 354 УК РФ за публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (с такими квалифицирующими признаками, как использование средств массовой информации или лицом, занимающим государственную должность РФ или субъекта РФ).

Хотя Римский статут Россией не принзан, все же в доктринальном плане приведенный выше текст ст. 8-бис не позволяет согласиться с существующим в теории уголовного права суждением, что субъект преступления агрессивной войны – общий.

Кроме того, обращает на себя внимание то, что «ведение агрессивной войны», со всей очевидностью сопряженное с множеством жертв, по ч. 2 ст. 353 УК РФ наказывается гораздо мягче убийства с квалифицирующими признаками. Даже если исключить из санкции ч. 2 ст. 105

УК неприменяемую ныне смертную казнь, то «дисбаланс» санкций очевиден: максимальное наказание по ч. 2 ст. 105 УК – пожизненное лишение свободы, а по ч. 2 ст. 353 – лишение свободы от 10 до 20 лет.

4.2. Военные преступления

Главным основанием объединения различных преступных посягательств в категорию «военных преступлений» является нарушение ими установленных международным правом законов и обычаев ведения военных действий¹. К таким преступлениям относится значительное число общественно-опасных деяний, совершаемых в условиях вооруженного конфликта международного или немеждународного характера и посягающих на обширный круг прав, свобод и законных интересов (жизнь, здоровье, честь и достоинство, свобода, собственность и т.д.). Последние выступают в качестве дополнительного объекта военных преступлений.

Устав Нюрнбергского трибунала, исходя из смысла Гаагских конвенций 1907 г., к военным преступлениям отнес: убийства, истязание, увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов и деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления.

Существенный вклад в развитие международно-правовых основ борьбы с военными преступлениями внесли Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительный протокол к ним 1977 г.² В них перечислены практически все военные преступления, упоминаемые в перечне воен-

¹ В отличие от «воинских» преступлений, посягающих на установленный порядок прохождения военной службы (Раздел IX Уголовного кодекса Российской Федерации).

² Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г.; Конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 г.; Конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г.; Конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г.; Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г.

ных преступлений ранее принятых документов, в том числе тех, на основании которых действовал Нюрнбергский трибунал.

Женевские конвенции не предусматривают конкретных санкций за совершение военных преступлений, но устанавливают для государств-участников обязательство «ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний». В итоге составы преступлений устанавливаются достаточно полно и исчерпывающе путем обозначения преступного деяния на основе принципа «*nullum crimen sine lege*», а наказания определяются самими государствами, которые руководствуются при этом своей внутренней правовой системой.

Дальнейший шаг в международном уголовном праве применительно к военным преступлениям был сделан Уставом Международного уголовного суда. Он содержит не только широкий перечень военных преступлений, основанный на Женевских конвенциях 1945 г., но и конкретные виды наказания за данные деяния. Это лишение свободы до 30 лет или пожизненно, а также (дополнительно) штраф и конфискация имущества.

Статья 8 Римского статута («Военные преступления») предусматривает 34 вида деяний, образующих объективную сторону данного преступления в международном военном конфликте и 16 видов деяний – в вооруженном конфликте немеждународного характера. Это такие, к примеру, преступления, как «убийство»; «пытка или бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты»; «взятие заложников»; «заявление о том, что пощады не будет»; «применение яда или отравленного оружия»; «применение удушающих, ядовитых или других газов и любых аналогичных жидкостей, материалов или средств» и т.п.

В любом случае Женевские конвенции 1949 г. сохраняют свое юридическое значение, в том числе – для государств, которые пока не ратифицировали Римский статут. К ним отсылает сам Римский статут и прежде всего ст. 356 УК РФ («Применение запрещенных средств и методов войны»), устанавливая уголовную ответственность за «жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортацию гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированной территории, применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации».

Часть 2 указанной статьи предусматривает ответственность за «применение оружия массового поражения, запрещенного международным

договором Российской Федерации». К последнему ныне относится химическое и биологическое (бактериологическое) оружие, запрещенное соответствующими конвенциями¹.

Судя по содержанию, ст. 356 УК представляет собой краткую и в целом удачную отсылочную имплементацию действующих международных соглашений, направленных на борьбу с военными преступлениями. В то же время следует отметить, что составы, предусмотренные ч.ч. 1 и 2 ст. 356, все же сформулированы не вполне корректно. Это касается характера самой отсылки к «международным договорам Российской Федерации». Она вполне логична, когда субъект данного преступления – гражданин России, обязанный по Конституции соблюдать не только российское законодательство, но и, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции, входящие в правовую систему России «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации».

Если же в ходе военных действий представителями воюющей с Россией стороны совершаются предусмотренные ст. 356 УК РФ деяния, причем и не на ее территории, то они, согласно ч. 3 ст. 13 УК, в принципе подлежат уголовной ответственности. Однако вменять им «нарушения международного договора Российской Федерации» едва ли правильно. Вернее исходить из всей системы международных договоров, а не только тех, непосредственным участником которых является Россия². Поэтому из ст. 356 УК слова «Российской Федерации» следует исключить.

¹ См.: Конвенция от 10 апреля 1972 г. «О запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсичного оружия и об их уничтожении»; Конвенция от 13 января 1993 г. «О запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении».

² В этой связи примечательна дискуссия о причинах жестокого обращения с советскими военнопленными в отличие от военнопленных западных стран в концентрационных лагерях нацистской Германии. Одни авторы утверждали, что это происходило потому, что СССР не подписал Гаагские международные конвенции о военнопленных, как это сделали США и Великобритания. Другие вполне резонно возражали на тех основаниях, что:

- международные конвенции о праве войны – это не источники международного частного права, которые исполняются исключительно на основе взаимности;
- хотя Советский Союз и не был участником этих конвенций, Германия их подписала, а последующее их нарушение в отношении военнопленных из воюющих с ней стран было обоснованно оценено как международное преступление;

Другое замечание касается санкций. Обращение к Женевским конвенциям и ст. 8 Римского статута показывает, что среди запрещенных ими военных преступлений находится убийство. Очевидно, что смерть является одним из реальных последствий применения оружия массового поражения. Почему же санкция ст. 356 УК максимальным сроком наказания устанавливает лишение свободы до 20 лет? К слову, гораздо «либеральнее», нежели Римский статут, который, как сказано выше, за аналогичные преступления предусматривает до 30 лет лишения свободы или пожизненно.

4.3. Преступления против человечности

К военным преступлениям примыкают сходные с ними по объективной стороне деяния, именуемые «преступлениями против человечности». Впервые как таковые они были закреплены в ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала. Это «убийство, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет».

Более подробно характеристика преступлений против человечности дана в Римском статуте. Согласно ст. 7 Статута, под таким преступлением понимается любое из предусмотренных им деяний, «когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, и если такое нападение совершается сознательно». К преступлениям против человечности Устав Международного уголовного Суда относит, в частности, убийство; истребление; порабощение; депортацию или насильственное перемещение населения; пытки; насильственное исчезновение людей, апартеид, и «другие бесчеловечные деяния аналогичного характера».

Преступления против человечности направлены против гражданского населения как такового, а не просто против отдельных лиц.

- чудовищные злодеяния гитлеровцев и их пособников в концлагерях и по отношению к населению оккупированных на Востоке территорий проистекали не из формальных юридических «тонкостей», а из всей политики Третьего рейха.

Данное преступление может совершаться как в мирное время, так и в условиях военных действий международного или немеждународного характера. Сущностным признаком данного деяния является его связь с политикой. Однако его субъектами необязательно должны быть представители государства или организации, связанных с преступлением. Субъектный состав может охватывать всех лиц, которые действуют во исполнение политики государства или организации или поддерживать ее.

Довольно сложно отграничить по объективной стороне отдельные виды военных преступлений и преступлений против человечности в условиях вооруженного конфликта, если объектом нападений является гражданское население (например, убийства, пытки). На наш взгляд, здесь уместны два критерия: вид вооруженного конфликта и принадлежность гражданского населения. Нападения на гражданское население государства-противника в международном вооруженном конфликте должны расцениваться как военные преступления, а насильственные действия, предусмотренные ст. 7 Римского статута, совершаемые в международном конфликте в отношении собственного населения или его части, – как преступления против человечности¹.

В случае военных действий немеждународного характера подобные деяния в отношении гражданского населения могут быть квалифицированы как военные преступления, если на территории государства идет длительный вооруженный конфликт между правительственными властями и организованными вооруженными группами или между самими такими группами. В случаях нарушения внутреннего порядка (беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия или иные аналогичные акты) широкомасштабные или систематические нападения на собственное гражданское население должны квалифицироваться как преступления против человечности. Точно так же должны квалифицироваться аналогичные деяния как проявления государственной политики вне рамок какого-либо нарушения внутреннего правопорядка.

Несмотря на то, что категория преступлений против человечности была ясно сформулирована в Уставе Нюрнбергского трибунала, специ-

¹ Кроме одного вида военных преступлений, предусмотренного ч. 2 ст. 8 Римского статута: «Перемещение прямо или косвенно оккупирующей державой части ее собственного гражданского населения на оккупируемую ею территорию». Это исключение понятно, поскольку таким перемещением неизбежно ущемляются интересы населения оккупируемой территории.

альных конвенций по этому вопросу принято не было (упомянутые выше Женевские конвенции 1949 г. регламентируют отдельные правила ведения войны). Наличие таких преступлений предполагается в Конвенции о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 26 ноября 1968 г. Обычно-правовой характер преступлений против человечности впоследствии подтвердили уставы международных трибуналов *ad hoc* по Югославии и Руанде. В них, в частности, указывалось, что положение о преступлениях против человечности применяются вне зависимости от наличия вооруженного конфликта.

По-видимому, изложенными выше обстоятельствами (отсутствием специальных конвенций, нератификацией Римского статута) объясняется тот факт, что в российском Уголовном кодексе такого вида преступлений, как «преступления против человечности», нет. Видимо, законодатель не счел целесообразным вводить такой состав при наличии таких смежных с ним деяний, как «Применение запрещенных средств и методов войны (ст. 356)» и «Геноцид (ст. 357)».

Можно усмотреть в этом косвенное противоречие между УК РФ и ратифицированным (ранее – СССР) международным договором – Конвенцией 1968 г. о неприменении сроков давности. Последняя предполагает неприменение таких сроков, помимо прочего, и к преступлениям против человечности, а ч. 5 ст. 78 УК данной категории преступлений не предусматривает. Если ратификация Россией Римского статута все же когда-либо состоится, очевидно, в уголовный закон будет необходимо внести поправки¹.

4.4. Геноцид

Конвенция 1948 г. «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» определяет геноцид как действия, совершаемые с намерением уничтожить какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую посредством:

- а) убийства членов такой группы;
- б) причинения серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;

¹ В 2002 г. в ФРГ принят «Кодекс преступлений против международного права», предусматривающий, помимо прочего, и широкий круг деяний, отнесенных к «преступлениям против человечности».

с) преднамеренного создания для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное уничтожение;

d) мер, рассчитанных на предотвращение деторождения среди такой группы;

е) насильственной передачи детей из одной человеческой группы в другую».

Согласно Конвенции, наказуемыми являются как сам геноцид, так и заговор с целью его совершения, прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида; покушение на его совершение, соучастие в геноциде.

Лица, совершающие данные деяния, подлежат ответственности независимо от того, являются ли они конституционными правителями, должностными или частными лицами. Конвенция 1948 г. не конкретизирует мер наказания за геноцид, указывая лишь на то, что эти меры должны быть «эффективными».

Впервые геноцидом как преступлением против человечности было признано массовое истребление в 1915 г. армянского населения властями Османской империи. Официальное признание этого факта было подтверждено Заявлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 14 апреля 1995 г. «Об осуждении геноцида армянского народа 1915 – 1922 гг.»

С особой силой и широким масштабом это преступление проявилось в годы Второй мировой войны, когда геноцид в гитлеровской Германии стал государственной политикой. Тем не менее сам термин «геноцид» не использовался в Уставе Нюрнбергского трибунала и его приговоре, осудившем нацистских преступников за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности.

В Международной юридической практике обвинения в геноциде официально выдвигались в Международном трибунале по Руанде (1994 – 1999 гг.).

Как международное преступление геноцид относится к числу деяний, находящихся в компетенции (юрисдикции) Международного уголовного суда. Статья 6 Римского статута дословно воспроизводит текст ст. II Конвенции 1948 г.

Геноцид является преступлением, независимо от того, совершается ли он в мирное или в военное время. Не влияет на его юридическую оценку и последствие, к которому стремится виновный: полное или

частичное уничтожение демографической или религиозной группы. Для квалификации его как окончченного преступления достаточно совершения с этой целью любого акта из образующих его объективную сторону.

В действующем УК Российской Федерации преступление, предусмотренное ст. 357 («Геноцид»), находится в Главе 34 Раздела XII «Преступления против мира и безопасности человечества», что вполне отвечает общественной опасности этого деяния и международным обязательствам России¹. Согласно ст. 357, геноцидом признаются «действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы». Сравнение этого состава с определением геноцида в Конвенции 1948 г. показывает, что российский законодатель почти дословно имплементировал в Уголовный кодекс нормы статьи II данного международного документа. Вместе с тем среди признаков объективной стороны геноцида в российском УК появилось «насильственное переселение» как средство создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы.

Думается, что российский законодатель особо выделил этот элемент объективной стороны под влиянием широко обсуждавшихся в 90-х годах прошлого века массовых депортаций ряда народов (чеченцев, ингушей, крымских татар и др.) во время Второй мировой войны. Однако и в тот период такое насильственное переселение масс населения прямо не ставило цели их физического уничтожения, хотя, как известно, сопровождалось массовыми жертвами. Не случайно принятое впоследствии российское законодательство о реабилитации говорит в этом отношении не о «жертвах геноцида», а о «жертвах политических репрессий».

В юридической литературе имели место попытки расширить понятие геноцида за счет посягательств на национально-культурное достоя-

¹ Хотя не лишена оснований критика размещения самого Раздела XII в конце Особенной части Кодекса, тогда как преступления против отдельных представителей человеческого рода находятся в Особенной части на первом месте.

ние народов («культурный, языковой» геноцид) либо дополнить его определение социальными признаками (в особенности, после массового уничтожения отдельных социальных групп населения «красными кхмерами» в Камбодже в конце 70-х годов прошлого века). Такие попытки, строго говоря, не укладываются в юридическую характеристику геноцида в международном уголовном праве.

4.5. Апартеид

Сущность апартеида как государственной политики состоит в социальном, территориальном, политическом и экономическом обособлении групп лиц по признакам расы, национальности или религии, в узаконенной дискриминации. Синонимом апартеида является расовая сегрегация. Само по себе слово «апартеид» происходит от термина («apartheid»), что на языке голландских переселенцев-буров означает «раздельное развитие». Политика апартеида до середины 80-х годов прошлого века была официальной политикой правительства Южно-Африканской Республики (ЮАР) и некоторых других государств Южной Африки в отношении черного населения. Не случайно принятая в 1973 г. Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него ст. II содержит прямую отсылку к конкретной территории – южной части Африки, что для такого рода и уровня документов является беспрецедентным.

Преступления апартеида, согласно данной Конвенции, охватывают широкий круг деяний, совершаемых с целью установления и поддержания господства одной расовой группы людей над какой-либо другой расовой группой и ее систематического угнетения. Это лишение права на жизнь и свободу личности, умышленное создание невыносимых жизненных условий; препятствия для участия определенных расовых групп в политической, социальной, экономической и культурной жизни страны; создание изолированных резерваций и гетто; запрет смешанных браков; экспроприация земельной собственности отдельных расовых групп и т.д.

Государства-участники Конвенции должны принимать меры к пресечению, предотвращению и наказанию преступлений апартеида независимо от того, являются ли виновные в этих преступлениях гражданами этих государств, иностранцами и лицами без гражданства.

Крах реакционных режимов в ЮАР и сопредельных с ней государствах под ударами национально-освободительных движений привел к

тому, что на планете не осталось государств, которые провозглашали бы апартеид своей официальной политикой¹. В этой связи положения Конвенции 1973 г. на сегодняшний день формально утратили свою актуальность.

Апартеид как международное преступление включен в сферу юрисдикции Международного уголовного суда не в качестве самостоятельного преступления, а как разновидность преступлений против человечности (п. «j» ст. 7 Римского статута). В Уголовном кодексе России прямо не предусмотрено такого преступления, что, на наш взгляд, юридически все же небезупречно, поскольку Российская Федерация является правопреемницей Союза ССР, который ратифицировал Конвенцию против апартеида в 1975 г.

Тем не менее значение Конвенции 1973 г. нельзя преуменьшать не только в силу ее исторической роли в борьбе против расизма в южной части Африки, но и ввиду ее предупредительной значимости для отдельных ныне существующих государств, где обостряются националистические тенденции на фоне практически неконтролируемой миграции.

4.6. Экоцид

Вначале запрет экоцида предусматривался в документах, регламентирующих «право войны». В ч. 1 ст. 35 I Дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. содержится запрет использовать «методы и средства военных действий, которые имеют своей целью причинить, или, как можно ожидать, причинят обширный, долгосрочный серьезный ущерб природной среде». Вопрос об экоциде как о самостоятельном виде международного преступления в практической плоскости обострился во время войны США во Вьетнаме (1961 – 1972 гг.), когда массовое применение гербицида – диоксина американской армией привело к необратимым негативным последствиям для окружающей среды и здоровья людей в ряде местностей Вьетнама, Лаоса и Камбоджи.

В мае 1977 г. была подписана международная Конвенция о запрещении военного или любого другого враждебного использования средств

¹ Хотя на практике все, конечно, сложнее. Так, многие политики и журналисты не без оснований упрекают правительство Зимбабве (бывшей Родезии) в «апартеиде наоборот», то есть в притеснениях белого населения.

воздействия на природную среду. В тексте этого документа не используется термин «экоцид», в то же время ее ст. 1 устанавливает обязанность государств (независимо от наличия или отсутствия вооруженного конфликта) не прибегать к военному или любому иному враждебному использованию средств воздействия на природную среду, «которое имеет широкие, долгосрочные или серьезные последствия, в качестве способов разрушения, нанесение ущерба или причинение вреда любому другому государству-участнику». В сущности, речь идет о действиях, способных вызвать экологическую катастрофу как устойчивое нарушение естественного функционирования природной среды, экологических систем, уничтожение или существенное сокращение отдельных биологических видов и значительное нарушение биологического разнообразия. В том числе в результате массовых неконтролируемых мутаций живых организмов.

Отдельные ученые относят к самостоятельному, хотя и близкому по характеру к экоциду преступлению биоцид («убийство жизни»). Более правильно, на наш взгляд, считать его либо одним из разновидностей применения запрещенных средств и методов войны, либо частным случаем экоцида. Такой позиции придерживается и российский законодатель. В ст. 358 Уголовного кодекса РФ экоцид в числе преступлений против мира и безопасности человечества (Глава 34 УК) определяется как «массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу».

Научно-технический прогресс ведет к развитию вооружений, основанных на новых физических принципах (сейсмическое оружие, целенаправленное разрушение озонового слоя над отдельными участками земной поверхности и т.д.). Это делает проблему ответственности за экоцид как за международное преступление еще более актуальной.

Глава 5

ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

5.1. Преступления против международной безопасности и международного сотрудничества

5.1.1. Нападения на лиц и учреждения, пользующихся международной защитой

С учетом особого статуса дипломатов и иных лиц, пользующихся международной защитой, а также возможных последствий посягательств на них международное сообщество выделило этот вид деяния в самостоятельное преступление международного характера. Посягательства на официальных представителей государств и международных организаций нередко становились поводом к войне (*casus belli*). К примеру, убийство в 1914 г. в Сараево эрцгерцога Австро-Венгерской империи Франца Фердинанда, положившее начало развязыванию Первой мировой войны.

Конвенция ООН о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, от 14 декабря 1973 г. была подписана СССР в 1974 г. и вступила в силу в 1977 г. В Преамбуле Конвенции сказано: государства-участники считают, что такие преступления угрожают не только безопасности охраняемых лиц, но и создают серьезную угрозу поддержанию нормальных международных отношений, которые необходимы для сотрудничества между государствами¹.

¹ Данное обстоятельство все же не позволяет отнести это рассматриваемое деяние к международным преступлениям, как это сделано в ряде учебников по международному уголовному праву. При всей опасности таких деяний они все же несопоставимы с развязыванием агрессивной войны, военными преступлениями, с геноцидом и тому подобными преступлениями.

Согласно ст. 1 Конвенции, к лицам, пользующимся международной защитой, в первую очередь относятся:

- глава государства, в том числе каждый член коллегиального органа, выполняющего функции главы государства по его конституции, или глава правительства, или министр иностранных дел, находящиеся в зарубежном государстве, а также члены их семей;

- любой представитель или должностное лицо государства или любое должностное лицо, которое «имеет право в соответствии с международным правом на специальную защиту» от любого посягательства на его личность, свободу и достоинство, а также проживающие с ним члены его семьи.

Таким статусом обладает персонал дипломатических представительств (дипломатические агенты, административно-технический и обслуживающий персонал, дипломатические курьеры (ст. 29 Венской конвенции 1961 г. «О дипломатических сношениях»)).

Статус личной неприкосновенности имеют также члены специальных миссий (ст. 1 Конвенции о специальных миссиях от 8 декабря 1969 г.), а также представители государств при международных правительственных организациях (Конвенция 1946 г. о привилегиях и иммунитетах ООН). Пределы защиты консульского персонала в принимающем государстве в целом определяются Венской конвенцией о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г.

Право на международную защиту должностных лиц может оговариваться и в специальных соглашениях между государствами.

Наряду с личностью субъектов, пользующихся международной защитой, предметом международно-правовой охраны являются служебные либо жилые помещения, транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой. Предусмотренное данной Конвенцией нападение как агрессивное, насильственное воздействие, проникновение, уничтожение или повреждение имущества нередко имеет целью осложнение международных отношений, свертывание межгосударственного сотрудничества или даже провокацию войны. Однако такая цель не всегда является обязательным элементом субъективной стороны данного состава преступления. Достаточно, чтобы виновный осознавал, что лица, помещение или транспорт, на которые он нападает, находятся под международной защитой.

В российском УК ст. 360 «Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой» состоит из двух частей.

Часть 1 предусматривает ответственность за «нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, а равно на служебные или жилые помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой», с наказанием до 5 лет лишения свободы.

То же деяние, совершенное в целях провокации войны или осложнения международных отношений, наказывается лишением свободы на срок от 3 до 7 лет.

Как видно, цель «провокации войны или осложнения международных отношений» выведена в квалифицированный состав данного преступления, что вполне обоснованно. Тем не менее недостатком общей диспозиции (ч. 1 ст. 360) является то, что из перечня охраняемых ею лиц исключены члены семей представителей иностранного государства или сотрудников международных организаций. Это не отвечает буквальному содержанию ст. 1 Конвенции 1973 г. и при необходимости, видимо, потребует расширительного толкования. Между тем, согласно ч. 2 ст. 3 УК «Принцип законности», применение уголовного закона по аналогии недопустимо. При совершении нападения, предусмотренного ст. 360 УК и иных общественно-опасных деяний (например, разбоя), требуется квалификация по совокупности преступлений.

5.1.2. Наемничество

Наемные войска используются в вооруженных конфликтах с глубокой древности. Особую остроту в современный период использование наемников приобрело в 60-е годы XX века, когда их отряды («дикие гуси») участвовали в свержении правительств ряда государств Африки и Латинской Америки (вспомним хотя бы свержение правительства Патриса Лумумбы и его убийство в Конго в 1961 г.). Именно к этому периоду восходит инициатива о признании наемничества международным преступлением или преступлением международного характера.

В ст. 41 I Дополнительного протокола к Женевским конвенциям 1949 г. говорится, что наемник не имеет прав комбатанта, а является военным преступником и подлежит наказанию. На наемников не распространяется и статус военнопленного. В этом документе также определены признаки наемника:

- лицо не является гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте, либо не проживает постоянно на территории данного государства;

- лицо не направлено для выполнения официальных обязанностей; не являются наемниками и добровольцы при включении их в личный состав вооруженных сил страны-участницы конфликта;

- лицо действует в целях материального вознаграждения.

Аналогичным образом определяется понятие наемника в Примечании к ст. 359 УК РФ.

Участие наемника в вооруженном конфликте означает его непосредственные действия в вооруженном столкновении на одной из сторон конфликта с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ. Совершение им других преступлений требует дополнительной квалификации.

Ставится вопрос о разработке и принятии специальной конвенции о борьбе с наемничеством. Однако его решению препятствует широкое использование наемников во многих современных международных и немеждународных конфликтах. Особое место здесь занимают частные военные компании (ЧВК), приобретающие транснациональный характер. Не просто отделить наемников и от многочисленных «добровольцев» (Ирак, Сирия, Ливия, Афганистан, Сомали и другие страны).

Статья 259 «Наемничество» находится в УК РФ в Главе 34 о преступлениях против мира и безопасности человечества. Она предусматривает ответственность за «вербовку, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженном конфликте или военных действиях». Субъектами данного преступления могут быть как сами наемники, так и иные лица.

Квалифицирующими признаками являются совершения таких деяний с использованием служебного положения, а также в отношении несовершеннолетнего.

Наконец, наказуемо само участие наемника в вооруженном конфликте или в военных действиях.

5.1.3. Международный терроризм

В данном контексте термин «терроризм» означает не столько конкретное общественно-опасное деяние, сколько отрицательное социальное явление, деятельность. Такого подхода придерживается российский законодатель в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Согласно ст. 3 названного Закона, терроризм – это «идеология насилия и практика воздействия на принятие решений органами государственной власти, органами местного само-

управления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Для признания деяния актом международного терроризма достаточно, чтобы оно нарушило интересы основ общественной безопасности в двух или более государствах либо имело целью повлиять на взаимоотношения двух или более государств.

В соответствии с Декларацией о мерах по ликвидации международного терроризма (Резолюция ГА ООН от 9 декабря 1994 г.) акты, методы и практика терроризма представляют собой грубое пренебрежение целями и принципами ООН, что может угрожать международному миру и безопасности, ставить под угрозу дружественные отношения между государствами, препятствовать международному сотрудничеству, вести к подрыву прав человека, основных свобод и демократических основ общества. Они не могут быть оправданы никакими политическими, идеологическими, расовыми, философскими, этническими и религиозными целями и мотивами.

Первая попытка дать определение «международного терроризма» была предпринята еще в 1937 г. в Женевской конвенции о предупреждении терроризма и наказании за него. Он определялся как преступные действия, которые направлены против какого-либо государства, цель и характер которых состоят в том, чтобы «сеять страх среди отдельных лиц, группой лиц и населения». Но данная Конвенция так и не вступила в силу.

Сам подход к терроризму и к террористам в настоящее время весьма политизирован. Многие авторы и ныне относят проявления террористической деятельности к политическим преступлениям, акцентируя их отличия от обычной уголовной преступности. Террористы, признаваемые таковыми одним государством, для других государств, политических или религиозных организаций – это «мученики», «борцы за свободу» и т.д. Вспомним, как по-разному Израилем и Палестиной оценивалось нападение палестинской группы «Черный сентябрь» на олимпийскую сборную Израиля в Мюнхене в 1972 году. Поэтому всеобъемлющей международной (общемировой) конвенции о борьбе с терроризмом пока не принято. В отсутствие общепризнанного определения терроризма оговорка о политических преступлениях, содержащаяся в ряде международных актов, позволяет некоторым государствам квалифицировать отдельные террористические акты как политические преступления и

уклоняться от выполнения международных обязательств по их предотвращению, пресечению и наказанию. Возникает и проблема выдачи террористов тем государствам, где совершено преступление.

В то же время существует целый ряд международных актов регионального характера, а также посвященных борьбе с отдельными аспектами терроризма. Это Европейская конвенция по пресечению терроризма (1977 г.); Международная конвенция по борьбе с бомбовым терроризмом (1997 г.); Конвенция ООН 1991 г. «О маркировке пластических взрывчатых веществ»; Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (2005 г.); Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (1979 г.); Конвенция о физической защите ядерного материала (1980 г.); Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (1999 г.); Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001 г.); Гаагская конвенция по борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970 г.) и другие.

Согласно ст. 1 Европейской конвенции 1977 г., ни одно из предусмотренных ею деяний террористического характера не должно квалифицироваться в качестве политического преступления или преступления, связанного с политическим преступлением, или преступления, совершаемого по политическим мотивам:

а) преступление, попадающее под действие положений Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, подписанной в Гааге 16 декабря 1970 г.;

б) преступление, попадающее под действие положений Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, подписанной в Монреале 23 сентября 1971 г.;

с) серьезное преступление, связанное с покушением на жизнь, физическую неприкосновенность или свободу, лиц пользующихся международной защитой, включая дипломатических агентов;

д) преступление связанное с похищением, захватом заложников или серьезным незаконным насильственным удержанием людей;

е) преступление, связанное с применением бомб, гранат, ракет, автоматического стрелкового оружия или взрывных устройств, вложенных в письма или посылки, если подобное применение создает опасность для людей;

ф) покушение на совершение одного из вышеуказанных преступлений или участие в качестве сообщника лица, которое совершает подобное преступление или покушается на его совершение.

Состоявшийся в 1990 г. в Гаване Восьмой Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями принял специальную Резолюцию «Меры по борьбе с терроризмом», которая носит рекомендательный характер. В Резолюции выделяются такие направления предупреждения терроризма и обеспечения наказания за терроризм, как:

- обеспечение максимального единообразия законодательства в сфере борьбы с терроризмом;
- необходимость заключения договоров о выдаче террористов;
- неприемлемость оправдания либо поддержки терроризма, в том числе со стороны государства и его официальных структур;
- особое внимание к объектам с высокой степенью уязвимости и отрицательных последствий (ядерные и гидроэлектростанции, плотины и т.д.);
- контроль над оружием и взрывчатыми веществами с особыми мерами в отношении ядерного материала;
- защита работников уголовной юстиции, жертв и свидетелей;
- работа со средствами массовой информации в целях недопущения оправдания терроризма и раскрытия тактической информации в период контртеррористических операций;
- обеспечение единства юрисдикции, в том числе в сфере международных судов.

Правовую основу борьбы с терроризмом в России образует Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Статья 4 названного Закона («Международное сотрудничество Российской Федерации в области борьбы с терроризмом») устанавливает, что «Российская Федерация в соответствии с международными договорами Российской Федерации сотрудничает в области противодействия терроризму с иностранными государствами, их правоохранительными органами и специальными службами, а также с международными организациями». Руководствуясь интересами обеспечения безопасности личности, общества и государства, Российская Федерация преследует на своей территории лиц, обвиняемых (подозреваемых) в причастности к терроризму, в соответствии с законодательством.

В действующем Уголовном кодексе РФ ответственности за терроризм и связанные с ним деяния посвящены шесть статей. Это ст. 205 «Террористический акт»; ст. 205-1 «Содействие террористической деятельности»; ст. 205-2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма»; ст. 205-3 «Прохо-

ждение обучения в целях осуществления террористической деятельности»; ст. 205-4 «Организация террористического сообщества и участие в нем» и 205-5 «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации».

5.1.4. Угон самолетов

Этот вид преступления тесно связан с терроризмом, о чем свидетельствует, к примеру, атака террористов на здание Всемирного торгового центра в Нью-Йорке в сентябре 2001 г. Однако мотивы угонщиков могут быть более разнообразны:

- как приготовление к террористическому акту;
- как террористический акт;
- как форма протеста;
- как средство получения выкупа;
- с целью уничтожения самолета;
- с целью избежать преследования властей или других преступников;
- как приготовление к другим преступлениям (например, к перевозке наркотиков);
- с целью спровоцировать международные осложнения.

Независимо от его мотивов, угон самолетов и иных летательных аппаратов, в особенности – с пассажирами, обретает повышенную и даже международную общественную опасность в силу возможных отрицательных последствий и способности летательных аппаратов относительно беспрепятственно пересекать границы государств. К этому, как правило, и стремятся преступники, стремясь избежать ответственности. Поэтому и встал вопрос о выделении угона самолетов в качестве преступления международного характера.

Активность его конвенционального закрепления росла по мере технического прогресса и роста числа захватов самолетов, в особенности – с начала 60-х годов.

В 1963 г. в Токио была заключена Конвенция «О преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов». В этом документе лишь одна статья (ст. 11) касалась незаконного захвата воздушного судна, причем носила декларативный характер.

Основным документом, устанавливающим наказуемость этого деяния как конвенционного преступления, является Гаагская конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16 декабря 1970 г. В Преамбуле Конвенции подчеркивается, что акты незаконного захвата

воздушных судов угрожают безопасности лиц и имущества, «серьезно нарушают воздушное сообщение и подрывают веру народов мира в безопасность гражданской авиации».

Согласно ст. 1 Гаагской конвенции, захват воздушного судна – это незаконное насильственное установление контроля над воздушным судном в полете. Преступником является тот, кто «незаконно путем насилия или угрозы или любой другой формы запугивания захватывает это воздушное судно и осуществляет над ним контроль либо пытается совершить такие действия».

Под действие Конвенции подпадают ситуации, если место взлета или место фактической посадки воздушного судна, где совершено преступление, находится за пределами территории регистрации этого летательного аппарата независимо от того, совершался им международный полет или внутренний рейс.

Время совершения преступления – нахождение воздушного судна в полете (с момента закрытия всех его внешних дверей до момента открытия на земле любой из таких дверей). Если совершена вынужденная посадка, состояние полета считается продолжающимся, пока компетентные власти не примут на себя ответственность за воздушное судно, за лиц и имущество, находящиеся на борту.

Каждое государство-участник Конвенции обязано принять все меры для уголовного преследования виновного (виновных) в случаях:

- когда преступление совершено на борту судна, зарегистрированного в данном государстве;
- когда воздушное судно, на борту которого совершено преступление, совершает посадку на территории данного государства с преступником на борту;
- когда воздушное судно сдано в аренду (в т.ч. в лизинг), а постоянное местопребывание либо основное место деятельности арендатора находится в этом государстве.

К угону воздушных судов тесно примыкают иные конвенционные преступления против безопасности гражданской авиации. Они предусмотрены Монреальской конвенцией о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 23 сентября 1971 г. К ним относятся:

- совершение любого акта насилия в отношении лица на борту воздушного судна в полете, если это может угрожать безопасности воздушного судна;

- разрушение или повреждение воздушного судна, находящегося в эксплуатации и угрожающее его безопасности;
- помещение на борт воздушного судна взрывчатых или отравляющих устройств или веществ;
- разрушение или повреждение аэронавигационного оборудования, угрожающее безопасности полета;
- сообщение заведомо ложных сведений, создающих угрозу безопасности воздушного судна в полете.

Положения Монреальской конвенции не применяются к военным, таможенным и полицейским воздушным судам.

В 1988 г. Монреальская конвенция была дополнена Протоколом о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию. В соответствии с Протоколом признаются преступными:

- акт насилия с использованием любого вещества или оружия в отношении лица в аэропорту, который причиняет или может причинить серьезный вред здоровью или смерти;
- разрушение или серьезное повреждение оборудования и сооружения аэропорта либо расположенных в нем воздушных судов, находящихся в эксплуатации, или нарушение работы служб аэропорта, если это угрожает или может угрожать безопасности в этом аэропорту.

Российская Федерация, как правопреемник Союза СССР в отношении приведенных выше ратифицированных им конвенций, предусмотрела в Уголовном кодексе отдельный состав преступления (ст. 211) – «Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава». Основной состав деяния, предусмотренного ч. 1 данной статьи, – это «угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захват такого судна или состава с целью угона». Квалифицированный и особо квалифицированный составы угона определены в ч. 2 и ч. 3 ст. 211 УК.

Подобное законодательное решение представляется крайне неудачным. Прежде всего потому, что в ст. 211 смешиваются качественно разные виды угона, несопоставимые по объективной стороне и несоизмеримые по степени их общественной опасности (к примеру, угон пассажирского воздушного лайнера и пассажирского катера). Ведь именно поэтому ни угон судна водного транспорта, ни железнодорожного подвижного состава, в отличие от угона воздушного судна, не являются конвенционными преступлениями (преступлениями международного характера).

5.2. Преступления против экономического и социального развития

5.2.1. Пиратство и иные преступления, совершаемые в открытом море

Пиратство (морской разбой) – одно из древнейших преступлений. Но и поныне оно процветает в районе Африканского Рога (Сомали) – полуострова на востоке Африканского континента, а также в Юго-Восточной Азии. Пиратство дезорганизует торговлю и иные социально-экономические связи между государствами, угрожает безопасности морского судоходства. Совершение пиратства в открытом море требует международного сотрудничества в борьбе с этим преступлением.

Узаконенное пиратство (каперство) в истории нередко применялось воюющими сторонами и для подрыва экономической мощи противника (например, в войне Англии и Испании за влияние на американском континенте). Знаменитый английский пират Френсис Дрейк значительную часть своей преступной карьеры действовал именно в качестве капера, дослужившись до высших знаков отличия Британской империи. Каперство было отменено только в 1856 г. Парижской декларацией о принципах морского международного права.

На международном уровне борьба с пиратством ныне регулируется Женевской конвенцией об открытом море (1958 г.); Конвенцией ООН по морскому праву (1982 г.); Римской конвенцией о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (1988 г.) и протоколами к ней.

Женевская конвенция 1958 г. определяет пиратство как «любой неправомерный акт насилия, задержания или любой грабеж, совершаемый с личными целями или пассажирами частновладельческих судна или аппарата и направленный: а) в открытом море – против другого судна или летательного аппарата, а также против лиц и имущества, находящихся на их борту; б) против какого-либо судна или летательного аппарата и имущества на их борту вне юрисдикции какого-либо государства».

Анализ международных актов позволяет выделить признаки пиратства, отличающие его от иных видов насильственных посягательств:

- пиратство может совершаться только в открытом море или над открытым морем. Нападение в пределах юрисдикции государства квалифицируется по уголовным законам этого государства как иное преступление (разбой, бандитизм и т.д.);

- пиратство совершается против другого судна, морского или воздушного, против имущества и лиц, находящихся на борту;

- пиратским может быть только частновладельческое судно, причем не только в момент нападения, но и в период его подготовки или после совершения этих действий, если оно остается под контролем лиц, виновных в этих действиях;

- пиратство осуществляется путем насилия или его угрозы;

- пиратство может совершаться только с корыстными мотивами и целями.

Конвенция по морскому праву разрешает захват экипажа и имущества пиратского судна любыми военными правительственными водными судами и летательными аппаратами. Если такое задержание или арест проведены неосновательно, должен быть возмещен ущерб.

В Уголовном кодексе РФ есть статья о пиратстве (ст. 227). Оно определяется как «нападение на морское или речное судно в целях завладения чужим имуществом, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения (ч. 1)». Часть 2 и ч. 3 данной статьи предусматривают квалифицированный и особо квалифицированный составы пиратства.

Диспозиция ч. 1 ст. 227 УК РФ все же отличается от признаков пиратства, указанных в упомянутых конвенциях. Во-первых, среди объектов нападения в ней не указано воздушное судно (которое лишь теоретически может подвергаться нападению вне юрисдикции государства, например – в Антарктиде). Во-вторых, и это главное, Уголовный кодекс говорит о «морских или речных судах». Однако, как известно, в отличие от открытого моря, в реках нет нейтральных вод, свободных от юрисдикции того или иного государства. Существующие суда типа «река – море» в открытом море действуют как морские суда.

Нападение на стационарную морскую платформу как преступление международного характера было закреплено в принятом в 1988 г. Протоколе о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе.

Нападение на стационарную платформу с корыстными целями фактически приравнено к пиратству. Кроме того, должны быть наказуемы:

- захват платформы или контроль над ней путем силы, угрозы силой или любой другой формы запугивания;

- совершение насилия против лица на стационарной платформе, создающее угрозу безопасности;

- помещение на платформу устройства или вещества, которое может разрушить, повредить платформу или создать угрозу ее безопасности;

- нанесение ранения какому-либо лицу или ранение этого лица в связи с попыткой совершения какого-либо из указанных преступлений;
- принуждение физического или юридического лица к совершению указанных выше действий.

Столкновение судов в открытом море само по себе не является преступлением международного характера, однако вопросы уголовной юрисдикции при наличии признаков преступления регламентированы Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. Она устанавливает, что уголовная юрисдикция прибрежного государства не распространяется на иностранное судно, проходящее через территориальное море, в связи с преступлением, совершенным на борту этого судна, кроме случаев, когда:

- последствия преступления затрагивают прибрежное государство;
- преступление нарушает «спокойствие в стране или добрый порядок в территориальном море»;
- капитан, дипломатический или консульский агент государства флага обратился за помощью;
- это необходимо для пресечения незаконной торговли наркотическими или психотропными веществами.

Конвенция ООН 1982 г. предусматривает, что в случае столкновения или иного навигационного инцидента с судном в открытом море, влекущего уголовную или дисциплинарную ответственность капитана, его уголовное или служебное преследование может осуществляться только государством флага или государством, гражданином которого он является.

Неоказание помощи на море. Ответственность за неоказание помощи в открытом море определяется в Брюссельской конвенции 1910 г. «Об оказании помощи на море» (признана действующей в СССР 1926 г.); Женевской конвенцией 1958 г. «Об открытом море», Конвенцией 1974 г. «Об охране человеческой жизни на море», Международной конвенцией «О спасании» 1989 г.

Согласно этим международным актам, каждое государство должно вменить в обязанность капитана любого судна, плавающего под его флагом, поскольку капитан может это сделать, не подвергая серьезной опасности судно, экипаж или пассажиров:

- оказать помощь любому обнаруженному в море лицу, которому угрожает гибель;
- следовать на помощь терпящим бедствие, если ему сообщено, что они нуждаются в помощи, и на эту помощь можно разумно рассчитывать;

- после столкновения оказать помощь другому судну, его экипажу и пассажирам, сообщая им наименования своего судна, порт его регистрации и ближайший порт захода.

Уголовное преследование капитана за невыполнение этих обязанностей осуществляется и может быть возбуждено только государством флага или государством, гражданином которого он является. Другие государства не могут проводить ни его ареста, ни задержания даже в качестве временной меры.

Уголовный кодекс РФ (ст. 270) предусматривает ответственность капитана судна за неоказание помощи людям, терпящим бедствие на море или на водном пути, если эта помощь могла быть оказана без серьезной опасности для своего судна, его экипажа и пассажиров.

Разрыв или повреждение подводного кабеля как преступление международного характера был предусмотрен Парижской конвенцией об охране подводных телеграфных кабелей в 1884 г. Значимость этого средства общения между континентами в тот период была весьма велика.

Конвенция охраняет кабель, находящийся в открытом море. Разрыв или повреждение кабеля должны быть наказуемы независимо от того, совершены они умышленно либо неосторожно, и независимо от возмещения ущерба.

Конвенция действует только в мирное время. В 1982 г. Конвенция ООН по морскому праву расширила предмет преступления, включив в него, помимо телеграфного, телефонный, высоковольтный кабели, а также трубопроводы. По смыслу Конвенции, она охватывает и оптоволоконные кабели как разновидность телефонных.

В российском УК специальная ответственность за данное преступление не предусмотрена. Возможно привлечение виновных по ст. 167 «Умышленное уничтожение или повреждение имущества»; ст. 168 «Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности», а при соответствующих обстоятельствах – по ст. 205 «Террористический акт» или 261 «Диверсия».

5.2.2. Контрабанда

Контрабанда (незаконное перемещение товаров через таможенную границу) – одно из самых старых преступлений международного характера. Ее международный характер определяется самой сущностью контрабанды, предполагающей пересечение государственных таможенных границ. Кроме того, она наносит ущерб экономике государств и между-

народному экономическому сотрудничеству, а в случае контрабанды наркотических средств и оружия также здоровью населения и общественной безопасности.

Хотя национальному законодательству всех стран известен такой состав преступления, всеобъемлющей общемировой конвенции о борьбе с контрабандной принять пока не удалось. Прежде всего потому, что контрабанда по-разному воспринимается в государствах-производителях контрабандных товаров и государствах-получателях. Ощутимый экономический ущерб (упадок собственного производства аналогичных товаров, неполучение таможенных платежей и т.п.) несут последние.

Однако на региональном уровне и в отношении отдельных видов контрабанды удается договориться гораздо легче. В результате появляется ряд международных соглашений, таких, как Конвенция о сотрудничестве в борьбе с нарушением таможенных правил (Найроби, 1977)¹; Конвенция о физической защите ядерного материала (1980). Последняя относится к ядерным материалам, используемым в мирных целях, в процессе их перевозки. Государства-участники не экспортируют или не разрешают экспортировать ядерный материал без гарантий в том, что этот материал во время международной перевозки не будет надежно защищен. В случае незаконного захвата ядерного материала должно быть обеспечено тесное международное сотрудничество. Все противоправные действия в отношении ядерного материала должны быть уголовно наказуемы.

Смыслу рассматриваемой Конвенции отвечает ст. 189 УК РФ, предусматривающая ответственность за незаконный экспорт из Российской Федерации или передачу сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники.

Статья 200-1 УК РФ устанавливает ответственность за контрабанду наличных денежных средств и(или) денежных инструментов.

Статья 226-1 УК РФ – за контрабанду сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывчатых устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной тех-

¹ Россия в данной Конвенции не участвует.

ники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов.

Статья 229-1 УК РФ предусматривает уголовное наказание за контрабанду наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, содержащих их растений, а также оборудования, специально предназначенного для их изготовления.

5.2.3. Фальшивомонетничество

Это деяние неизменно признается всеми государствами тяжким преступлением. Рост товарооборота между странами, а также подделка иностранных денежных знаков и ценных бумаг придают этому преступлению международный характер.

Международная конвенция по борьбе с подделкой денежных знаков была заключена в Женеве в 1929 г. СССР ратифицировал ее в том же году. Объект охраны Конвенции – «денежные знаки» как бумажные деньги, включая банковские билеты и металлическую монету, имеющие хождение в силу закона. Конвенция не распространяется на подделку ценных бумаг и иных средств расчета (ваучеров, векселей, аккредитивов, знаков почтовой оплаты, банковских карт и т.п.), хотя такие деяния ныне также распространены довольно широко. И в этой части некоторые положения Конвенции считаются устаревшими.

Государства-участники Конвенции обязуются в равной мере наказывать как за подделку своих денежных знаков, так и денежных знаков других стран, признавая преступными следующие деяния:

- изготовление или изменение денежных знаков любым способом;
- сбыт заведомо поддельных денежных знаков;
- действия, направленные на сбыт, ввоз в страну, получение или добывание поддельных денежных знаков;
- покушение и соучастие в указанных преступлениях;
- изготовление, получение или приобретение орудий или иных предметов, предназначенных для изготовления или изменения денежных знаков.

К подделке банковского билета приравнивается подделка штампов, налагаемых на банковский билет для придания ему законной силы в конкретной стране (Протокол к Женевской конвенции 1929 г.).

Конвенция предусматривает принцип универсальной юрисдикции стран-участников. Задержанный в стране иностранец или лицо без гражданства отвечает по закону страны задержания, даже если само фальшивомонетничество совершено за пределами территории этого государства.

В уголовном законодательстве России аналогичному деянию посвящены две статьи, причем предмет уголовно-правовой охраны в них определен шире, чем Женевской конвенции 1929 г. Статья 186 УК РФ (основной состав) предусматривает ответственность за изготовление в целях сбыта поддельных банковских билетов Центрального банка РФ, металлической монеты, государственных ценных бумаг или других ценных бумаг в валюте Российской Федерации либо иностранной валюты или ценных бумаг в иностранной валюте, а равно хранение, перевозку в целях сбыта указанных выше заведомо поддельных средств платежа.

Согласно ст. 187 УК РФ, наказываются также изготовление в целях сбыта или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт, не являющихся ценными бумагами.

5.2.4. Легализация преступных доходов

Легализация преступных доходов («отмывание» денег) приобрело широкое распространение в Америке 20-х годов, когда мафиозные структуры вкладывали в легальный бизнес огромные доходы, полученные от контрабандной торговли спиртным в условиях действия «сухого закона»¹.

Данное преступление тесно связано с терроризмом, с незаконным оборотом наркотиков, организацией незаконной миграции, контрабандной, незаконной торговлей оружием и иными проявлениями транснациональной организованной преступности. Поэтому положения о борьбе с этим преступлением как «сопутствующим» содержится в таких международных документах, как Конвенция ООН 1988 г. «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ»; Конвенция ООН против коррупции (2003 г.); Международная Конвенция о борьбе с финансированием терроризма (1999 г.); Конвен-

¹ Интересно, что сам термин «отмывание денег» в истории изначально имел буквальное толкование. Доллары США в конце XIX в. печатались не на бумаге, а на шелковой ткани. От интенсивного обращения купюры загрязнялись, и банки заключали договоры с прачечными при гостиницах об отмывании таких банкнот.

ция ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.) и других.

Специальным международным актом является Страсбургская конвенция Совета Европы 1990 г. «Об «отмывании», выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности».

К основным целям «отмывания» преступных доходов относятся:

- сокрытие источников и следов происхождения доходов;
- создание видимости законности доходов;
- сокрытие лиц, извлекающих доходы и способствующих их легализации;
- уклонение от уплаты налогов;
- обеспечение доступа к денежным средствам;
- создание условий для легального и безопасного инвестирования доходов в законный бизнес.

В соответствии с названной Конвенцией государства-участники должны признавать преступными следующие деяния, когда они совершаются умышленно:

- конверсию или передачу имущества, если известно, что это имущество является доходом, полученным преступным путем, с целью скрыть незаконное происхождение такого имущества или помочь любому лицу, замешанному в совершении основного преступления, избежать правовых последствий своих деяний;

- установление или сокрытие действительной природы, происхождения, местонахождения, размещения, движения имущества или прав на него, если известно, что это имущество представляет собой доход, полученный преступным путем;

- приобретение, владение или использование имущества, если в момент его получения было известно, что оно добыто преступным путем;

- участие или соучастие в любом из преступлений, указанных выше, или в покушении на его совершение, а также помощь, подстрекательство или консультирование в связи с его совершением.

Субъективными признаками «отмывания» преступных доходов являются:

- осознание виновным преступного происхождения имущества;
- цель получения выгоды;
- цель способствования продолжению преступной деятельности.

Расположенная в Вашингтоне Международная организация по борьбе с легализацией преступных доходов (FATF) разрабатывает рекомен-

дации по предупреждению данных преступлений и критерии транспарентности (прозрачности) финансовой деятельности.

В связи с ратификацией Российской Федерацией Страсбургской конвенции 1990 г. в УК РФ был внесен ряд дополнений. Ответственность за соответствующие деяния ныне предусмотрена статьями УК РФ. Это ст. 174 («Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем») и ст. 174-1 («Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления»). Как видно из названий упомянутых статей, принципиальная разница между ними – в субъекте преступления.

5.2.5. Посягательство на культурные ценности народов

Многие объекты национально-культурного достояния народов имеют общемировое значение. Посягательства на них выражаются как в разрушении, повреждении в период вооруженных конфликтов, так и в хищениях, нередко сопровождаемых вывозом за рубеж.

Памятники истории и культуры – это предметы материальной культуры, в том числе отражающие исторические события в жизни народов, обладающие художественной, научной, культурной и религиозной ценностью. Они регистрируются в государственных списках памятников истории и культуры, а наиболее важные – реестре ЮНЕСКО (Международной организации по охране памятников истории и культуры).

Гагская конвенция 1954 г. «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» и протоколы к ней ставят под охрану культурные ценности, к которым относятся:

- ценности, движимые или недвижимые, имеющие большое значение в культурном наследии каждого народа (архитектурные памятники, картины, рукописи, книги, археологические находки, другие предметы художественного или исторического значения);
- музеи, крупные библиотеки, архивы, а также укрытия для временного хранения культурно-исторических ценностей;
- центры сосредоточения культурных ценностей.

В случае оккупации территории другого государства оккупировавшее государство должно обеспечить охрану культурных ценностей. Умышленное разрушение перечисленных в Конвенции культурных ценностей, не вызываемое военной необходимостью, признается воен-

ным преступлением (п. 2 ст. 8 Устава Международного уголовного суда).

Охрана культурных ценностей в мирное время предусмотрена Конвенцией 1970 г. о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности. Ими считаются ценности религиозного или светского характера, рассматриваемые каждым государством как значимые для археологии, доисторического периода, истории, культуры, литературы, искусства и науки.

Государства-участники Конвенции обязуются предупреждать и пресекать незаконный ввоз, вывоз и передачу права собственности на культурные ценности в нарушение правил, принятых государствами в соответствии с данной Конвенцией. В том числе – привлекать к уголовной или административной ответственности лиц, нарушивших запрет вывоза со своей территории культурных ценностей без разрешающих свидетельств, а также запрещать ввоз похищенных культурных ценностей.

VIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 1990) принял Типовой договор о предупреждении преступлений, связанных с посягательствами на культурное наследие народов в форме движимых ценностей. Данный документ носит рекомендательный характер, представляя собой модель для аналогичного двух- или многостороннего договора между государствами. В соответствии с Типовым договором государства, заключившие договоры о взаимной охране культурных ценностей, должны применять уголовные наказания к лицам или учреждениям:

- ответственным за незаконный ввоз или вывоз движимых культурных ценностей;
- сознательно приобретающим похищенные или незаконным образом ввезенные движимые культурные ценности или осуществляющим операции с ними;
- вступающим в международный преступный сговор для приобретения, вывоза или ввоза движимых культурных ценностей незаконным путем.

В 1985 г. Советом Европы была принята Европейская конвенция о правонарушениях, связанных с культурной собственностью¹. В ней приведен перечень охраняемых культурных ценностей, аналогичный

¹ Россия ее пока не ратифицировала.

предусмотренному в иных международных конвенциях. Кроме того, в Приложении указаны возможные составы преступлений в отношении предметов культурного наследия.

Данный документ закрепляет реальный принцип действия уголовного закона в пространстве, если деяние совершено вне территории этого государства:

- когда выступающая предметом посягательства культурная собственность принадлежит государству или кому-либо из его граждан;
- когда посягательство направлено против предмета культуры, первоначально найденного на территории этого государства.

Российский Уголовный кодекс предусматривает ответственность за ряд деяний, сходных по объективной стороне с рассмотренными выше. Это ст. 146 («Хищение предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность»), ст. 243 («Уничтожение или повреждение памятников истории, культуры, природных комплексов или объектов, взятых под охрану государства, а также предметов или документов, имеющих историческую и культурную ценность»).

Кроме того, следует упомянуть ст. 190 «Невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран».

5.3. Преступления против личности, имущества и основополагающих моральных ценностей

5.3.1. Рабство

Рабство – это «состояние или положение человека, над которым осуществляются атрибуты права собственности или отдельные из них (Конвенция относительно рабства 1926 г. с изменениями от 1953 г.)». Наряду с этим документом следует упомянуть Дополнительную конвенцию 1956 г. «Об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством».

Активизация международного сотрудничества в борьбе с рабством и работорговлей приходится на середину XIX века, когда европейские государства, апеллируя к правам человека, интенсивно препятствовали перемещению рабов из Африки в Северную Америку, задерживая в от-

крытом море перевозившие рабов суда и вешая их капитанов и торговцев¹.

Согласно Дополнительной конвенции 1956 г., сходными с рабством институтами являются:

- долговая кабала;
- крепостное состояние;
- выдача женщины замуж без ее согласия за вознаграждение;
- передача женщины ее мужем или родственниками другому лицу за вознаграждение;
- передача женщины после смерти мужа другому лицу;
- передача подростка до 18 лет с родителями или опекунами другому лицу с целью его эксплуатации или эксплуатации его труда.

В стране, где рабство, а также институты, сходные с рабством, еще полностью не отменены, должно считаться уголовным преступлением «искалечение, клеймение выжиганием или иным способом раба или лица в подневольном состоянии, чтобы отметить такое его состояние, или с целью наказания, или по какой-либо иной причине...». Обращение другого лица в рабство или склонение другого лица к отдаче себя или другого лица, зависимого от этого другого лица, в рабство, или покушение на совершение таких действий, или соучастие в них, или участие в тайномговоре для совершения любого из этих действий должно считаться преступлением по законам государств-участников.

Государства-участники также не должны превращать в рабство обязательный труд осужденных, отбывающих наказание по приговору суда.

Хотя со времени принятия Конвенций 1926 и 1956 гг. прошли десятки лет, рабство, работорговля институты и обычаи, сходные с рабством, ликвидированы еще не во всех частях мира. В том числе в России. В этой связи ст. 127² УК РФ («Использование рабского труда») не теряет актуальности. Она устанавливает наказуемость «использования труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, в случае, если лицо по независящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг)». Части 2 и 3

¹ Конечно, причина была не только и не столько в том, что «просвещенные монархи» Европы внезапно озаботились правами африканского населения. Использование рабского труда в Америке чрезвычайно удешевляло американские товары (и прежде всего – текстиль), в силу чего на рынке Европы они были вне конкуренции. Думается, параллели с современностью очевидны.

данной статьи устанавливают квалифицирующие и особо квалифицирующие обстоятельства.

Тем не менее, на наш взгляд, содержание основного состава данного преступления не в полной мере отвечает смыслу указанных выше конвенций. Конвенции считают наказуемым всякое осуществление (реализацию) кем-либо над кем-либо статуса раба независимо от возможности или даже желания последнего отказаться от такого статуса, то есть от положения человека, в отношении которого реализуются все или отдельные атрибуты права собственности: владение, пользование, распоряжение. Буквальное толкование ч. 1 ст. 127² УК РФ может привести к выводу, что если человек, имея возможность, по каким-либо причинам сам не желает отказываться «от выполнения работ, услуг», применение данной статьи невозможно.

5.3.2. Торговля людьми

Это преступление тесно связано с рабством, а в ряде случаев выступает его проявлением. Не случайно в упомянутых ранее конвенциях 1926 и 1956 гг. содержатся специальные запреты торговли невольниками.

Тем не менее сегодня в мире по доходности торговля людьми, прежде всего – женщинами и детьми, находится на третьем месте после нелегальной торговли оружием и наркотиками. По данным ООН, этот рынок дает ежегодно около 12 млрд долларов прибыли.

Свыше 90 процентов жертв торговли людьми – это женщины, подвергающиеся сексуальной эксплуатации. В этой связи борьба с торговлей людьми на международном уровне изначально включает противодействие организованной проституции.

В 1950 г. в Нью-Йорке была подписана Конвенция о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами. Она пришла на смену всем ранее принятым актам в этой области.

Согласно ст.ст. 1 и 2 Конвенции, государства-участники обязуются подвергать наказанию всякого, кто:

- сводит, склоняет или совращает в целях проституции другое лицо даже с согласия этого лица;
- эксплуатирует проституцию другого лица, даже с согласия этого лица;
- содержит дом терпимости или управляет им, или сознательно финансирует или принимает участие в финансировании;

- сдает в аренду или снимает здание или другое место или часть такового, зная, что они будут использованы в целях проституции.

Преступления, предусмотренные ст.ст. 1 и 2 Конвенции, рассматриваются как преступления, влекущие за собой выдачу, и на них распространяется любой договор о выдаче преступников. Но и без такого договора участие в Конвенции может быть основанием для выдачи.

В 1979 г. была принята Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, в которой уделено внимание и торговле людьми. Согласно ей, государства-участники «должны использовать все существующие меры, включая законодательные, относительно прекращения всех видов торговли женщинами и использования проституции женщин».

Основной современный международный документ, составляющий нормативную основу борьбы с торговлей людьми, – это Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. С 2003 г. его подписали 140 государств, 23 – ратифицировали. Российская Федерация в 2004 г. также ратифицировала данный Протокол.

Главная задача Протокола – обеспечение международного сотрудничества в качестве универсального документа. Отмечается, что для принятия эффективных мер по предупреждению торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и борьбы с ней «необходим всеобъемлющий международный подход в странах происхождения, транзита и назначения, включающий меры, направленные на предупреждение такой торговли, наказание занимающихся ею лиц и защиту жертв такой торговли, в том числе путем защиты их международно признанных прав человека».

В соответствии со ст. 3 Протокола «торговля людьми» означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод для получения соглашения лица, контролирующее другое лицо.

«Вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение» лица до 18 лет для целей эксплуатации считается торговлей людьми даже в случае, если они не связаны с действиями, указанными выше.

«Эксплуатация» включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов.

Особое внимание в Протоколе уделяется защите жертв торговли людьми. Определяются порядок предоставления им помощи, в том числе обеспечения физической безопасности в стране пребывания, а также возможности приобретения жертвами легального (постоянного или временного) статуса.

При необходимости государства-участники должны содействовать возвращению (репатриации) потерпевших, а государства гражданства обязаны принимать своих граждан «без необоснованных или неразумных задержек при должном учете безопасности такого лица».

Запрещается какое-либо наказание жертв торговли людьми. Предлагается ввести в практику компенсации жертвам из средств, конфискованных у преступников.

Уголовный кодекс РФ содержит несколько статей, сходных по смыслу с рассмотренными выше деликтами. Статья 240 УК предусматривает ответственность за «вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией» с квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками. В ч. 1 ст. 241 «Организация занятия проституцией» эти преступления определяются как «деяния, направленные на организацию занятия проституцией другими лицами, а равно содержание притонов для занятия проституцией или систематическое предоставление помещения для занятия проституцией». Отягчающие и особо отягчающие обстоятельства данного преступления указаны в ч.ч. 2 и 3 ст. 241.

До 2003 г. в УК РФ содержалась ст. 152 «Торговля несовершеннолетними». В связи с ратификацией Россией упомянутого выше Протокола эта статья была отменена, а в Главе 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» появилась норма общего характера – статья 127¹ «Торговля людьми», где совершение этого деяния в отношении несовершеннолетнего стало одним из указанных в ч. 2 квалифицирующих признаков.

Сама торговля людьми в Кодексе определяется как «купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение». Под эксплуатацией человека, согласно Приложению 2

к ст. 127¹, понимаются использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние.

Некоторые ученые сразу же подвергли данный состав преступления критике на том основании, что его содержание явно выходит за пределы принятого в гражданском праве понятия торговли как акта купли-продажи. На наш взгляд, в данном контексте такое формальное соответствие вовсе не требуется. Ведь согласно всем общепризнанным принципам и нормам международного гуманитарного права человек как таковой вообще не может быть объектом купли-продажи, поэтому для характеристики данного деяния (в том числе – как преступления международного характера) вовсе не обязательно строго следовать терминологии гражданского законодательства. Данное обстоятельство, безусловно, учитывалось авторами проектов рассмотренных выше международных документов. Поэтому определения торговли (невольниками, людьми) даются в них не как общеправовые, а применительно к конкретным задачам указанных актов: «в целях настоящей Конвенции (ст. 1 Конвенции 1926 г.)» или «для целей настоящего Протокола (ст. 3 Протокола 2000 г.)». В конечном счете терминология ст. 127¹ УК РФ также сформулирована «для целей Кодекса» и в своей основе соответствует указанным международным актам.

5.3.3. Организация незаконной миграции

Незаконная международная миграция по ее сути выходит за пределы одного государства, кроме того, она нередко связана с международным терроризмом, торговлей людьми, незаконным оборотом наркотиков. В этой связи и борьба с ней стала предметом международного сотрудничества, оформляемого посредством договоров и иных международных соглашений. Договоры Российской Федерации по этим вопросам можно разделить на три группы:

- международные договоры, устанавливающие общие принципы взаимоотношений государств-соседей (например, Договор РФ и КНР 2001 г. «О дружбе, добрососедстве и сотрудничестве»);
- международные соглашения о пограничном контроле и охране границ;
- международные договоры о сотрудничестве в области борьбы с преступностью.

К числу наиболее значимых документов третьей группы принадлежит Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.

Статья 3 Протокола определяет незаконный ввоз мигрантов как «обеспечение с целью получения прямо или косвенно какой-либо финансовой или иной материальной выгоды от незаконного въезда в какое-либо государство-участник любого лица, которое не является его гражданином или не проживает постоянно на его территории».

При этом «незаконный въезд» означает пересечение границ без соблюдения необходимых требований для законного въезда в принимающее государство.

Довольно трудно провести грань между этим определением и торговлей людьми. Но торговля людьми не обязательно предполагает незаконный въезд. Он может быть осуществлен и на законных основаниях.

В то же время в значительном числе случаев лицо может оказаться как незаконным мигрантом, так и жертвой торговли людьми. Часть жертв торговли людьми обнаруживаются вначале как незаконные мигранты, и лишь позднее может быть установлено их положение как жертв торговли людьми. Поэтому обнаружение незаконно ввезенного мигранта должно в каждом случае сопровождаться выяснением этого вопроса. Однако ни один из протоколов не устанавливает конкретного механизма, который позволял бы отличить незаконных мигрантов от жертв торговли людьми. Государства предпочитают видеть перед собой прежде всего незаконных мигрантов, а не жертв торговли людьми. Ведь последним следует оказывать помощь, на что необходимы средства.

В Преамбуле Протокола отмечается, что для принятия эффективных мер по предупреждению незаконного ввоза мигрантов требуется всеобъемлющий международный подход. Протокол решает две основные задачи: предупреждение транснациональной организованной преступности и задачи гуманитарного характера.

Протокол применяется к предупреждению, расследованию и уголовному преследованию в связи с преступлениями, если эти преступления носят транснациональный характер и совершены при участии организованной группы, а также защите прав потерпевших. Протокол не применяется для уголовного преследования самих мигрантов в силу только того обстоятельства, что они стали объектом деяний, охва-

тывающих Протоколом. Не распространяется он и на единичные деяния без намерения получить выгоду (например, в случае помощи родственникам).

Если же сами мигранты участвуют в деятельности преступной группы (в качестве вербовщиков или сопровождающих), то Протокол может быть применен для их уголовного преследования.

В то же время Протокол не должен трактоваться так, чтобы это противоречило статусу беженцев. Беженец не должен лишаться своего статуса только на том основании, что пересек границу незаконно.

Государства-участники взяли на себя обязательство криминализовать незаконный ввоз мигрантов, изготовление поддельных документов для этих целей, предоставление возможности пребывания в государстве незаконных мигрантов. То есть преступлениями должны признаваться не только сам ввоз, но и способствующие ему деяния, а также покушение, соучастие.

При этом обстоятельства, которые ставят или могут поставить под угрозу жизнь и безопасность мигрантов, а также унижают их человеческое достоинство, должны быть признаны отягчающими.

Протокол содержит нормы, предусматривающие основания, формы и порядок контроля за пересечением государственной границы. Особое внимание уделено пресечению незаконного въезда по морю. Вместе с тем активные действия в отношении судна, подозреваемого в незаконном ввозе мигрантов по морю, могут быть совершены государством флага или с его разрешения (в отличие от судов, подозреваемых в пиратстве, работорговле, а также в несанкционированном вещании (ст. 110 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.).

Протокол предполагает особые формы информационного сотрудничества сопредельных государств.

Статья 18 Протокола обязывает каждого участника содействовать возвращению и принимать назад без неразумных задержек лицо, которое является его гражданином и стало объектом данного деяния, а также иных лиц, имеющих право проживать на его территории.

Если мигранты вывезены не из государства их гражданства, а из другого государства, где они находились законно, право выбора страны возврата принадлежит государству, где они находятся.

Если мигрант не имеет необходимых документов для возврата, государство пребывания соглашается их выдать.

В российском Уголовном кодексе с момента его принятия в 1996 г. существовала ст. 322 «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации». Ратификация Россией упомянутого выше Протокола обусловила появление новой статьи – ст. 322¹, предусматривающей ответственность за «организацию незаконной миграции», а именно – за организацию незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконного пребывания в Российской Федерации или незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации.

Квалифицирующие признаки данного преступления – совершение его организованной группой либо организация незаконной миграции в целях совершения преступления на территории России.

5.3.4. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ

Эта деятельность тесно связана с терроризмом, «отмыванием» преступных доходов, незаконной миграцией и торговлей людьми. Кроме того, преступная «рентабельность» данных деяний с необходимостью предполагает пересечение национальных границ. К примеру, стоимость брикета опия, произведенного в Афганистане, при доведении его в расфасованном виде до потребителя в Европе возрастает более чем в 300 раз. В таком контексте незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ по его сути представляет собой преступление международного характера.

Международное внимание этой проблеме стало уделяться в начале XX века. В 1909 г. создается «Шанхайская опиумная комиссия» для поиска компромисса между «производящими» и «потребляющими» государствами. В 1912 г. был заключен первый многосторонний договор по организации контроля за производством и распределением наркотиков. В соответствии с ним производство, продажа и использование наркотических веществ должно регламентироваться законом и ограничиваться исключительно медицинскими целями. Однако это не смогло остановить нелегальное производство и контрабанду наркотиков.

В 1925 г. в Женеве была подписана Международная конвенция по опиуму, предусматривавшая продажу наркотиков исключительно по лицензиям, выдаваемым на основании расчета потребностей в их медицинском использовании. Но только в 1936 г. в Конвенции о борьбе с незаконным оборотом наркотиков появилось требование к государствам-

участникам установить уголовную ответственность лиц, способствующих незаконному обороту наркотиков.

После Второй мировой войны противодействие незаконному обороту наркотиков осуществлялось в основном под эгидой ООН. В 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН утвердила разработанный Экономическим и Социальным Советом (ЭКОСОС) Протокол о внесении изменений в ранее принятые договоры о борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Под международный контроль было поставлено около двадцати видов наркотических средств.

В рамках ООН ныне формируется универсальный международно-правовой механизм противодействия наркоугрозе. Одним из основных международных актов в этой сфере ныне является Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г. (с поправками, внесенными Протоколом 1972 г.).

Согласно ст. 36 указанной Конвенции, государства-участники должны в своем законодательстве признать преступными следующие деяния: а) культивирование и производство; б) изготовление; в) извлечение; г) приготовление; д) хранение; е) предложение; ж) предложение с коммерческими целями; з) распределение; и) покупку; к) продажу; л) доставку; м) маклерство; н) отправку; о) переотправку транзитом; п) перевоз; р) ввоз и вывоз в нарушение Конвенции.

Приведенный перечень не является исчерпывающим. Государства могут устанавливать уголовную наказуемость и иных деяний в области незаконного оборота наркотиков.

В 1971 г. список запрещенных веществ был расширен с принятием Конвенции о психотропных веществах.

Наконец, в 1988 г. в Вене принимается еще один универсальный документ – Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Конвенция является «рамочным» соглашением для обеспечения международного сотрудничества. Она предусматривает обязанность государств-участников признать преступными следующие деяния:

а) производство, изготовление, экстрагирование, приготовление, предложение, предложение с целью продажи, распространение, продажу, поставку на любых условиях, посредничество, переправку, транзитную переправку, транспортировку, импорт или экспорт любого наркотического средства или любого психотропного вещества в нарушение положений Конвенции 1961 г. с поправками или Конвенции 1971 г.;

б) культивирование опийного мака, кокаинового куста или растения каннабис в целях производства наркотических средств в нарушение положений Конвенции 1961 г. с поправками;

в) хранение или покупку любого наркотического средства или психотропного вещества для целей любого из видов деятельности, перечисленных выше;

г) изготовление, транспортировку или распространение оборудования, материалов или веществ, заведомо предназначенных для использования в целях незаконного культивирования, производства или изготовления наркотических средств или психотропных веществ;

д) организацию, руководство или финансирование любых правонарушений, перечисленных выше;

е) конверсию или перевод собственности, если известно, что такая собственность получена в результате любого из правонарушений, указанных выше, или в результате участия в таком правонарушении, в целях сокрытия или утаивания незаконного источника собственности или в целях оказания помощи любому лицу, участвующему в совершении такого правонарушения, с тем чтобы он мог уклониться от ответственности за свои действия;

ж) сокрытие или утаивание подлинного характера, источника, местонахождения, способа распоряжения, перемещения, подлинных прав в отношении собственности или ее принадлежности, если известно, что такая собственность получена в результате вышеуказанных правонарушений или в результате участие в таком правонарушении.

Кроме того, государства с учетом своих конституций и основных принципов правовой системы признают также преступными:

а) приобретение, владение или использование собственности, если в момент ее получения было известно, что такая собственность получена в результате вышеуказанных правонарушений или в результате участия в таком правонарушении;

б) владение оборудованием или материалами, или веществами, если известно, что они используются или предназначены для использования в целях незаконного культивирования, производства или изготовления каких-либо наркотических средств или психотропных веществ;

в) публичное подстрекательство или побуждение другими любыми средствами к совершению любого из вышеуказанных правонарушений или к незаконному использованию наркотических средств или психотропных веществ;

г) участие, причастность или вступление в преступный сговор с целью совершения любого из вышеуказанных правонарушений, попытки совершить такие правонарушения, а также пособничество, подстрекательство, содействие или дача советов при их совершении.

Помимо прочего, участники Конвенции 1988 г. взяли на себя обязательство искоренить или уменьшить спрос на наркотики. Конвенция также определяет комплекс мер по борьбе с оборотом наркотиков и психотропных веществ в том числе путем препятствий отмыванию денег и противодействия отвлечению исходных аналогичных веществ и прекурсоров. Ею предусмотрены обнаружение, замораживание и конфискация доходов и собственности, полученных за счет оборотов наркотиков, выдача наркокурьеров и возбуждение уголовных дел.

Основные формы деятельности международного сотрудничества, предусмотренные международными документами:

а) Аналитическое и правовое обеспечение:

- международный мониторинг транснационального наркобизнеса (производства, транспортировки и потребления);
- программы профилактического лечения, реабилитации;
- технологическое оснащение;
- информационный обмен между государствами;
- разработка международных договоров в этой области;
- сотрудничество в подготовке кадров.

б) Практическое взаимодействие:

- выполнение запросов иностранных государств (в том числе путем оперативно-розыскных мероприятий);
- пресечение контрабанды наркотических веществ, уничтожение точек их производства, во исполнение международных обязательств правоохранительными органами государства, в том числе на территории других государств;
- международные контролируемые поставки;
- пресечение использования почтовых каналов;
- современное патрулирование прибрежных вод.

В российском Уголовном кодексе борьбе с незаконным оборотом наркотиков посвящено 12 статей (228; 228-1, 228-2, 228-3, 228-4, 229, 229-1, 230, 231, 232, 233, 234).

5.3.5. Распространение порнографии

В основе этого понятия лежат латинские слова «*porno*» (неприличный) и «*graphie*» (писать). Еще в начале прошлого века порнография как нравственно противоестественное явление вызвала требования ее запрета, что привело к заключению нескольких международных соглашений. Первым из них было Парижское соглашение 1910 г., которое, однако, не определяло конкретных видов деяний.

Этот недостаток был устранен в 1923 г., когда в Женеве была заключена Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими. В соответствии с ней каждое государство-участник должно сделать уголовно наказуемыми:

- изготовление, хранение порнографических изданий с целью их продажи, распространения или публичного выставления;
- ввоз, провоз, вывоз (лично или через другое лицо) в вышеуказанных целях таких изданий или выпуск их в обращение;
- торговлю, распространение, публичное выступление, сдачу в прокат порнографических изданий;
- оглашение путей, через которые эти здания можно достать.

СССР присоединился к Конвенции в 1935 г. Конвенцию в общей сложности ратифицировали всего 63 государства, и попыток к расширению состава ее участников в современный период не наблюдается. Причины этого очевидны. С одной стороны, предмет Конвенции (печатные издания) уже в значительной мере устарел и не охватывает всех возможных способов распространения порнографии. С другой – в условиях Интернета и взрывного роста телекоммуникаций порноиндустрия ныне стала сверхприбыльной областью полукриминального и криминального бизнеса.

На наш взгляд, не избежал давления этого бизнеса и российский законодатель. В УК РСФСР 1960 г. существовала норма (ст. 228), предусматривавшая ответственность за «изготовление, распространение или рекламирование порнографических сочинений, печатных изданий, изображений или иных предметов порнографического характера, а также торговлю или хранение с целью их передачи или распространения». Статья 242 УК РФ 1996 г. решает этот вопрос иначе, причем сразу в ее заголовке: «**Незаконные** изготовление и оборот порнографических материалов и предметов» (выделено мной. – В.У.). То есть сразу предполагается, что распространение порнографии может быть и законным.

Это не отвечает смыслу Конвенции 1923 г., которая не делит распространение порнографии на «законное» и «незаконное».

Помимо прочего, такое отнюдь не безобидное уточнение существенно затруднило привлечение к ответственности ряда «дельцов от порнографии», которые на основании отсутствия соответствующих законов сделали вывод, что, следовательно, и поле уголовно-правового запрета («незаконное») также четко не определено.

Возмущение общественности привело к тому, что позднее во-первых, в Кодексе появилась новая ст. 242¹ «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних». То есть для признания такого деяния преступным не требуется предварительно устанавливать «незаконность» распространения порнографии.

Во-вторых, ч. 2 ст. 242 установила ответственность за «распространение, публичную демонстрацию или рекламирование порнографических материалов или предметов среди несовершеннолетних либо вовлечение несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста». Признак «незаконности» здесь, как видно, также исключен. Однако он остался в основном составе данного преступления (ч. 1 ст. 242 УК РФ), что по-прежнему вызывает вопрос: может ли распространение порнографии быть законным? Во всяком случае, из Конвенции это не вытекает.

Глава 6

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И КОРРУПЦИИ

6.1. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности

В настоящее время организованные преступные группировки стали угрозой международного масштаба. В своей деятельности они образуют интернациональные сети, проникают в финансовые, экономические, информационные системы государств. Глобализация создает условия для возникновения новых форм преступности. В результате структурных изменений преступность становится трансграничной, повышается уровень ее организованности. В связи с ростом ее масштабов и многообразием форм ее проявления транснациональная преступность бросает вызов всему международному сообществу.

В качестве ответа на развитие транснациональной организованной преступности в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 53/111 от 9 декабря 1998 г. по рекомендации Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию и ЭКОСОС ООН был подготовлен проект Конвенции против транснациональной организованной преступности.

В своей резолюции 55/25 от 15 ноября 2000 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию и протоколы к ней (о борьбе с торговлей людьми и о предупреждении незаконной миграции)¹. Подписание Кон-

¹ Позднее, в 2001 г., был принят и Протокол против незаконного оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов. Российской Федерацией этот Протокол не подписан.

венции состоялось на Политической конференции ООН в декабре 2000 г. в г. Палермо (Италия)¹. В период проведения Конференции Конвенцию подписали 117 стран.

Конвенция и два протокола 2000 г. ратифицированы Российской Федерацией в апреле 2004 г.

Конвенция направлена на содействие международному сотрудничеству в деле более эффективного предупреждения транснациональной организованной преступности и борьбы с ней (ст. 1). Она применяется к предупреждению, расследованию и уголовному преследованию в связи с такими преступлениями, как:

- организованная преступная группа;
- отмыwanie доходов от преступлений;
- акты коррупции;
- воспрепятствование осуществлению правосудия;
- иные серьезные преступления, наказуемые максимальным сроком не менее четырех лет лишения свободы или более строгой мерой наказания.

Необходимые условия применения Конвенции – транснациональный характер преступления и совершение его организованной группой.

Статья 3 Конвенции определяет, что преступление носит транснациональный характер, если оно:

- а) совершено более чем в одном государстве;
- б) совершено в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, контроля имеет место в другом государстве;
- с) совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность больше чем в одном государстве;
- д) совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве.

Под организованной преступной группой понимается структурно оформленная группа в составе трех и более человек, существующая в течение определенного периода времени и действующая согласованно в целях совершения одного или нескольких серьезных преступлений, признанных таковыми в соответствии с Конвенцией, чтобы получить прямо или косвенно финансовую или иную материальную выгоду.

¹ Что само по себе, на наш взгляд, символично. Палермо – столица Сицилии, родина итальянской мафии.

Государства-участники обязуются признать соответствующие деяния в своем внутреннем законодательстве преступлениями независимо от их транснационального характера или организованной преступной группы, кроме случаев, когда это наличие необходимо устанавливать. Должны быть наказуемы также деяния соучастников (включая руководство, пособничество, подстрекательство, дача советов (то есть должна быть охвачена вся структура преступной группы)).

Конвенция очень широко определяет круг деяний, которые признаются отмыванием доходов от преступлений (ст. 6). Она также формулирует обязательные признаки состава коррупции (ст. 8) и воспрепятствования осуществлению правосудия (ст. 23). Это преследует цель предотвратить уход преступников от ответственности в силу несогласованности подхода разных государств. Конвенция содержит перечень случаев, когда криминализация является обязательной и когда оставляется на усмотрение соответствующего государства. В частности, когда речь идет об ответственности за преступления юридических лиц, в ст. 10 Конвенции указано, что криминализация деяний юридических лиц осуществляется «с учетом правовых принципов» каждого государства.

В то же время Конвенция ООН не сводится к задачам криминализации, она устанавливает межгосударственный механизм сотрудничества, расследования, оказание правовой помощи по уголовным делам. В ней содержатся подробные правила, регулирующие порядок подачи и исполнения просьбы о конфискации и аресте доходов от преступлений (ст. 12–14), о выдаче (ст. 16), о передаче осужденных лиц (ст. 17), об оказании взаимной правовой помощи. Каждое из преступлений, к которым применяется Конвенция, считается включенным в любой договор о выдаче, а в случае отсутствия договора сама Конвенция может рассматриваться как основание для выдачи.

Конвенция обязывает ее участников принимать меры по защите свидетелей, их родственников и близких, предоставлять защиту потерпевшим. Однако с оговоркой относительно «пределов возможностей» государства.

Конвенция обязывает в полной мере использовать в борьбе с транснациональной организованной преступностью механизм международных и региональных организаций (Интерпол, Европол).

Конвенция также применяется в отношении преступлений, указанных в прилагаемых к ней протоколах. Протоколы толкуются совместно с Конвенцией, и ее положения применяются с корректировками к соот-

ветствующему Протоколу, если в нем не предусмотрено иное. Чтобы стать участниками Протокола, государство должно присоединиться к Конвенции. В то же время, участвуя в Конвенции, государство может не участвовать в Протоколе.

Реализация Конвенции предлагает широкий диапазон мер, в том числе обновление законодательства о борьбе с преступностью, реорганизацию многих важных звеньев системы уголовной юстиции, повышение профессионализма и информационно-технической оснащенности сотрудников правоохранительных органов, повышение уровня их международного взаимодействия.

6.2. Международно-правовые основы борьбы с коррупцией

Термин «коррупция» (от лат. «corruptio» – порча, подкуп) ныне означает не только и не столько конкретный уголовно-наказуемый деликт (акт коррупции), сколько многообразное общественно опасное социальное явление. Развитие всей структуры межгосударственных отношений закономерно привело к тому, что, начиная с середины прошлого века, коррупция стала все больше выходить за национальные границы государств, тем самым приобретая международный характер.

Одним из первых международных документов, отразивших опасность коррупции (с позиции прав человека), был принятый в 1979 г. Генеральной Ассамблеей ООН Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка¹. Статья 7 Кодекса устанавливала, что «должностные лица по поддержанию правопорядка не совершают какие-либо акты коррупции. Они также всемерно препятствуют любым таким актам и борются с ними». И хотя понятие коррупции в целом было отнесено к компетенции национального законодателя, предполагалось, что оно «охватывает совершение или несовершение какого-либо действия при исполнении обязанностей или по причине этих обязанностей в результате требуемых или принятых подарков, обещаний или стимулов или их незаконное получение всякий раз, когда имеет место такое действие или бездействие».

Как видно, приведенное выше определение едва ли пригодно для закрепления в качестве диспозиции конкретной статьи Особенной части Уголовного кодекса. Однако оно дало импульс последующему развитию международных основ противодействия коррупции.

¹ Подробнее см. разд. 7.2.

В декабре 1996 г. была принята Декларация ООН по борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях. В ней указывалось, что государства-члены ООН с учетом их конституций, основополагающих правовых принципов, национальных законов и процедур обязаны:

- принимать меры по борьбе со всеми формами коррупции, взяточничества и связанными с ними противоправными действиями в международных коммерческих операциях;
- установить уголовную ответственность за дачу взяток иностранным государственным должностным лицам.

Специально на противодействие коррупции направлены Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (2003 г.), Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (1999 г.) с Дополнительным протоколом (2003 г.), а также Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (1999 г.). Указанные международные акты, кроме последнего, ратифицированы Российской Федерацией.

Хотя Конвенция ООН 2003 г. и Страсбургская Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. содержат краткие глоссарии (словари употребляемых терминов), они не дают общего определения коррупции. Конвенция 1999 г. ограничивается перечислением конкретных видов подкупа национальных и иностранных должностных лиц (ст.ст. 2–11). В Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию есть ст. 2 «Определение коррупции», которая, в сущности, сводится к взятке: «Для целей настоящей Конвенции «коррупция» означает просьбу, предложение, дачу или принятие, прямо или косвенно, взятки или любого другого ненадлежащего преимущества или обещания такового, которые искажают нормативное выполнение любой обязанности или поведение, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или обещания такового».

Вызывают интерес содержащиеся в Конвенции ООН определения таких терминов, как «публичное должностное лицо»; «имущество»; «доходы от преступления»; «конфискация»¹; «основное правонарушение»; «контролируемая поставка» и другие.

¹ Например, конфискацией считается «окончательное лишение имущества по постановлению суда или иного компетентного органа». Здесь обращают на себя внимание два обстоятельства. Первое: в определении конфискации не заложено то, что она обязательно осуществляется в судебном порядке. Второе: сделан ак-

Конвенция ООН 2003 г. должна применяться в соответствии с ее положениями к предупреждению, расследованию и уголовному преследованию за коррупцию, к приостановлению операций, аресту, конфискации имущества и к возвращению доходов от преступлений. Такая деятельность осуществляется в соответствии с принципами суверенитета, равенства государств, их территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела других государств.

Важное значение придается отбору служащих публичного сектора, принятию кодексов и стандартов их правильного, добросовестного поведения.

В целях предупреждения возникновения коллизии интересов государства вправе устанавливать «в надлежащих случаях и на разумный срок» ограничения для работы в частном секторе публичных должностных лиц после их выхода на пенсию или в отставку (ст. 12). Активную роль в предупреждении коррупции должны играть гражданское общество и неправительственные организации.

Глава III Конвенции «Криминализация и правоохранительная деятельность» предусматривает ряд деяний, рекомендуемых для закрепления их в качестве преступлений в уголовном законодательстве государств-участников (ст.ст. 15–27). При этом, однако, обращает на себя внимание различная степень категоричности предписаний: от императивных до рекомендательных. Примером первых служит ст. 15 Конвенции «Подкуп национальных публичных должностных лиц»; **«Каждое государство-участник принимает** такие законодательные и другие меры, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемых следующие деяния, когда они совершаются умышленно:

а) обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу, лично или через посредников, какого-либо неправомерно-преимущества... с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей...» (выделено мной. – В.У.).

Пример рекомендательной нормы – ст. 20 Конвенции ООН 2003 г. «Незаконное обогащение»: «При условии соблюдения Конституции и основополагающих принципов своей правовой системы **каждое госу-**

цент именно на лишении имущества, а не на его дальнейшей судьбе. Иной подход демонстрирует ч. 1 ст. 104 УК РФ, которая определяет конфискацию как «принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора суда...»

дарство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, т.е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое он не может разумным образом обосновать» (выделено мной. – В. У.).

Статья 26 Конвенции рекомендует государствам в соответствии с их правовой системой устанавливать за коррупционные деяния уголовную, гражданско-правовую или административную ответственность юридических лиц.

Особое внимание уделено приостановлению операций (замораживанию), аресту и конфискации доходов от преступлений, предусмотренных Конвенцией, или имущества, стоимость которого соответствует стоимости таких доходов, а также имущества, оборудования, использовавшихся или предназначенных для совершения коррупционных деяний.

Весьма интересен п. 8 ст. 31 Конвенции: «Государства-участники могут рассмотреть возможность установления требования о том, чтобы лицо, совершившее преступление, доказало законное происхождение... предполагаемых доходов от преступления или другого имущества, подлежащего конфискации, в той мере, в какой такое требование соответствует основополагающим принципам их внутреннего законодательства и характеру судебного и иного разбирательства». Это положение практически дословно воспроизводит ч. 7 ст. 12 Конвенции ООН 2000 г. против транснациональной организованной преступности. Его повтор в другом авторитетном документе ООН свидетельствует о важности, которая придается ему на международном уровне.

В законодательстве России, как и в большинстве других стран, данная норма пока не закреплена. Стремление к установлению ее в законе вызывает острое противодействие различных кругов на том, якобы, основании, что оно нарушает презумпцию невиновности (ст. 49 Конституции РФ). На наш взгляд, это неверно, хотя рекомендательный характер, установленный п. 8 ст. 31 Конвенции 2003 г. и п. 7 ст. 12 Конвенции 2000 г., формально говоря, не даёт оснований для упрека Российской Федерации в несоблюдении ратифицированных ею международных договоров.

Помимо законодательных мер по криминализации коррупционных деяний государства-участники должны обеспечить наличие органов или

лиц, специализирующихся на борьбе с коррупцией с помощью правоохранительных мер (ст. 36).

В борьбе с коррупцией в каждом государстве могут создаваться механизмы преодоления препятствий, которые обусловлены законодательством о банковской тайне.

В соответствии с ч. 1 ст. 40 Конвенции 2003 г. участие в Конвенции может быть самостоятельным основанием для выдачи, если лицо, в отношении которого запрашивается выдача, находится на территории запрашиваемого государства, а инкриминируемое ему деяние является уголовно наказуемым по внутреннему законодательству как запрашиваемого, так и запрашивающего государств. Однако, учитывая многообразие уголовно-правовой регламентации борьбы с коррупционными деликтами, ч. 2 указанной статьи содержит важное дополнение: «...государство-участник, законодательство которого допускает это, может разрешить выдачу какого-либо лица в связи с любым из преступлений, охватываемых настоящей Конвенцией, которые не являются уголовно наказуемыми согласно его собственному внутреннему законодательству».

Значительное место в Конвенции занимают вопросы взаимной правовой помощи в расследовании, уголовном преследовании и судебном разбирательстве в связи с предусмотренными в Конвенции преступлениями, а также механизмы изъятия и возвращения имущества посредством международного сотрудничества в деле конфискации.

Европейская конвенция 1999 г. об уголовной ответственности за коррупцию в целом исходит из принципов, сходных с принципами Конвенции ООН 2003 г. Особенности Европейской конвенции заключаются в том, что в ней сравнительно более детально излагается перечень предлагаемых для криминализации коррупционных деликтов (ст.ст. 2–14). Отмечается, что, «принимая во внимание тяжесть уголовных преступлений, квалифицированных в качестве таковых в соответствии со ст.ст. 2–14, должны применяться эффективные, соразмерные и сдерживающие санкции и меры, если они совершены физическими лицами, в том числе наказания, предусматривающие лишение свободы, которые могут повлечь за собой выдачу».

Кроме того, каждое государство-участник принимает меры, направленные на привлечение к ответственности юридических лиц «в связи с совершением уголовных преступлений, заключающихся в активном подкупе, использовании служебного положения в корыстных целях и

отмывании денег... (ст. 18)». При этом ответственность юридического лица не исключает возможности уголовного преследования физических лиц, совершивших такие уголовные преступления.

Конвенция Совета Европы 1999 г. о гражданско-правовой ответственности за коррупцию направлена на защиту лиц, понесших ущерб в результате актов коррупции, включая возможность получения ими компенсации. Как отмечалось выше, данная Конвенция Россией не подписана и не ратифицирована. Главной причиной этого, на наш взгляд, является обязательство, предусмотренное ст. 5 «Ответственность государств»: «Каждая страна предусматривает в своем внутреннем праве надлежащие процедуры, позволяющие лицам, понесшим ущерб в результате актов коррупции, совершенных ее публичными должностными лицами в ходе осуществления ими своих функций, требовать возмещения ущерба от государства...»

Каждое государство, подписавшее хотя бы одну из рассмотренных выше европейских конвенций, в день ее (их) ратификации автоматически становится членом Группы государств против коррупции (ГРЕКО) с даты вступления конвенций в силу. Данная организация создана для контроля за выполнением конвенционных положений.

Во исполнение Национального плана противодействия коррупции, утвержденного Президентом России 32 июля 2008 г., в Российской Федерации издана и развивается законодательная база противодействия коррупции, принят ряд организационных мер по предупреждению коррупции.

В Уголовном кодексе России ответственность за коррупционные деяния предусмотрена в ст. 204 «Коммерческий подкуп»; ст. 204.2 «Мелкий коммерческий подкуп»; ст. 290 «Получение взятки»; ст. 291 «Дача взятки»; ст. 291¹ «Посредничество во взяточничестве», а также ст. 291² «Мелкое взяточничество».

Указом Президента Российской Федерации № 1384 от 24 ноября 2003 г. образован Совет при Президенте РФ по борьбе с коррупцией.

Утвержденная Указом Президента РФ № 460 от 13 апреля 2010 г. Национальная стратегия противодействия коррупции «разработана с учетом мер по предупреждению коррупции и борьбе с ней, предусмотренных Конвенцией Организации Объединенных Наций против коррупции, Конвенций об уголовной ответственности за коррупцию и другими международными правовыми документами, участником которых является Российская Федерация».

Федеральный закон РФ «О противодействии коррупции» от 19 декабря 2008 г. содержит специальной норму – ст. 4 «Международное сотрудничество Российской Федерации в области противодействия коррупции». В ней определены цели такого сотрудничества:

1) установление лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении коррупционных преступлений, их местонахождения, а также местонахождения других лиц, причастных к коррупционным преступлениям;

2) выявление имущества, полученного в результате совершения коррупционных правонарушений или служащего средством их совершения;

3) предоставление в надлежащих случаях предметов или образцов веществ для проведения исследований или судебных экспертиз;

4) обмен информацией по вопросам противодействия коррупции;

5) координация деятельности по профилактике коррупции и борьбе с коррупцией.

Глава 7

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИСТЕМЫ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ

7.1. Основные принципы, касающиеся независимости судебных органов и лиц, осуществляющих уголовное преследование

Наличие в стране независимой судебной власти – один из неотъемлемых признаков правового государства, важнейшая гарантия обеспечения прав и свобод граждан. Учитывая, что во Всеобщей декларации прав человека, в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах и Международном пакте о гражданских и политических правах воплощены, в частности, принципы равенства перед законом, презумпции невиновности и право на справедливое и главное судебное разбирательство компетентным, независимым и беспристрастным судом, учрежденным в соответствии с законом, организация и принципы деятельности судебных органов становятся предметом регулирования международных актов. Понятно, что судопроизводство и судебная деятельность – важная составляющая суверенитета каждого государства и прерогатива внутреннего законодательства. В то же время международное сообщество в рамках ООН определяет некоторые рекомендательные положения, чтобы помочь государствам-членам в решении задач по обеспечению и укреплению независимости судебных органов.

На это направлена принятая в сентябре 1985 г. в Милане Резолюция Седьмого Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, утвердившая «Основные принципы независимости судебных органов». Данный документ впоследствии (в декабре 1985 г.) был одобрен Генеральной Ассамблеей ООН.

В 1989 г. Экономический и социальный совет ООН принял «Процедуры эффективного осуществления Основных принципов независимости судебных органов».

Принципы сформулированы главным образом для профессиональных судей, однако при необходимости они в равной степени применимы к непрофессиональным судьям, если таковые имеются. Будучи рекомендательным документом, Основные принципы адресованы прежде всего законодателю в каждом государстве-члене ООН.

Независимость судебных органов должна гарантироваться государством и закрепляться в конституции или (и) законах страны (ст. 1). Судебные органы решают переданные им дела беспристрастно на основе фактов и в соответствии с законом, без каких-либо ограничений, неправомерного влияния, побуждения, давления, угроз или вмешательства, прямого или косвенного.

В соответствии со ст. 4 Основных принципов не допускается неправомерное или несанкционированное вмешательство в процесс правосудия, и судебные решения, вынесенные судами, не подлежат пересмотру. Однако это не препятствует осуществляемому в соответствии с законом судебному пересмотру или смягчению приговоров.

В соответствии с общепризнанными нормами международного права члены судебных органов, как и иные граждане, должны пользоваться свободой слова, вероисповедания и ассоциаций; однако они должны всегда вести себя так, чтобы обеспечить уважение к своей должности и сохранять беспристрастность и независимость судебной власти (ст. 8).

Кроме того, судьи вправе организовывать ассоциации судей или другие организации и вступать в них для защиты своих интересов, совершенствования профессиональной подготовки и сохранения своей судебной независимости.

Лица, отбираемые на судебные должности, должны иметь высокие моральные качества, способности, а также необходимую квалификацию в области права. Любой метод их отбора должен гарантировать от назначения «по неправомерным мотивам» (ст. 10). При подборе судей не должно быть дискриминации, однако требование о том, чтобы каждый назначаемый на судебскую должность был гражданином соответствующей страны, не является дискриминационным.

Срок полномочий судей, их независимость, безопасность, соответствующее вознаграждение и возраст выхода на пенсию должны надлежащим образом гарантироваться законом.

Согласно ст. 15 Основных принципов, «судьи обязаны хранить профессиональную тайну в отношении своей работы и конфиденциальной информации, полученной в ходе выполнения своих обязанностей, за исключением открытого судебного разбирательства, и не должны принуждаться к даче показаний по таким вопросам». Кроме того, судья должен обладать личным иммунитетом от судебного преследования за финансовый ущерб, причиненный в результате неправильных действий или упущений, имевших место при осуществлении им судебных функций.

Судьи могут быть временно отстранены от должности или уволены вне их желания только по причине их неспособности выполнять свои обязанности или поведения, делающего их не соответствующими занимаемой должности. При этом решения о дисциплинарном наказании, отстранении от должности или увольнении должны быть предметом независимой проверки.

Процедуры эффективного осуществления Основных принципов независимости судебных органов (1989 г.) подчеркивают, что «ни один судья не назначается и не избирается для целей, несовместимых с Основными принципами, и ни от одного судьи не требуется выполнение функций, несовместимых с этими Принципами».

Государства-члены ООН должны обеспечить широкое обнародование Основных принципов, в том числе их распространение среди всех работников судебных органов. Кроме того, необходимо выделить соответствующие ресурсы для функционирования судебной системы, включая назначение достаточного количества судей, обеспечения судов необходимым техническим персоналом и оборудованием, а также для соответствующего вознаграждения судей и обеспечения их личной безопасности.

Государства-члены ООН каждые пять лет должны информировать Генерального секретаря ООН о ходе осуществления Основных принципов, в том числе о степени их реализации в национальном законодательстве, о трудностях, возникающих на этом пути, и о необходимой помощи со стороны международного сообщества.

Ключевую роль в отправлении правосудия играют лица, осуществляющие судебное преследование. Для оказания помощи государствам-членам ООН в решении задач обеспечения и повышения эффективности, независимости и справедливости таких лиц Восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в декабре 1990 г. были приняты «Руководящие принципы, ка-

сающиеся роли лиц, осуществляющих судебное преследование». Они разработаны применительно к должностным лицам, осуществляющим в судах функции государственного обвинителя (прокурорам и т.п.).

Лица, осуществляющие судебное преследование, должны иметь высокие моральные качества и способности, а также необходимую подготовку и квалификацию. Критерии их отбора должны исключать всякую дискриминацию, хотя не должно рассматриваться как дискриминация требование гражданства.

Государства призваны обеспечить таким лицам выполнение их профессиональных обязанностей в обстановке, свободной от угроз, запугивания, неоправданного вмешательства. При необходимости они и их семьи должны обеспечиваться физической защитой.

Лица, осуществляющие судебное уголовное преследование, обладают правом на свободу мнений, собраний и ассоциаций. Хотя они являются важными представителями системы отправления уголовного правосудия, их «функция судебного преследования строго отделяется от выполнения судебных функций (ст. 10)». Они играют важную роль в уголовном разбирательстве, включая возбуждение дела, и, когда это соответствует закону и местной практике, – в расследовании преступлений, в надзоре за законностью этих расследований, в надзоре за выполнением решений суда и в осуществлении других функций в качестве представителей интересов государства.

В соответствии с национальным законодательством лица, осуществляющие судебное преследование, должны обладать правом его отмены посредством условного или безусловного приостановления или отзыва из официальной системы уголовного правосудия (ст. 18). Особое значение это полномочие имеет применительно к несовершеннолетним.

Разбирательство о наложении дисциплинарных взысканий на таких лиц должно гарантировать объективный подход и проводиться в соответствии с законом, соответствующим Кодексом профессионального поведения и другими установленными стандартами и этическими нормами.

7.2. Международные стандарты поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка

Важным условием эффективной политики в области уголовного правосудия является правильное функционирование правоохранительных и, прежде всего, – полицейских органов. Первым документом Организации Объединенных Наций в этой области стал Кодекс поведения

должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый Генеральной Ассамблеей ООН в ее Резолюции 34/169 от 17 декабря 1979 г.

Кодекс имеет рекомендательный характер и обращен в первую очередь к законодателям государств-членов ООН. Он также используется при толковании ряда положений нормативных актов, а также в профессиональной подготовке сотрудников полицейских служб многих стран. В основе Кодекса лежит идея о том, что лица, осуществляющие полицейские функции, должны уважать и защищать человеческое достоинство и права человека по отношению ко всем лицам.

Кодекс весьма лаконичен. Он состоит из восьми статей с комментариями. Однако это не уменьшает его значимость. В Резолюции по его принятию подчеркивается, что «характер функций по поддержанию правопорядка... и то, каким образом они осуществляются, оказывают непосредственное воздействие на качество жизни отдельных лиц а также всего общества в целом».

Действие Кодекса распространяется на всех должностных лиц, обладающих полицейскими полномочиями, особенно полномочиями на задержание правонарушителей.

В соответствии со ст. 2 Кодекса при выполнении своих обязанностей должностные лица по поддержанию правопорядка должны уважать и поддерживать человеческое достоинство и права человека. На уровне национального законодательства должны быть приняты положения, конкретизирующие это правило.

Применение силы этими должностными лицами допускается «только в случае крайней необходимости и в той мере, в какой это требуется для выполнения их обязанностей (ст. 3)». Такими обстоятельствами, в частности, являются предупреждение преступления, правомерное задержание правонарушителей с соблюдением принципа «пропорциональности» или «разумной достаточности». Применение огнестрельного оружия считается крайней мерой, следует исключить его в отношении детей.

Сведения конфиденциального характера, получаемые должностными лицами по поддержанию правопорядка, должны сохраняться в тайне, «если исполнение обязанностей или требования правосудия не требуют иного (ст. 4)». Любое разглашение такой информации в иных целях следует считать неправомерным.

Статья 5 Кодекса запрещает пытки либо терпимое отношение к пыткам, причем ни одно должностное лицо «не может ссылаться на распо-

ряжения вышестоящих лиц или такие исключительные обстоятельства, как состояние войны или угроза войны, угроза национальной безопасности, внутреннюю политическую нестабильность либо другое чрезвычайное положение для оправдания пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания». Выражение «жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания» не определено в Кодексе, однако его следует истолковывать так, чтобы обеспечивалась, по возможности, наиболее широкая защита от злоупотреблений как физического, так и психологического характера.

Что касается определения пытки, то оно содержится, в частности, в Конвенции ООН против пыток 1984 г. При этом следует иметь в виду, что, согласно ст. 1 Конвенции, в это определение не включаются «боль или страдания, причиняемые в результате законных санкций, неотделимые от этих санкций или вызываемые ими случайно».

Статья 6 Кодекса возлагает на должностных лиц по поддержанию правопорядка обязанность обеспечивать охрану здоровья задержанных ими лиц, а при необходимости – медицинскую помощь.

Любой акт коррупции, как и любое другое злоупотребление властью, несовместимы со служебным статусом должностного лица по поддержанию правопорядка. Комментарий к ст. 7 Кодекса дает одно из первых в международном праве определение коррупции в ее первом приближении (см. разд. 5.2).

Следует отметить принципиально важное не только для должностных лиц, но и для всей системы уголовной юстиции положение Кодекса, что «правительства не могут ожидать от граждан соблюдения ими правопорядка, если они не могут или не хотят обеспечивать соблюдение законности их собственными должностными лицами и в рамках их собственных учреждений».

Весьма важным является и положение, что «должностные лица по поддержанию правопорядка, соблюдающие положения настоящего Кодекса, заслуживают уважения, полной поддержки и сотрудничества со стороны общества и учреждения, в котором они служат...».

Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка должен соблюдаться во всех случаях, когда он включается в национальное законодательство или практику. Если же законодательство или практика предусматривают более строгие положения, чем положения Кодекса, то соблюдаются первые.

В 1989 г. ЭКОСОС ООН принял Руководящие принципы для эффективного осуществления Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. Они предусматривают включение его положений в национальное законодательство и применение их на практике, а также их использование при обучении, переподготовке и повышении квалификации всех должностных лиц по поддержанию правопорядка независимо от их ведомственной принадлежности.

Правительства государств-членов ООН должны информировать Генерального секретаря не реже одного раза в пять лет о степени осуществления положений Кодекса.

Восьмым конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями были приняты «Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка». В декабре 1990 г. они были одобрены Генеральной Ассамблеей ООН в Резолюции 45/166.

Основные принципы более детально регламентируют порядок применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка в соответствии со ст. 3 Кодекса.

Применение силы и огнестрельного оружия должно основываться на нормах национального законодательства, принятого с учетом этических принципов.

Для дифференцированного и пропорционального применения силы в каждом государстве необходимо разрабатывать широкий арсенал средств полицейской техники. В их число входят не приводящие к смерти, но нейтрализующие виды оружия. В тех же целях следует оснащать должностных лиц по поддержанию правопорядка щитами, касками, пуленепробиваемыми жилетами и транспортными средствами для уменьшения необходимости использования при самозащите любого вида оружия.

Должностные лица по поддержанию правопорядка вправе применять силу и огнестрельное оружие только в случаях, когда ненасильственные средства «являются неэффективными или не дают надежд на достижение намеченного результата (п. 5)».

В п. 9 Основных принципов конкретизированы специальные основания применения огнестрельного оружия против людей. При этом «в любом случае преднамеренное применение силы со смертельным исходом может иметь место лишь тогда, когда оно абсолютно неизбежно для защиты жизни».

При разгоне противозаконных собраний ненасильственного характера должностные лица по поддержанию правопорядка должны избегать применения силы или, если это невозможно, ограничивать ее до необходимого минимума. При разгоне собраний насильственного характера должностные лица вправе применять огнестрельное оружие лишь в случаях, когда нельзя применить менее опасные средства.

В отношениях с лицами, находящимися в заключении или под стражей, должностные лица по поддержанию правопорядка могут применять силу, только когда это строго необходимо для поддержания безопасности и порядка в учреждении или при угрозе их личной безопасности.

Должностные лица, которые носят огнестрельное оружие, должны проходить полноценную специальную подготовку. При этом следует обращать особое внимание на вопросы прав человека, на альтернативы применению силы и огнестрельного оружия, включая мирное урегулирование конфликтов, понимание поведения больших масс людей и методы убеждения, ведения переговоров и посредничества.

Согласно п. 26 Основных принципов, «исполнение приказов вышестоящих должностных лиц не является оправданием, если должностные лица по поддержанию правопорядка знали о явной незаконности приказа о применении силы и огнестрельного оружия, что привело к смерти или серьезному ранению какого-либо лица, и имели разумную возможность отказаться от его исполнения». В любом случае ответственность возлагается и на должностных лиц, издавших незаконные приказы.

7.3. Уголовная юстиция и несовершеннолетние

Рост преступности, в том числе – тяжких преступлений среди несовершеннолетних, является серьезной проблемой во многих странах. Крайне важно не только предупреждать преступность несовершеннолетних, но и обеспечивать защиту прав тех несовершеннолетних, кто вступил в конфликт с законом.

Подходы к предупреждению преступности несовершеннолетних и обращению с ними развивались в рамках (под эгидой) ООН посредством разработки и принятия ряда международных документов в духе Конвенции о правах ребенка.

В ноябре 1985 г. Генеральной Ассамблеей ООН утверждены «Стандартные минимальные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних». Их проект был разработан на межрегиональном подготовительном совещании к VII Конгрессу ООН в

связи с темой «Молодежь, преступность и правосудие» в Пекине в 1984 г. Поэтому в сокращении они иногда именуется «Пекинскими правилами».

Пекинские правила представляют собой минимально приемлемые международные условия обращения с несовершеннолетними, которые вступают в конфликт с законом. В них учитывается разница в национальных условиях и правовых структурах.

Пекинские правила не определяют конкретный возраст несовершеннолетних. Согласно п. 2.2. Правил, это «человек, который в рамках национальной правовой системы может быть привлечен к ответственности в такой форме, которая отличается от ответственности взрослого (от 7 до 18 лет и старше)».

Нижний предел уголовной ответственности не должен устанавливаться на слишком низком уровне, иначе само понятие о преступном поведении становится бессмысленным. Обращение с несовершеннолетними правонарушителями преследует две цели: это обеспечение благополучия несовершеннолетнего и принцип соразмерности.

Основные процессуальные гарантии (презумпция невиновности, право на защиту) должны быть обеспечены для несовершеннолетнего во всяком случае. Должно уважаться право несовершеннолетнего на конфиденциальность, чтобы избежать причинение ему вреда или ущерба репутации из-за ненужной гласности. Поэтому в принципе не должна публиковаться никакая информация, которая может привести к указанию на личность несовершеннолетнего правонарушителя (п. 8.2).

При задержании несовершеннолетних следует немедленно ставить в известность их родителей или опекунов.

Правила рекомендуют, по возможности, не прибегать к официальному судебному разбирательству в отношении несовершеннолетних. Поэтому полиция, прокуратура и другие уполномоченные органы должны на законных основаниях иметь право принимать решения без официального слушания дела. Но любое прекращение дела, связанное с передачей несовершеннолетнего в общинные или иные аналогичные службы, требует согласия несовершеннолетнего, его родителей или опекуна. Такое решение может быть пересмотрено. Прекращение дела не должно ограничиваться только мелкими делами.

Для работы с несовершеннолетними должны быть созданы (во всяком случае – в крупных городах) специализированные подразделения полиции.

Содержание несовершеннолетних под стражей до суда должно использоваться в качестве крайней меры и в течение конкретного срока. Оно должно, по возможности, заменяться альтернативными мерами (надзор и т.д.). Содержание под стражей должно осуществляться в духе Минимальных стандартных правил обращения с заключенными 1955 г.

Пекинские правила указывают, что во всех случаях, кроме мелких правонарушений, до вынесения судом приговора необходимо тщательно изучить окружение и условия, в которых живет несовершеннолетний, и обстоятельства, при которых совершено преступление. Результаты такого изучения отражаются в докладах о социальном обследовании (социальных докладах). Для этой цели в некоторых системах уголовной юстиции используется специальная служба или сотрудники (например, служба пробации).

Лишение свободы по возможности должно быть сведено до минимума. Ни за какое преступление несовершеннолетнего не должны выноситься смертные приговоры. Они не могут быть подвергнуты и телесным наказаниям.

Главные противоречия в вынесении и исполнении судебных решений в отношении несовершеннолетних – это противоречие между:

- перевоспитанием и воздаянием;
- помощью и пресечением и наказанием;
- мерой воздействия с учетом обстоятельств конкретного дела и мерой воздействия с учетом интересов защиты общества в целом;
- общим предупреждением и индивидуальным наказанием.

Эти противоречия в отношении несовершеннолетних проявляются резче, чем в отношении взрослых.

Для обеспечения большей гибкости и во избежание неоправданного заключения в исправительное учреждение Пекинские правила (п. 18.1) рекомендуют применять к несовершеннолетним такие альтернативные меры, как:

- передача под опеку или надзор;
- пробация;
- постановление об общественно-полезной работе;
- финансовые меры, включая компенсацию и реституцию;
- привлечение к групповой психотерапии и аналогичным мероприятиям;
- передача на воспитание, изменение места проживания и т.п.

При этом ни один несовершеннолетний не может быть изъят из-под надзора родителей, частично или полностью, если это не оправдано обстоятельствами его дела (например, при жестоком обращении с детьми).

Помещение несовершеннолетнего в исправительное учреждение должно быть крайней мерой. При этом предпочтение должно быть отдано «открытым» заведениям перед «закрытыми».

В пенитенциарных учреждениях несовершеннолетние должны содержаться отдельно от взрослых, а родители или опекуны должны иметь возможность посещать их. Несовершеннолетним должна оказываться медицинская, юридическая и психологическая помощь. Должно по возможности более широко применяться условное освобождение. После освобождения такие несовершеннолетние должны получать помощь и находиться под надзором соответствующего органа и общины.

Большие перспективы в этом отношении стоят перед учреждениями так называемого «промежуточного» типа, поскольку они могут лучше способствовать реинтеграции несовершеннолетних в жизнь общества.

14 декабря 1990 г. Резолюцией 45/112 ГА ООН были приняты «Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних». Они были разработаны на совещании, проведенном Арабским исследовательским и учебным центром по вопросам безопасности (АИУЦБ) в Эр-Рияде, и поэтому названы «Руководящими принципами, принятыми в Эр-Рияде».

В этих принципах установлены стандарты предупреждения преступности среди несовершеннолетних, включая меры по защите молодых людей, которые оставлены родителями, лишены заботы, являются жертвами злоупотреблений или находятся в группах «социального риска». Руководящие принципы касаются предконфликтного этапа, то есть периода, когда несовершеннолетние еще не вступают в конфликт с уголовным законом.

«Эр-Риядские» принципы рекомендуют избегать криминализации и назначения наказания ребенка за поведение, не причиняющее серьезного ущерба развитию самого ребенка или вреда другим. Ведь определение молодого человека как «нарушителя», «правонарушителя» или «начинающего преступника» во многих случаях способствует развитию устойчивого стереотипа нежелательного поведения (эффект так называемой «стигматизации»).

Необходимо поощрять средства массовой информации в целом и телевидение и кинематографию в частности, в том, чтобы свести к мини-

муму показ материалов, связанных с порнографией, наркотиками и насилием и изображать насилие и эксплуатацию негативно, а также особенно избегать показа детей, женщин и личных отношений в унижающей достоинство в форме и пропагандировать принципы равноправия.

Следует создавать службы защиты интересов детей (детские омбудсмены). В целом, в Руководящих принципах 1990 г. основное внимание уделяется ранним превентивным и защитным мерам с тем, чтобы обеспечить молодежи жизнь, свободную от преступности, виктимизации и конфликтов с законом.

В декабре 1990 г. Генеральной Ассамблеей ООН были приняты Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, разработанные Комитетом по предупреждению преступности. Они исходят из того, что заключение несовершеннолетнего в исправительное учреждение должно всегда применяться в качестве крайней меры и в течение минимально необходимого периода. Кроме того, вследствие их большей уязвимости несовершеннолетние, лишенные свободы, нуждаются в особом внимании и защите с целью ограждения их от злоупотреблений, виктимизации и нарушений их прав.

Правила исходят из принципов, установленных в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными и отвечают их структуре. Вместе с тем отдельные их положения имеют особенности по сравнению с Минимальными стандартными правилами. При этом государства должны в надлежащих случаях включать положения Правил в свое законодательство.

Несовершеннолетним считается любое лицо до 18 лет. Возрастной предел, до достижения которого должно быть запрещено лишение ребенка свободы, определяется законом.

По смыслу Правил «лишение свободы» означает не только тюремное заключение, но и нахождение в любом государственном или частном исправительном учреждении, которое осужденному не разрешено покидать по собственному желанию (на основании решения суда или другого компетентного государственного органа).

Следует стремиться к тому, чтобы предварительное заключение несовершеннолетних также было исключительной мерой. Осужденные и подследственные должны содержаться раздельно. В каждом учреждении в отношении всякого несовершеннолетнего должна иметься полная информация. Сведения о месте его нахождения, о переводе или осво-

бождении должны незамедлительно направляться опекуну, родителям или близким родственникам несовершеннолетнего.

Условия содержания несовершеннолетних должны учитывать их особый статус и социальные потребности. Несовершеннолетние должны содержаться отдельно от взрослых, если только они не являются членами одной семьи. В контролируемых условиях они могут совместно со взрослыми участвовать в специальных программах.

Целесообразно расширять систему открытых учреждений для несовершеннолетних (где меры безопасности отсутствуют или ограничены). Число содержащихся во всех исправительных учреждениях должно быть как можно меньшим, чтобы глубже индивидуализировать воздействие. Исправительные учреждения для несовершеннолетних по возможности должны быть децентрализованы. Перспективны относительно небольшие учреждения, которые были бы составной частью общины.

Исправительные учреждения должны отвечать цели исправления, обеспечивая также потребности несовершеннолетних как в общении, так и в уединении. Учреждения не должны располагаться в районах, опасных для здоровья или связанных с другими рисками.

Спальные помещения несовершеннолетних, как правило, должны состоять из нескольких комнат для небольших групп или отдельных комнат на одного человека в зависимости от местных стандартов. При этом должно быть обеспечено ненавязчивое наблюдение за несовершеннолетними.

Насколько это возможно, несовершеннолетние должны иметь право пользоваться собственной одеждой. Другая одежда не должна унижать или оскорблять их достоинство. При выходе из учреждения им должно быть разрешено носить собственную одежду.

В дипломах и свидетельствах об образовании, полученных в учреждении, не следует делать пометок, что несовершеннолетний отбывал лишение свободы.

В пределах, позволяющих сделать соответствующий выбор профессии, с учетом требований администрации исправительного учреждения несовершеннолетним должна предоставляться возможность выбрать виды работ, которые они желают выполнять.

Правила не содержат обязанности несовершеннолетних трудиться. Но установлено, что «всегда, когда это осуществимо, несовершеннолетним должна предоставляться возможность для выполнения оплачиваемой работы».

Согласно п. 46 Правил, «интересы несовершеннолетних и их профессиональной подготовки не должны ставиться в подчинение целям извлечения прибыли данным учреждением или какой-либо третьей стороной».

Каждый несовершеннолетний должен иметь право на регулярные и частные свидания, в принципе, раз в неделю и не менее раза в месяц в условиях, учитывающих потребность несовершеннолетнего в уединении, контактах и неограниченном обращении со своей семьей и защитником.

В любом исправительном учреждении для несовершеннолетних ношение и применение оружия персоналом должно быть запрещено. Средства физического сдерживания и применение силы могут использоваться лишь в исключительных случаях, когда все другие меры контроля не дали результатов. Они не должны носить характера унижения или глумления.

Телесные наказания, помещение в карцер, строгое или одиночное заключение должны быть запрещены. Должны быть запрещены также сокращение питания, ограничение или лишение контактов с семьей, коллективные наказания. Труд не должен использоваться в качестве дисциплинарной меры.

Следует принять меры к созданию независимой службы рассмотрения жалоб несовершеннолетних в местах лишения свободы.

7.4. Взаимная правовая помощь по уголовным делам

Эта деятельность – важное направление международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Она включает в себя взаимную помощь государств в розыске и передаче преступников, в осуществлении уголовного преследования, получении доказательств по уголовным делам, в производстве отдельных процессуальных действий, в отправлении правосудия и обеспечении имущественных взысканий по уголовным делам.

Международное сотрудничество в области уголовного судопроизводства осуществляется в нескольких юридических формах:

1) Посредством реализации двусторонних межгосударственных договоров о взаимной правовой помощи и соответствующих межправительственных соглашений. Ныне у Российской Федерации (вместе с договорами, заключенными ранее СССР) таких договоров свыше 30¹.

¹ В том числе соглашение с правительством США о сотрудничестве по уголовно-правовым вопросам от 30 июня 1995 г., которое, однако, не включает обязательств по выдаче преступников (см. следующий параграф).

2) Путем осуществления обязательств, предусмотренных Европейской конвенцией о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г. и Дополнительного протокола к ней от 1 октября 1978 г., ратифицированных Российской Федерацией в 1999 г., и Конвенцией СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанной в январе 1993 г. Россией, Арменией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Молдовой, Таджикистаном, Туркменистаном и Украиной. К ней в 1995 г. присоединился Азербайджан, а в 1996 г. – Грузия. В настоящее время открыта для подписания новая Конвенция о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенная в Кишиневе в 2002 г.

3) Правовая помощь по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных в многосторонних конвенциях о борьбе с отдельными видами преступлений. Среди них – Конвенция ООН 1988 г. о борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ; Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, 1971 г.; Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.; Страсбургская конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. и другие.

4) В отсутствие межгосударственного договора об оказании правовой помощи по уголовным делам, а также участия в упомянутых выше конвенциях следственные и судебные поручения могут направляться на так называемых «условиях взаимности».

Значительное влияние на формирование договорных основ межгосударственного сотрудничества в уголовном судопроизводстве оказал Типовой договор о взаимной помощи в области уголовного правосудия, принятый Генеральной Ассамблеей ООН в ее Резолюции 45/117 от 14 декабря 1990 г. Его цель состоит в том, чтобы, обобщив имеющийся опыт в этой области, способствовать расширению взаимной помощи государства в уголовном судопроизводстве, в том числе в борьбе с транснациональными преступлениями.

Генеральная Ассамблея ООН оценила принятый ею Типовой договор как «полезную основу, которая могла бы помочь государствам, заинтересованным в проведении переговоров и заключении двусторонних соглашений».

Согласно ст. 2 Типового договора, сфера его применения может включать:

а) получение свидетельских показаний и заявлений от отдельных лиц;

в) содействие в предоставлении задержанных или других лиц для дачи свидетельских показаний или оказания помощи в проведении расследований;

с) предоставление судебных документов;

d) проведение розысков и арестов имущества;

е) обследование объектов и участков местности;

f) предоставление информации и вещественных доказательств;

g) предоставление оригиналов или заверенных копий свидетельствующих документов и материалов, включая банковские, финансовые, юридические и деловые документы.

За рамками Договора остаются такие вопросы, как:

- арест или задержание любого лица с целью его выдачи;

- обеспечение исполнения судебных решений, вынесенных в другом государстве;

- передача заключенных для отбывания наказания и передача надзора за осужденными условно;

- передача заключенных для отбывания наказания;

- передача разбирательства по уголовным делам.

Каждая Сторона назначает орган или органы, от имени которых или через которых должны направляться или приниматься просьбы в соответствии с Договором об оказании правовой помощи по уголовным делам.

Типовой договор допускает случаи, при которых государство может отказать в оказании такой помощи. В ней может быть отказано, если:

а) по мнению запрашиваемого государства, удовлетворение просьбы нанесет ущерб его суверенитету, безопасности, общественному порядку или другим важным государственным интересам;

в) правонарушение расценивается им как политическое;

с) существуют веские основания считать, что просьба об оказании помощи направлена с целью уголовного преследования лица по признаку расы, пола, вероисповедания, гражданства, этнической принадлежности или политических убеждений;

d) просьба касается преступления, которое в запрашиваемом государстве является предметом расследования или судебного разбирательства;

е) если данное правонарушение не может быть предметом расследования или судебного разбирательства в запрашиваемом государстве;

f) деяние является преступлением по военному праву, но не является таковым по обычному уголовному праву.

Любой отказ или отсрочка исполнения запроса должны быть обоснованы. В просьбе об оказании помощи не может быть отказано исключительно по причине секретного характера деятельности банков и иных финансовых органов.

Типовой договор регламентирует содержание запросов об оказании правовой помощи, устанавливает требования к конфиденциальности, определяет порядок передачи лиц, содержащихся под стражей, для дачи показаний или оказания помощи в проведении расследования, правила обыска и изъятия материалов для использования их в качестве доказательств.

Расходы, связанные с выполнением просьбы, обычно несет запрашиваемое государство. При существенных или непредвиденных расходах этот вопрос заблаговременно решается сторонами.

Факультативный протокол к Типовому договору о взаимной помощи в области уголовного правосудия касается доходов от преступлений. В ответ на просьбу запрашиваемое государство принимает меры к обнаружению активов, расследованию финансовых операций. При обнаружении предполагаемых доходов от преступления по просьбе запрашивающего государства запрашиваемое государство принимает меры с целью не допустить передачи, использования этих доходов до принятия судом окончательного решения.

Согласно ст. 453 УПК РФ, основаниями правовой помощи по уголовным делам являются запросы о ней компетентного органа или должностного лица иностранного государства «в соответствии с международным договором Российской Федерации, международным соглашением или на основе принципа взаимности».

Конвенция Совета Европы 1959 г. в качестве центрального органа взаимодействия в области уголовного судопроизводства определяет Министерство юстиции. Большинство европейских стран придерживается такой схемы сотрудничества. Некоторые используют для этого другие структуры. Согласно ч. 3 ст. 453 УПК, запрос о производстве процессуальных действий в другом государстве направляется через:

- 1) Верховный Суд РФ – по вопросам его судебной деятельности;
- 2) Министерство юстиции РФ – по вопросам судебной деятельности всех судов России, кроме Верховного Суда РФ;
- 3) Следственный комитет РФ, МВД РФ, ФСБ РФ – по уголовным делам, находящимся в их производстве;
- 4) Генеральную прокуратуру РФ – в остальных случаях.

Запрос и прилагаемые к нему документы переводятся на официальный язык государства, которому они направляются.

Уголовно-процессуальный кодекс также определяет порядок исполнения в России запросов о правовой помощи по уголовным делам (ст. 457). При исполнении применяются нормы УПК РФ, что, однако, не исключает использования норм иностранного государства, если это предусмотрено договором и не противоречит законодательству и международным обязательствам Российской Федерации. При тех же условиях при исполнении запроса могут присутствовать представители иностранного государства.

В соответствии со ст. 459 УПК запрос иностранного государства об уголовном преследовании российского гражданина, совершившего преступление в иностранном государстве и возвратившегося в Россию, рассматривается Генеральной прокуратурой РФ. В таких случаях все процессуальные действия проводятся в порядке, установленном УПК РФ. Ведь, как указано в Конституции (ст. 61), Россия своих граждан иностранным государствам не выдает (подробнее см. следующий параграф). Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 12 сентября 2007 г. № 185 утверждены Методические рекомендации об организации работы по исполнению международных обязательств в Российской Федерации в сфере правовой помощи по уголовным делам и передаче осужденных.

Другой документ, касающийся взаимной помощи в области уголовного правосудия, – это Типовой договор о передаче уголовного судопроизводства, утвержденный ГА ООН в ее Резолюции 45/118 от 14 декабря 1990 г. Хотя основное внимание в нем уделяется интересам государств-участников, учитываются также интересы обвиняемых, подозреваемых и жертв преступлений. Наиболее широко такой договор может применяться в случаях, когда осужденный (привлекаемый к уголовной ответственности в другом государстве за новое преступление) находится в государстве, гражданином которого он является, и просьба о выдаче остается без внимания, так как это государство отказывается выдавать своих граждан.

В Договоре предусматривается, что судопроизводство по уголовным делам может передаваться только в том случае, если данное деяние считается правонарушением в обоих заинтересованных государствах (принцип двойной уголовной ответственности).

Запрашиваемое государство может отказаться принять просьбу о передаче судопроизводства, если подозреваемое лицо не является гражданином запрашиваемого государства или последнее не является государством его обычного места жительства; если это деяние является преступлением только по военным законам; если преступление связано с налогами, пошлинами, валютными или таможенными операциями; если преступление рассматривается запрашиваемым государством как политическое.

Подозреваемое лицо, его законный представитель или ближайшие родственники могут заявить о своей заинтересованности в передаче судопроизводства. Если иски не будут удовлетворены до передачи судопроизводства, их разбор также может быть передан другой стороне. Может применяться предварительное задержание или арест в качестве меры пресечения.

7.5. Выдача преступников

Проблемы выдачи преступников (экстрадиции) тесно связаны с проблемами государственного суверенитета, прав человека, и их практическое решение нередко определяется общим уровнем межгосударственных отношений и конкретной политической ситуацией. В международном праве выдача преступников обычно определяется как передача лица государством, на территории которого оно находится, другому государству в целях его уголовного преследования, суда над ним или для исполнения ранее вынесенного обвинительного приговора¹.

Институт выдачи преступников зародился в глубокой древности, и его развитие шло параллельно с развитием как международного, так и национального уголовного права. В Русском государстве фактически первым договором о выдаче является Договорная запись 1649 г. со Швецией о выдаче перебежчиков, к которым относились не только преступники, но все беглецы. Первым специальным соглашением о выдаче преступников стал Договор Российской империи с Датским королевством 1866 г.

¹ Из этого следует, что именовать рассматриваемый институт именно как «выдача преступников» не всегда корректно. Это справедливо лишь при выдаче осужденного для исполнения приговора. В иных ситуациях лицо в процессуальном статусе подозреваемого или обвиняемого с точки зрения презумпции невиновности не может именоваться «преступником».

Вопрос о выдаче практически ставится, когда человек совершивший преступление против одного государства (или находящихся на его территории организаций и граждан), находится на территории другого государства. В связи с этим различают несколько видов выдачи:

1. Выдача по месту совершения преступления.
2. Выдача по месту вынесения приговора.
3. Выдача в отечественное государство для преследования по законам государства гражданства.
4. Выдача потерпевшему государству лица, не являющегося его гражданином, но обвиняемого по его законам за совершение за его пределами преступления против интересов этого государства или его граждан.
5. Выдача иному государству или международному органу (например, Международному уголовному суду), обладающему правом универсальной юрисдикции (при совершении международных преступлений и ряда преступлений международного характера).

Юридическими основаниями выдачи могут выступать:

- договоры о правовой помощи по уголовным делам, содержащие специальные разделы о выдаче (РФ и Республика Корея, 1999 г., РФ и Республика Куба, 2000 г. и др.);
- специальные двусторонние договоры о выдаче, которые ныне имеет Россия с 65 государствами;
- многосторонние договоры о выдаче, участником которых является Россия (например, Европейская конвенция о выдаче 1957 г.);
- многосторонние международные договоры по отдельным направлениям борьбы с преступностью, содержащие положения о выдаче (например, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.).

В международной практике имеет место выдача и без договора, на основе взаимности, хотя не все страны относятся к этому одинаково. Страны так называемого «общего права» (англосаксонской правовой системы) отрицают возможность выдачи преступников без договора. Эту позицию четко выразил Верховный суд США: «Принципы международного права не предусматривают права выдачи, кроме как на основании договора. Соответствующее право на осуществление экстрадиции появляется у государства лишь при наличии договора о выдаче». Что, заметим, не мешает властям США требовать от России выдачи бывшего сотрудника спецслужб Э. Сноудена и не помешало вывезти в порядке экстрадиции с Мальдивских островов российского гражданина И. Селезнева. При том, что ни с Россией, ни с Мальдивами договоров о

выдаче Соединенные Штаты не имеют. Отказываются его заключать и сами США. Начиная с 2008 г., США 18 раз отказывали России в выдаче ее граждан, в отношении которых было возбуждено уголовное дело.

Страны континентального права (и прежде всего – европейские страны) считают возможным выдавать преступников и без конкретного договора о выдаче с запрашиваемым государством «на основе взаимности». Так, в частности, поступило в середине 80-х годов прошлого века правительство Израиля, выдав Советскому Союзу террористов, захвативших самолет с детьми, хотя у СССР и Израиля в этот период даже не было дипломатических отношений.

В случае основательности инкриминируемых виновному деяний и отказе от выдачи и действует правило *aut dedere aut judicare* («выдай или суди»). Так произошло, в частности, с преступниками, которые в 1989 г. при следовании под конвоем из Красноярска в Норильск на пассажирском самолете ТУ-154 захватили самолет и произвели посадку в Пакистане. Отказавшись выдать преступников СССР, пакистанские власти провели судебный процесс, где все виновные (7 человек) были осуждены к пожизненному лишению свободы.

Многосторонним договором регионального (европейского) масштаба о выдаче преступников является, как уже отмечалось, Европейская конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 г. и два дополнительных протокола к ней (1975 и 1977 гг.). В Конвенции участвуют около 30 европейских государств. Российская Федерация присоединилась к Конвенции в 1996 г., ратифицировала в 1999 г.

В соответствии с Конвенцией 1957 г. договаривающиеся стороны обязуются выдавать друг другу лиц, в отношении которых компетентные органы запрашивающей стороны ведут уголовное преследование в связи с совершением преступления либо которые разыскиваются указанными органами для приведения в исполнение приговора или постановления о задержании.

Конвенция определяет основания для выдачи, а также основания для отказа в выдаче. В частности, выдача не разрешается при обвинении в политических преступлениях (ст. 3)¹, в воинских преступлениях (ст. 4).

¹ Однако общепринятого понятия «политического» преступления нет, и каждое государство решает этот вопрос самостоятельно, в том числе – в контексте отношений с запрашивающим государством. Пример – Великобритания, отказавшая России в экстрадировании беглого олигарха Б. Березовского, обвиняемого в России в многомиллиардном хищении.

В запросе может быть также отказано при обвинении в фискальных (налоговых, таможенных и т.п.) преступлениях, а также при делах частного обвинения.

В Конвенции содержатся и процедурные нормы, в том числе и требования к оформлению документов-запросов и сопроводительных писем. Закреплен важный принцип конкретности: «выданное лицо может подвергаться уголовному преследованию только за то деяние, в связи с которым оно выдано».

Если выдачи требует сразу несколько государств, этот вопрос решается властями запрашиваемого государства на основе международного права, в том числе с учетом возможных препятствий к выдаче. Но независимо от того, в какое из запрашивающих государств преступник выдан, он должен отвечать за все инкриминируемые ему деяния. Иные государства должны представить для этого необходимые документы и доказательства.

Выдача лица для исполнения приговора производится, если оно осуждено за деяние, которое в соответствии с законодательством обоих государств уголовно наказуемо, и срок наказания составляет не менее шести месяцев лишения свободы. При таком запросе к нему должна быть приложена заверенная копия приговора, официально переведенная на язык запрашиваемой стороны.

Особым видом выдачи является «выдача на срок», когда лицо отбывает наказание в запрашиваемой стране, и выдача его после освобождения приведет к невозможности уголовного преследования в запрашивающем государстве ввиду истечения сроков давности. В таком случае выдача производится на срок не более трех месяцев для проведения следственных действий, судебного разбирательства и вынесения приговора. Приговор выносится с отсрочкой его исполнения и реализуется (если не истекли сроки давности исполнения) после повторной выдачи осужденного, отбывшего наказание в запрашиваемом государстве. Здесь, однако, при наличии соответствующих международных договоров вполне применим и другой институт: передача осужденного для дальнейшего отбывания наказания в страну, гражданином которой он является (подробнее см. разд. 7.7.)

В литературе, порой, упоминается и такой вид выдачи, как выдача гражданина в качестве свидетеля, потерпевшего в уголовном судопроизводстве. На наш взгляд, эти вопросы должны решаться все же не в рамках экстрадиции, а в формате международных договоров о правовой помощи.

Большинство международных договоров не устанавливает ни предельных сроков исполнения запросов о правовой помощи, ни сроков рассмотрения требований о выдаче. Однако существуют предельные сроки заключения лица под стражей для обеспечения его выдачи (1–2 месяца). По окончании этого срока, если запрос не удовлетворен и нет иных оснований содержания под стражей, лицо должно быть освобождено.

Опыт международного сотрудничества в области экстрадиции был обобщен в Типовом договоре о выдаче, принятом Генеральной Ассамблеи ООН в Резолюции 45/116 14 декабря 1990 г. Это документ рекомендательного характера адресован правительствам государств-членов ООН для упорядочения практики двух- и многосторонних договоров об экстрадиции.

Типовой договор предоставляет в распоряжение государств правовой механизм, позволяющий им запрашивать выдачу разыскиваемых лиц у любой другой страны, если они направят необходимые документы о преступлении, в связи с которым запрашивается выдача, и если запрашиваемое государство не представило серьезного обоснования для отказа. Цель Типового договора состоит в том, чтобы ограничить случаи отказа в выдаче на том основании, что деяние носит политический характер, во всяком случае при преступлениях, признаваемых международным сообществом в качестве особо тяжких преступлений.

Преступления, которые, согласно Типовому договору, могут повлечь выдачу, должны наказываться по законодательству обоих государств лишением свободы не менее года.

Статья 3 Типового договора определяет императивные (обязательные) основания для отказа в выдаче:

а) если правонарушение, в отношении которого поступает просьба о выдаче, рассматривается запрашиваемым государством как политическое;

в) если запрашиваемое государство имеет веские основания полагать, что просьба о выдаче сделана с целью судебного преследования или наказания по признаку расы, вероисповедания, гражданства, этнической принадлежности, политических взглядов, пола или расы, и что положению такого лица может быть нанесен ущерб по какой-либо из этих причин;

с) если инкриминируемое преступление является преступлением по военному праву, но не является таковым по обычному уголовному праву;

d) если в запрашиваемом государстве лицу вынесен окончательный приговор за правонарушение, в отношении которого поступает просьба о выдаче;

e) если лицо, в отношении которого поступает просьба о выдаче, в соответствии с законодательством какого-либо из государств приобретает иммунитет от судебного преследования или наказания по какой-либо причине, включая истечение срока давности или амнистию;

f) если лицо было или будет в запрашивающем государстве подвергнуто пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания, или если это лицо в процессе уголовного разбирательства не обладало или не будет обладать правом на минимальные гарантии в процессе уголовного разбирательства;

g) если судебное решение в запрашиваемом государстве вынесено в условиях, когда осужденное лицо не имело достаточной возможности для обеспечения его защиты и оно не имело или не будет иметь возможности для проведения повторного слушания дела в его присутствии.

Типовой договор предусматривает и факультативные основания для отказа в выдаче. В частности, в выдаче может быть отказано на основании следующих обстоятельств:

- если лицо, в отношении которого поступает просьба о выдаче, является гражданином запрашиваемого государства;

- если компетентные органы запрашиваемого государства решают либо не возбуждать, либо прекратить судебное преследование лица за правонарушение, в отношении которого поступает просьба о выдаче;

- если правонарушение, в отношении которого поступает просьба о выдаче, наказывается смертной казнью в соответствии с законодательством запрашивающего государства, если только это государство не дает достаточные, по мнению запрашиваемого государства, гарантии, что смертный приговор не будет вынесен или в случае его вынесения не будет приведен в исполнение;

- если правонарушение, в отношении которого поступает просьба о выдаче, рассматривается в соответствии с законодательством запрашиваемого государства как совершенное целиком или частично в пределах этого государства;

- если запрашиваемое государство, принимая также во внимание характер правонарушения и интересы запрашивающего государства, сочтет, что в свете обстоятельств данного дела выдача этого лица будет

несовместима с соображениями гуманности ввиду возраста, состояния здоровья и других личных обстоятельств этого лица.

Вопрос о выдаче неизбежно затрагивает и такие стороны конституционного статуса личности, как гражданство и право убежища. Поэтому они решаются и в конституционном «правовом поле».

Конституция РФ (ч. 1 ст. 61) определяет, что «гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан другому государству». Это положение конкретизируется в ч. 1 ст. 13 УК РФ: «Граждане Российской Федерации, совершившие преступление на территории иностранного государства, не подлежат выдаче этому государству». Что касается иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших преступления вне пределов Российской Федерации, находящихся на территории РФ и обвиняемых в совершении преступления в других государствах, то, согласно ч. 2 ст. 63 Конституции, они могут быть выданы «на основе федерального закона или международного договора Российской Федерации». Данное положение конкретизировано и в ч. 2 ст. 13 УК РФ.

Здесь, однако, нельзя не упомянуть ч. 1 ст. 63 Конституции РФ, согласно которой Российская Федерация предоставляет политическое убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства в соответствии с общепризнанными нормами международного права. Поэтому «не допускается выдача другим государствам лиц, преследуемых за действия (или бездействия), не признаваемые в Российской Федерации преступлением (ч. 2 ст. 63)».

Указом Президента РФ от 26 июля 1995 г. утверждено Положение о порядке предоставления политического убежища в Российской Федерации. Политическое убежище предоставляется Указом Президента. Вместе с тем в соответствии с п. 5 указанного Положения политическое убежище не предоставляется, если лицо преследуется за пределами России за действия (бездействие), признаваемое в РФ преступлением или виновно в совершении действий, противоречащих целям и принципам ООН.

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ имеется Глава 54 («Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора»), которая, в частности, регламентирует порядок запроса Российской Федерации о выдаче ей лица для уголовного преследования или исполнения приговора. К основаниям запроса отнесены международный договор Российской Федерации с этим государством или письменное обязательство Генерального Прокурора Российской Федерации выдавать в буду-

шем на основе принципа взаимности этому государству лиц в соответствии с законодательством Российской Федерации (ч. 1 ст. 460 УПК). Статья 462 УПК (ч. 2) предусматривает также выдачу иностранного гражданина «на основе принципа взаимности».

Нетрудно заметить, что Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, к сожалению, по-разному определяют возможные юридические основания выдачи преступников. По ч. 2 ст. 13 УК – это международный договор, а ч. 2 ст. 462 УПК указывает и «принцип взаимности».

УПК детально регламентирует порядок исполнения запроса о выдаче лица, находящегося на территории России, вопросы трансферной перевозки лиц, выданных третьими государствами. Статья 464 определяет основания в отказе в выдаче (обязательные и факультативные). Возможны отсрочка в выдаче и выдача лица на время (ст. 465). Отдельно закреплены процедура передачи выдаваемого лица, а также передача предметов, являющихся орудием преступления, несущих на себе следы преступления или добытых преступным путем.

7.6. Международные стандарты уголовно-исполнительной системы

Уголовно-исполнительная система как совокупность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, – важный элемент системы уголовной юстиции или системы уголовного правосудия (понимаемой в широком смысле слова). Международно-правовые основы исполнения наказания составляют часть международно-правовых основ борьбы с преступностью или «международного права борьбы с преступностью». В рамках этой правовой общности можно говорить о становлении международного уголовно-исполнительного права, имеющего свою специфику.

Прежде всего – в том, что предмет международного уголовно-исполнительного права не совпадает с предметом международного уголовного права. Предмет последнего – отношения в области международного сотрудничества государств в борьбе с международными преступлениями и преступлениями международного характера. Хотя ряд вопросов международного сотрудничества входит в предмет международного уголовно-исполнительного права, не они являются для него определяющими. Главными в международном уголовно-исполнительном праве являются вопросы обеспечения минимальных международно признанных стандартов обращения с осужденными в системе уголов-

ной юстиции независимо от того, осуждены ли они за международные или какие-либо иные преступления.

Нормы международного уголовного права реализуются в России только путем трансформации в национальное законодательство. Это обстоятельство, отраженное, в частности, в ст. 1 УК РФ, закономерно вытекает из приоритета национального суверенитета в определении круга преступного и наказуемого. Несколько иная ситуация в международном уголовно-исполнительном праве. Из анализа ст. 3 УИК РФ следует, что в области исполнения наказаний возможно непосредственное применение норм международного уголовно-исполнительного права наряду с нормами уголовно-исполнительного законодательства РФ. Во всяком случае, это относится к положениям ратифицированных международных договоров. Таким образом, если нормы международного уголовного права – это нормы «для законодателя», то нормы международного уголовно-исполнительного права – нормы одновременно и «для законодателя», и «для практики».

Начало формированию современного международного уголовно-исполнительного права положило принятие в 1955 г. I Конгрессом ООН Минимальных стандартных правил обращения с заключенными. Ныне спектр источников международного уголовно-исполнительного права весьма широк как по их видам и юридической значимости, так и по содержанию регулируемых ими отношений. Последние давно уже вышли за рамки лишения свободы и за пределы уголовного наказания в собственном (узком) смысле слова.

Для международного уголовного права определяющими являются категории международных преступлений или преступлений международного характера, что не присуще международному уголовно-исполнительному праву, основанному на гуманистической концепции обращения с осужденными, независимо от того, за какое преступление они осуждены.

Превалирующий в международном уголовном праве метод международного уголовно-правового запрета не используется в международном уголовно-исполнительном праве, для которого свойственны императивные и диспозитивные начала, исходящие из различий стран в экономическом, социальном, национальном и ином отношении.

Наконец, особые принципы, свойственные международному уголовному праву, не присущи международному уголовно-исполнительному праву (например, принцип запрещения агрессивной войны, принцип

неотвратимости уголовного наказания за международные преступления, принцип неприменения сроков давности к военным преступникам и преступлениям против человечества и т.д.). В международном уголовно-исполнительном праве, на наш взгляд, действуют такие принципы, как принцип правосубъектности всякого осужденного, принцип недопустимости пыток и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения и наказания, принцип ресоциализации, принцип минимизации отрицательных последствий лишения свободы и т.п.

Главное место среди международно-правовых основ деятельности уголовно-исполнительной системы занимают международные стандарты обращения с осужденными. Это принятые на международном уровне принципы, правила и рекомендации, касающиеся исполнения уголовных наказаний, обращения с осужденными, персонала уголовно-исполнительной системы и контроля за уголовно-исполнительной деятельностью.

Международные стандарты обращения с осужденными следует отличать от норм и правил, которые принимаются внутри каждого государства. Международные стандарты – это положения, принимаемые на международном уровне (договоры, конвенции, декларации и т.п.).

Значение международных стандартов состоит в обобщении мирового опыта обращения с осужденными, в информации о достигнутых результатах, в стимулировании путем рекомендаций и предписаний относительно общепринятых или желаемых способов организации исполнения уголовных наказаний, в использовании их при оценке «цивилизованности» системы исполнения наказаний каждой страны.

При квалификации рассматриваемых международных стандартов сохраняют значение общие критерии классификации международно-правовых основ борьбы с преступностью (общемировые и региональные; обязательные и рекомендательные; общие и специальные). Вместе с тем группа специальных стандартов может быть дифференцирована на международные стандарты, относящиеся:

- 1) к разным видам уголовных наказаний (связанные и не связанные с лишением свободы);
- 2) к отдельным категориям осужденных (взрослые и несовершеннолетние, женщины, иностранцы, инвалиды и т.д.);
- 3) к различным категориям персонала уголовно-исполнительной системы (руководители пенитенциарных учреждений; медицинские работники и другие).

Беря за основу первую классификацию, обратимся вначале к **международным стандартам деятельности пенитенциарных учреждений** (исполняющих наказания в виде лишения свободы). Они отражены в большом количестве международных актов различного масштаба действия и разной степени обязательности, принятых в разное время, начиная с конца XIX века. Международные стандарты обращения с заключенными были исторически первыми среди всего многообразия соответствующих документов, и главная причина их появления и развития – необходимость обеспечения международно признанного минимально необходимого уровня исполнения наказания в условиях изоляции на основе соблюдения общепризнанных прав человека.

В настоящее время наиболее известными и обширными в этой области являются несколько документов:

- Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г.;

- Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме 1988 г.;

- Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными 2015 г. (усовершенствованный вариант Правил 1955 г., известный как Правила «Манделы»);

- Европейские пенитенциарные (тюремные) правила 2006 г.

Все упомянутые документы в целом имеют рекомендательный характер, что отмечается и в самом их содержании. В то же время из анализа этих и иных международных актов можно судить о наличии в них группы норм-принципов, которые в силу дублирования в документах иной юридической природы фактически являются обязательными, поскольку отражают минимально необходимый уровень обращения с человеком, находящимся в заключении. Таких важнейших принципов несколько, и они должны неукоснительно соблюдаться во всех странах, независимо от их экономических, политических, географических, климатических условий, от их национальных, культурных и религиозных традиций:

- всякое заключение должно быть нормативно обоснованным до заключения;

- решение о заключении должно приниматься компетентным органом или должностным лицом в нормативно-установленной процедуре и с возможностью обжалования;

- всякое решение о заключении должно выноситься индивидуально, не допускается «коллективных» или «суммарных» заключений;

- заключенный не должен терять своего подлинного имени;
- индивидуально значимые этапы и события при отбывании лишения свободы должны находить отражение в документах;
- недопустимо заключение на неопределенный срок без всяких, пусть даже сугубо теоретических возможностей освобождения;
- условия заключения, в том числе права и обязанности, должны быть исполнимыми и понятными каждому заключенному;
- режим заключения не должен превращать его в пытку и унижать человеческое достоинство;
- все места заключения должны быть подконтрольны не только ведомству, но и вневедомственным структурам и обществу;
- лишение свободы как наказание должно преследовать цель возвращения человека в общество и предупреждения повторных (рецидивных) преступлений;
- труд осужденных является важным средством в подготовке осужденных к жизни на свободе и не считается принудительным.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые в 1955 г. на Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, впоследствии (в 1979 г.) были одобрены Генеральной Ассамблеей ООН. Ныне они являются одним из наиболее авторитетных международных документов в сфере деятельности пенитенциарных учреждений. Данный документ состоит из двух взаимосвязанных частей – Общей («Общеприменимые правила») и Особенной («Правила, относящиеся к отдельным категориям заключенных»). Кроме того, в них содержится Раздел «Персонал заведений», посвященный сотрудникам пенитенциарных учреждений, их статусу, отбору, требованиям и персоналу, условиям его деятельности. Принципиально важно закрепленное в ст. 46 Минимальных правил положение: «Тюремная администрация должна неустанно прививать своим сотрудникам и общественности в целом убеждение в том, что она выполняет работу большого общественного значения».

В мае 2015 г. Комиссия по предупреждению преступности и уголовному правосудию на 24 сессии в Вене приняла и рекомендовала для одобрения Генеральной Ассамблеи ООН усовершенствованный вариант рассматриваемого документа под наименованием «Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы)». Дополнительное наименование было выбрано в знак уважения к наследию покойного пре-

зидента ЮАР, Нельсона Манделы, который провел в тюрьме 27 лет, борясь с апартеидом в своей стране, а также за права человека, равенство, мир и демократию во всем мире.

Принятые в 2015 г. изменения и дополнения в новой версии Минимальных правил касаются таких тем, как:

- уважение человеческого достоинства и человеческой значимости заключенных;
- обеспечение охраны и здоровья;
- повышение гарантии при дисциплинарных мерах и мерах наказания;
- расследование всех случаев смерти в заключении, а также любых признаков пыток или бесчеловечных либо унижающих достоинство видов обращения и наказания заключенных или утверждений о них;
- защита и особые потребности наиболее уязвимых групп, лишенных свободы;
- права заключенных на юридическое представительство;
- рассмотрение жалоб и деятельность независимых инспекций.

Новый вариант Минимальных правил не снижает действующих стандартов, но учитывает последние научные достижения и успешный опыт работы в пенитенциарных учреждениях мира в целях лучшего обеспечения безопасности и гуманных условий для заключенных.

Европейские стандарты лишения свободы, столь же обширные, как и Минимальные правила ООН, содержатся в принятом Комитетом министров Совета Европы в январе 2006 г. документе, именуемом «Европейские пенитенциарные правила». Поскольку условия существования и черты европейских стран относительно более сходны, нежели между государствами разных континентов, Европейские правила в целом отличает большая конкретность по сравнению с Минимальными правилами ООН. Гораздо больше внимания уделяется в них управленческим аспектам деятельности мест лишения свободы, их персоналу.

Нужно, однако, учесть, что как Минимальные правила ООН, так и Европейские правила в большей части ориентированы на тюремное заключение, которое в России занимает незначительное место. В то же время общегуманистическая направленность этих документов заслуживает внимания независимо от организационных принципов построения мест лишения свободы. Именно поэтому каждому государству рекомендовано ознакомить с их основными положениями персонал учреждений, исполняющих наказания.

Другая большая группа международных стандартов относится к наказаниям и иным мерам, не связанным с лишением свободы. Иначе они еще именуется «альтернативными мерами (санкциями)».

Международные акты об альтернативных санкциях появились более чем столетие спустя после появления стандартов обращения с заключенными, в 90-х годах прошлого века. Очевидно, что главная их задача во всяком случае не состояла в обеспечении прав человека и защите осужденных от пыток, жестокого и унижающего обращения и наказания. Они преследовали и преследуют иную цель: путем стимулирования развития альтернативных санкций сократить применение наказания в виде лишения свободы, которое во многих странах само по себе превратилось в сложную проблему.

Наиболее известным и обширным международным документом, касающимся альтернативных санкций, являются Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением. Проект этого акта был разработан с Дальневосточным институтом ООН по предупреждению преступности (г. Токио), поэтому нередко сокращенно он именуется «Токийскими правилами».

Токийские правила всесторонне обсуждались на VII Конгрессе ООН по предупреждению преступности в Гаване в августе 1990 г. По рекомендации Конгресса Генеральная Ассамблея ООН приняла этот документ Резолюцией 45/110 в декабре 1990 г. Правила являются сводом рекомендаций, разработанных с учетом сбалансированного подхода и практического опыта отдельных стран. В них подчеркивается, что тюремное заключение следует рассматривать как крайнюю меру. Поощряется применение альтернативных мер с должным учетом прав отдельных правонарушителей и жертв, а также интересов общества. Предусматривается широкий круг мер, не связанных с лишением свободы, применяемых на различных стадиях деятельности органов уголовной юстиции от возбуждения уголовного дела (в качестве меры пресечения) до стадии вынесения приговора и его исполнения. Причем это не только санкции в уголовно-правовом смысле, но и меры предупреждения, воспитания, возмещения.

Важное значение имеют положения Правил о порядке осуществления таких мер, об охране прав осужденных, о процедурах и корректировке их исполнения, о наборе персонала и участии широкой общественности, о разработке политики в области использования мер, альтернативных лишению свободы.

В европейском масштабе документом, решающим аналогичные задачи, являются принятые в 1992 г. Комитетом министров Совета Европы «Европейские правила по применению общественных санкций и мер взыскания»¹. Европейские правила альтернативных санкций, стремясь избежать негативных последствий тюремного заключения, установили ряд стандартов, которые позволяют национальным законодательным и правоприменительным органам разработать и внедрить справедливый и эффективный механизм исполнения наказаний и мер, не связанных с изоляцией от общества.

В отличие от Токийских правил Правила Совета Европы не содержат конкретного перечня таких санкций, но дают их общее определение. Это «предусмотренные законом меры наказания и иные меры, которые оставляют правонарушителя в обществе, влекут некоторые ограничения его свободы, налагающие условия и(или) обязанности, и которые исполняются органами, определяемыми законом для этой цели».

Условия, содержание и последствия несоблюдения условий исполнения (отбывания) таких мер должны определяться в ясных и четких формулировках закона. Причем ни одна такая мера не может быть применена на неопределенный срок.

Законы не должны содержать правил об автоматическом применении тюремного заключения, если санкция окажется неэффективной. Назначение таких мер должно предполагать процедуры обжалования. Содержание и способ исполнения таких мер не могут ущемлять право на личную жизнь или уважение человеческого достоинства правонарушителя и его семьи или изматывать его.

Не должно быть чрезмерного риска причинения физического или психического вреда. Право на пособие не может быть ограничено при исполнении таких мер. Любые наказания и меры должны назначаться лишь в тех случаях, когда известно, что предполагаемые наказания и меры могут быть исполняемы и правонарушитель готов к сотрудничеству и подчинению им.

Большое внимание уделяется персоналу учреждений и органов, исполняющих эти меры. Их реализация должна предусматривать участие добровольцев (общественности). Но оно не должно подменять собой

¹ Термин «общественных» в данном случае точнее перевести как «общинных», поскольку в отличие от лишения свободы осужденный остается «в общине», то есть не изымается из привычного социума. В литературе этот документ еще кратко именуется как «Европейские правила альтернативных санкций».

деятельность профессиональных органов. Частные лица, привлекаемые к такой работе, должны иметь страховку и возмещение необходимых расходов. Должны быть предусмотрены гарантии конфиденциальности получаемой информации.

Если осужденный приговорен к общественным работам, они не должны быть бессмысленными, но социально полезными и значимыми. Такие работы не должны применяться с целью извлечения прибыли на любом предприятии. Условия труда должны отвечать общепризнанным.

В принципе, расходы по исполнению наказаний не должны возлагаться на правонарушителя. Решение об отмене альтернативных санкций не должно с необходимостью влечь решение о назначении тюремного заключения. Должна быть предусмотрена возможность досрочного прекращения меры, если нарушитель соблюдал наложенные условия и в них отпала необходимость.

Вместе с тем применение альтернативных мер в целом не должно вести к так называемому «растягиванию сетей», то есть к расширению влияния официальной юстиции там, где можно обходиться общественным воздействием.

Устанавливая принципы применения альтернативных санкций, Европейские правила 1992 г. особое внимание уделяют уважению основных прав осужденных, введя, помимо прочего, принцип сотрудничества и развития у виновного чувства ответственности перед общиной и потерпевшим (правило 30).

Исполнение альтернативных мер наказаний «должно базироваться на управлении индивидуальными программами и налаживании соответствующих рабочих отношений между правонарушителем, надзирающим лицом, организациями и частными лицами – представителями общины (правило 70)».

При этом следует поощрять проведение исследований по альтернативным санкциям и регулярно давать оценку их эффективности, вклад в сокращение лишения свободы и влияние на уровень преступности в обществе.

Наконец, при рассмотрении международных стандартов реализации альтернативных наказаний нельзя обойти вниманием такой относительно новый документ, как Европейские правила о пробации, принятые Комитетом министров Совета Европы 20 января 2015 г. Термин «пробация» в данном случае используется для определения процесса исполнения в обществе альтернативных наказаний и мер, назначенных пра-

вонарушителю. При этом, как отмечено в ч. 1 Правил («Определения»), под службой пробации понимается «любое ведомство, предусмотренное законом для осуществления вышеуказанных целей и задач».

Функции службы пробации (или аналогичного ей органа) может также включать досудебный социальный доклад, представляемый суду для принятия оптимального решения о мере наказания. Кроме того – постпенитенциарный контроль в отношении освобожденных из мест лишения свободы и оказание им социальной помощи, а также работу с потерпевшими, участие в так называемом «восстановительном правосудии» (медиацию) и профилактику преступности.

Независимо от того, находятся или нет служба пробации и тюремное ведомство в одной организации, они должны работать в тесном взаимодействии для того, чтобы способствовать успешной адаптации освобожденного преступника в обществе.

Залогом успеха службы пробации или иных аналогичных органов является тесное взаимодействие с другими ведомствами, местными властями, работодателями, средствами массовой информации, добровольными помощниками и общественностью.

7.7. Передача осужденных для отбывания наказания

В отличие от экстрадиции (выдачи преступников), имеющей многовековую историю, институт передачи осужденных в международном праве ведет отчет с конца прошлого века. Впервые этот вопрос был поставлен на Пятом конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1975 г. В соответствии с принципом гуманизма новый институт был призван содействовать более эффективному исправлению осужденных, созданию правовых условий отбывания ими наказаний на родине.

Одними из первых государств, поставивших этот вопрос на практическую основу, стали СССР, Польша, Чехословакия, ГДР, Болгария, Куба, Монголия, КНДР, Венгрия и Румыния, заключившие 19 мая 1979 г. в Берлине Конвенцию о передаче лиц, осужденных к лишению свободы. Как правопреемница СССР, Россия выполняет требования Берлинской конвенции.

В 1983 г. в Страсбурге была заключена Конвенция о передаче осужденных, которую подписали 37 государств.

В связи с распадом Союза ССР и образованием на его территории независимых государств в начале 90-х годов прошлого века, проблема

передачи осужденных резко обострилась. В 1991 г. в местах лишения свободы на территории России отбывали наказание около 11 тыс. осужденных – постоянных жителей бывших союзных республик СССР, а около 2 тыс. граждан Российской Федерации отбывали наказание за ее пределами. На первом этапе (1991–1992 гг.) взаимная передача осужденных к лишению свободы осуществлялась на основе договоренностей между МВД РФ и министерствами внутренних дел бывших союзных республик.

К концу 1992 г. проблема передачи осужденных практически была решена. В исправительные учреждения России было принято свыше 1600 осужденных, а в страны СНГ и Балтии направлены практически все осужденные – граждане и постоянные жители этих стран. В связи с межнациональными конфликтами на постсоветском пространстве не все осужденные соглашались в дальнейшем отбывать наказание на территории Азербайджана, Армении, Молдовы и Таджикистана.

В 1993 г. Россией был ратифицирован Договор 1990 г. между СССР и Финляндией о взаимной передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы¹. Впоследствии Российская Федерация заключила целый ряд межгосударственных договоров в этом направлении: с Латвией (1993 г.), Азербайджаном (1994 г.), Туркменистаном (1995 г.), Грузией (1996 г.), Кипром (1992 г.), Испанией (1998 г.) и Китаем (2000 г.).

И 6 марта 1998 г. главами правительств России, Белоруссии, Армении, Молдовы, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана была подписана Конвенция о передаче осужденных к лишению свободы для отбывания наказания; 7 апреля 2005 г. Российская Федерация присоединилась к Страсбургской конвенции о передаче осужденных лиц 1983 г.

В целях упорядочения договорной практики между государствами в области передачи осужденных Седьмой конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1985 г. принял Типовое соглашение о передаче заключенных-иностранцев, признанное Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в декабре того же года.

Типовое соглашение представляет собой модельный международно-правовой акт, который рекомендуется в качестве основы для заключения соответствующих двусторонних договоров.

¹ Ввиду распада СССР союзным парламентом этот договор ранее ратифицирован не был.

Признавая трудности, с которыми сталкиваются лица, содержащиеся в местах лишения свободы за рубежом, Типовое соглашение исходит из того, что цель возвращения преступников к нормальной жизни в обществе может быть в наибольшей степени достигнута, если заключенные-иностранцы получают возможность отбывать наказание в стране, гражданами или жителями которой они являются. Поэтому Типовое соглашение предусматривает помощь государствам-членам ООН в разработке процедур, упрощающих возвращение заключенных-иностранцев в их родные страны для отбывания срока заключения.

В соответствии с Типовым соглашением передача заключенных должна производиться на основе взаимного уважения национального суверенитета и юрисдикции. При условии, что преступление, за которое осужден виновный, наказуемо лишением свободы как передающего (государства вынесения приговора), так и принимающего государства (государства исполнения приговора). Запрос об этом может быть сделан как тем, так и другим государством по инициативе заключенного либо его близких родственников. Государство исполнения приговора должно убедиться в добровольном согласии осужденного.

К моменту направления запроса о передаче оставшийся срок заключения у осужденного не должен быть менее шести месяцев.

Осужденный, переданный для отбывания наказания, не может быть вновь привлечен к уголовной ответственности в государстве исполнения приговора за деяние, в связи с которым уже вынесен обвинительный приговор суда.

Возможны два варианта правовых последствий передачи осужденного, предусмотренные Типовым соглашением.

Первый – продолжение исполнения приговора. В этом случае принимающее государство обязано соблюдать вид и срок наказания, вынесенного виновному. Но его исполнение осуществляется на основе норм национального законодательства. Если же приговор по его характеру или сроку наказания несовместим с законодательством исполнения приговора, это государство может привести его в соответствии с собственным законодательством за аналогичные правонарушения.

Второй вариант – это преобразование приговора с заменой ранее наложенного наказания санкцией, предусмотренной законодательством принимающего государства. При этом наказание в виде лишения свободы не может быть заменено имущественным наказанием.

Поскольку для принимающего государства (государства исполнения приговора) установленные в приговоре факты имеют обязательную силу, то есть обладают преюдицией, власти этого государства не вправе подвергать их ревизии. Таким образом, пересматривать приговор по существу может только государство, где он вынесен.

Срок наказания, которое лицо уже отбыло в любом из государств, полностью вычитается из окончательного срока.

В Типовом соглашении подчеркивается, что «передача заключенного ни в коем случае не должна приводить к ухудшению его положения».

Все расходы по передаче и транспортировке заключенного по общему правилу несет государство исполнения приговора.

Помилование и амнистию вправе объявить как государство вынесения приговора, так и государство исполнения приговора.

Процессуальные вопросы передачи осужденного из России для отбывания наказания в государство, гражданином которого он является, отражены в Главе 55 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Основанием передачи является решение суда Российской Федерации по результатам рассмотрения представления или обращений лиц и органов, указанных в ст. 469 УПК, в том числе – самого осужденного либо его представителей.

Статья 471 УПК содержит основания отказа в передаче осужденного к лишению свободы для отбывания наказания в государстве, гражданином которого он является. В такой передаче может быть отказано, если:

- 1) ни одно из деяний, за которое лицо осуждено, не признано преступлением по законодательству государства, гражданином которого оно является;
- 2) наказание не может быть исполнено в иностранном государстве по причине:
 - а) истечения срока давности или по иному основанию, предусмотренному законодательством этого государства;
 - б) непризнания приговора суда РФ в иностранном государстве либо признания без определения порядка и условий его отбывания на территории этого государства;
 - в) несопоставимы условия и порядок отбывания осужденного лишения свободы в России с порядком и условиями, определенными судом или иным компетентным органом иностранного государства;
- 3) от осужденного или от иностранного государства не получены гарантии исполнения приговора в части гражданского иска;

4) не достигнуто согласие о передаче осужденного, предусмотренным международным договором;

5) осужденный имеет в России постоянное место жительства.

Кроме того, ст. 472 УПК определяет порядок разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора суда иностранного государства в отношении гражданина РФ, передаваемого для отбывания наказания в Россию. При этом учитываются ситуации, когда сроки и виды наказания в Российской Федерации могут не совпадать с видами и сроками наказаний, назначенных за аналогичные преступления иностранными судами. Если по УК РФ за данное преступление предельный срок лишения свободы меньше, чем назначенный приговором иностранного государства, то суд определяет максимальный срок по соответствующей статье Уголовного кодекса России. Если же по УК РФ за данное преступление лишение свободы вообще не предусмотрено, то суд определяет наказание по УК РФ.

В случае изменения или отмены приговора, вынесенного в иностранном государстве, а также при амнистии и помиловании в этом государстве исполнение пересмотренного приговора, а также актов об амнистии и помиловании осуществляется в соответствии с российским законодательством.

Процедура передачи осужденных начинается с письменного обращения осужденного (к администрации учреждения, в Генеральную прокуратуру, консульские учреждения и другие уполномоченные органы). Вопросы приема и передачи конкретных осужденных рассматриваются судами принимающей и передающей стороны. Непосредственная передача осужденных производится Федеральной службой исполнения наказаний (ФСИН) России в согласованных пунктах на территории России либо на территории других государств.

К институту передачи осужденных для отбывания наказания примыкает институт передачи надзора за осужденным условно¹. Европейская конвенция о надзоре за условно осужденными и условно-досрочно освобожденными лицами, принятая в Страсбурге в 1964 г., устанавливает взаимные обязательства государств осуществлять наблюдение (надзор) за лицом, осужденным в другом государстве условно или условно-

¹ В данном случае речь не идет о том, что осужденный «передается» на территорию другого государства под конвоем. Здесь речь идет о свободном передвижении лица, осужденного условно в одном государстве, на территорию страны его постоянного проживания.

досрочно освобожденным. Основанием такого наблюдения служит предписание государства, вынесшего приговор.

Вместе с тем в надзоре или исполнении судебного решения может быть отказано, в частности, при истечении срока давности, либо если преступление, за который вынесен приговор, рассматривается государством проживания как политическое или военное.

Расширению практики этой формы межгосударственного сотрудничества должен способствовать Типовой договор о передаче надзора за правонарушителями, которые были условно осуждены или условно освобождены. Он был принят ГА ООН в ее Резолюции 45/119 от 14 декабря 1990 г. по рекомендации VIII Конгресса по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

Цель Типового договора состоит в том, чтобы путем передачи надзора и использования мер, не связанных с тюремным заключением, обеспечить основу для того, чтобы преступники, которые были условно осуждены или условно освобождены, могли вернуться в свою страну или переехать в другую страну.

Передача надзора за правонарушителями-иностранцами, которые были условно осуждены или условно освобождены, может способствовать более широкому использованию альтернатив лишению свободы. Кроме того, осуществление надзора за преступником на его родине способствует более скорому эффективному возвращению осужденного к нормальной жизни в обществе.

Положения Договора должны применяться, если, согласно решению суда, какое-либо лицо было признано виновным в совершении преступления и:

- а) для него был установлен испытательный срок без объявления приговора;
- в) ему был вынесен условный приговор, предусматривающий лишение свободы;
- с) ему был вынесен приговор, исполнение которого изменено (освобождение под честное слово) или условно приостановлено, полностью или частично, в момент вынесения приговора либо впоследствии.

Государство, выносящее приговор, может просить другое государство (исполняющее приговор) взять на себя ответственность за соблюдение условий (передача надзора). Просьба передается в письменной форме по установленным каналам связи, сопровождается оригиналом или заверенной копией судебного решения.

Если есть основания для отказа (аналогично основаниям отказа в помощи в уголовном судопроизводстве), то надзор осуществляется по законам государства, исполняющего приговор. Условия могут быть приведены в соответствие с законами исполняющего государства, если они с точки зрения их характера или продолжительности не являются более строгими, чем в государстве, вынесшим приговор.

Пересмотр дела возможен только в государстве, вынесшим приговор, а амнистия и помилование – в обоих государствах. Расходы по исполнению несет государство, исполняющее приговор, если стороны не договорились об ином.

7.8. Защита жертв преступлений

Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью была утверждена Генеральной Ассамблеей ООН в ее Резолюции 40/34 от 29 ноября 1985 г. по рекомендации Седьмого конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

В Декларации рекомендуются меры, которые должны быть приняты на национальном и международном уровнях для улучшения доступа к правосудию и справедливому обращению, реституции, возмещению ущерба и социальной помощи. В ней изложены основные направления предупреждения и виктимизации и правовой защиты жертв преступлений и злоупотребления властью.

Под термином «жертвы» в Декларации понимаются «лица, которым индивидуально или коллективно был причинён вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные законы государств-членов, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью».

Предусмотренный Декларацией статус «жертвы» не зависит от того, был ли установлен, арестован, предан суду или осужден преступник, а также независимо от родственных отношений между ним и жертвой. В соответствующих случаях этот термин включает близких родственников или иждивенцев непосредственной жертвы, а также лиц, которым был причинен вред при попытке оказать помощь жертвам.

Жертвы должны обладать беспрепятственным доступом к правосудию и правом на скорейшую компенсацию нанесенного им ущерба в

соответствии с национальным законодательством. Их необходимо информировать об их правах, о ходе и результатах судебного разбирательства. Следует обеспечить им возможность изложения их мнений и положений на всех этапах уголовного преследования преступника и судебного разбирательства в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы.

Декларация призывает государства-члены ООН принимать меры по охране личной жизни жертв и обеспечения их личной безопасности, а также безопасности их семей и свидетелей с их стороны и их представителей от запугивания и мести.

Согласно п. 1 Декларации, в тех случаях, когда это необходимо, «следует использовать неофициальные механизмы урегулирования споров, включая посредничество, арбитраж и суды обычного права или местную практику, с тем, чтобы содействовать применению и предоставлению возмещения жертвам».

Правонарушители или третьи лица, ответственные за их поведение, должны предоставлять жертвам, их семьям или иждивенцам справедливую реституцию. Интересным в этой связи является п. 9 Декларации о том, что «правительствам следует рассмотреть возможность включения реституции в свою практику, положения и законы в качестве одной из мер наказания по уголовным делам в дополнение к другим уголовным санкциям». Примером такого решения служит, в частности, Уголовный кодекс ФРГ, предусматривающий среди уголовно-правовых санкций «заглаживание причиненного вреда» («Wiedergutmachung»). Существовала аналогичная мера в числе наказаний и в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. («Возложение обязанности заглавить причиненный вред»). Ныне наш законодатель идет иным путем, относя возмещение вреда жертвам преступлений к предмету искового производства (в том числе посредством заявления иска при рассмотрении судом уголовного дела – ч. 1 ст. 44 УПК РФ).

Если средств правонарушителя для компенсации жертве (жертвам) недостаточно, средства для финансовой компенсации в самых тяжелых случаях должны предоставлять государство либо специально создаваемые в этих целях фонды.

Кроме того, необходимо принимать целенаправленные меры для предупреждения повышенной виктимизации (уязвимости) отдельных групп населения (дети, инвалиды, пожилые люди и т.д.).

Восьмой конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 1990 г.) в своей специальной резолюции «Защита прав человека жертв преступлений и злоупотребления властью» рекомендовал всем государствам разработать программы подготовки, нацеленные на определение прав жертв преступления и злоупотребления властью и распространение информации о них. Эти программы следует включать в учебный процесс юридических факультетов, криминологических институтов, центров подготовки сотрудников правоохранительных органов и учебных заведений, готовящих судебных работников.

Глава 8

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД

8.1. Возникновение и правовая основа Международного уголовного суда

Идея создания постоянно действующего органа международной уголовной юстиции возникла в начале XX века параллельно с развитием концепции международного уголовного права и на первых порах апробировалась созданием судов *ad hoc* (Нюрнбергский и Токийский трибуналы, трибуналы по Руанде, Камбодже, Сьерра-Леоне, бывшей Югославии и т.д.).

Комиссия международного права ООН по поручению Генеральной Ассамблеи в 1982 г. возобновила работу под проектом Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, который при его принятии требовал механизма реализации. Ключевую роль в ней предлагалось придать Международному уголовному суду (МУС). В 1989 г. было положено начало учреждению МУС, а в результате кровавых событий в Югославии этой работе был придан новый импульс.

Генеральная Ассамблея ООН в 1991 г. повторила поручение об активизации подготовки Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. В первом чтении этот Кодекс был принят в 1991 г., однако позднее эта работа затормозилась. Тем не менее часть положений проекта Кодекса нашла отражение в Уставе Международного уголовного суда.

В 1994 г. Комиссия международного права ООН приняла проект Статута и рекомендовала создать международную дипломатическую конференцию для рассмотрения проекта и принятия его специальной международной конференцией.

Дипломатическая конференция уполномоченных представителей под эгидой ООН была проведена в Риме с 15 июня по 17 июля 1998 г.

(отсюда – параллельное название Устава Международного уголовного суда – Римский статут МУС). 18 июля 1998 г. Дипломатическая конференция подавляющим большинством голосов (за – 120, против – 7, воздержавшихся – 21) одобрила Римский статут и открыла его для подписания.

На сегодня Римский статут подписали свыше 150 государств, из них 124 страны его ратифицировали. Российская Федерация в 2000 г. подписала Римский статут, но его не ратифицировала. США отозвали подпись под Уставом МУС. Не подписали его КНР и ряд других стран. Статут вступил в силу с 1 июля 2002 г. Согласно учредительному документу, МУС может рассматривать только те преступления, которые были совершены после вступления Статута в силу, то есть после 1 июля 2002 г.

В 2010 г. государства-участники Римского статута на Первой конференции по обзору (Уганда) приняли ряд резолюций, вносящих поправки и дополнения в Римский статут. Главным дополнением стало введение в Статут ст. 8-бис («Преступление агрессии»), поскольку в ранее принятом тексте данного документа этого определения не было. Уточнялись и пределы юрисдикции применительно к этому международному преступлению.

В отличие от ранее действующих и ныне действующих (МТБЮ) органов международной уголовной юстиции МУС является постоянно действующим органом международного уголовного правосудия, обладая международной правосубъектностью и юрисдикцией в отношении наиболее тяжких международных преступлений. Он не подменяет, а дополняет национальные органы уголовной юстиции, а участие в Статуте не должно стать оправданием для какого-либо государства вмешиваться в вооруженный конфликт или во внутренние дела другого государства.

Как указано в Преамбуле Римского статута, одной из причин, побудивших мировое сообщество государств создать такой судебный орган, стало то, что «серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего мирового международного сообщества, не должны оставаться безнаказанными и что их действительное преследование должно быть обеспечено как мерами, принимаемыми на национальном уровне, так и активизацией международного сотрудничества».

Вместе с тем практическая деятельность Международного уголовного суда оценивается неоднозначно ввиду ее неэффективности и полити-

зации. За 14 лет со времени вступления Римского статута в силу расходы на его содержание превысили 1 млрд долларов. Однако им было вынесено лишь четыре обвинительных приговора, причем все они относились к африканским военачальникам, осужденным за военные преступления. В связи с этим ряд африканских стран обвинили Суд в дискриминации и инициировали выход из Римского статута.

27 января 2016 г. Международный уголовный суд объявил, что решил начать расследование преступлений, которые могли быть совершены во время вооруженного конфликта в Южной Осетии с 1 июля по 10 октября 2008 г. российскими и югоосетинскими военнослужащими. На этом основании в январе 2016 г. официальный представитель МИД России сообщила, что Российская Федерация в будущем может пересмотреть свое отношение к Международному уголовному суду.

15 ноября 2016 г. Прокурор МУС в своем ежегодном отчете назвала вхождение Крыма в состав России в 2014 г. равнозначным международному вооруженному конфликту между РФ и Украиной. После этого Президент Российской Федерации издал распоряжение, согласно которому Россия отказывается быть участником Римского статута МУС и отзывает свою подпись под Уставом МУС. Министерству иностранных дел РФ было поручено направить соответствующее уведомление об этом Генеральному секретарю ООН.

Характерной чертой Римского статута (впрочем, объединяющей его с существовавшими и существующими судами *ad hoc*) является его комплексный характер. Этот документ содержит положения материального уголовного права (перечень деяний, находящихся в его юрисдикции), собственно статутного (судоустройственного) права (структура и порядок формирования МУС), процессуального (порядок судопроизводства); уголовно-исполнительного права (исполнение приговора, вынесенного судом), наконец, нормы о порядке международного сотрудничества по вопросам деятельности Международного уголовного суда.

8.2. Состав и структура Международного уголовного суда

В соответствии со ст. 3 Римского статута постоянным местом пребывания Международного уголовного суда является г. Гаага (Нидерланды). При необходимости по согласованию с соответствующими государствами он может заседать и в других местах. МУС наделен правоспособностью, которая необходима для осуществления его функций.

Все судьи Международного уголовного суда выполняют их функции на постоянной основе на весь срок их полномочий, когда они непосредственно привлекаются к осуществлению правосудия. Судьи, входящие в состав Президиума, выполняют свои функции на постоянной основе с момента их избрания.

В состав МУС входит 18 судей. При необходимости Президиум может внести мотивированное предложение об увеличении числа судей, которое затем рассматривается на Ассамблее государств-участников. Впоследствии по предложению Президиума число судей может быть уменьшено до численности не менее 18 судей.

Как указано в ст. 36 Римского статута, «судьи выбираются из числа лиц высоких моральных качеств, являющихся беспристрастными и независимыми, которые удовлетворяют требованиям, предъявляемым в их государствах для назначения на высшие судебные должности».

Помимо этого, каждый кандидат должен обладать:

- признанной компетентностью в области уголовного и процессуального права и необходимым опытом работы в качестве судьи, прокурора, адвоката или в ином аналогичном качестве в сфере уголовного судопроизводства (список А) или

- признанной компетентностью в соответствующих областях международного права (международное гуманитарное право и права человека), а также обширным опытом профессиональной юридической деятельности, имеющей отношение к компетентности Суда (список В).

Каждый кандидат на избрание в состав МУС должен в совершенстве знать по меньшей мере один из рабочих языков Суда и свободно говорить на нем. Согласно ст. 50 Римского статута, официальными языками МУС являются английский, арабский, испанский, китайский, русский и французский языки. Постановления Суда, а также иные его решения по основным вопросам должны публиковаться на официальных языках. Рабочие языки МУС – английский и французский. В качестве рабочих в отдельных случаях могут использоваться и другие официальные языки.

При проведении выборов каждое государство-участник может выдвинуть только одного кандидата, который не обязательно должен быть гражданином именно этого государства. Но в любом случае он должен быть гражданином какого-либо государства-участника.

При проведении выборов составляются два списка: список А (для избрания не менее девяти судей) и список В (не менее пяти судей).

Судьи Международного уголовного суда избираются тайным голосованием на заседании Ассамблеи государств-участников. В составе суда не может быть двух граждан одного государства. При выборах судей учитывается необходимость представительства основных правовых систем мира, справедливого географического представительства, а также справедливость представительства судей женского и мужского пола.

Судьи занимают свою должность не более чем в течение девяти лет и, по общему правилу, не имеют права на переизбрание. При первых выборах одна треть судей, отбираемых по жребию, остается в должности в течение трех лет, одна треть – в течение шести лет и одна треть – девяти лет.

Если судья участвует в судебном или апелляционном разбирательстве, срок его полномочия может превышать установленные сроки до завершения разбирательства.

После их избрания судьи собираются на пленарное заседание не позднее чем через два месяца. Они принимают торжественное обязательство выполнять свои обязанности в качестве судьи Международного уголовного суда честно, неукоснительно, беспристрастно, добросовестно, соблюдая конфиденциальность расследований и тайну совещаний.

Пленарные заседания МУС проводятся не реже одного раза в год, специальные пленарные заседания – по мере необходимости с кворумом не менее двух третей от общего числа судей. Абсолютным большинством голосов на первом пленарном заседании избираются председатель и первый и второй вице-председатели. Они выполняют свои функции в течение трех лет и могут быть переизбраны.

Председатель и вице-председатели образуют Президиум Международного уголовного суда.

Судьи МУС не вправе заниматься какой-либо деятельностью, которая может препятствовать выполнению ими и судебных функций или может заставить усомниться в их независимости. Судьи, работающие на профессиональной основе, не могут посвящать себя никакому иному занятию профессионального характера.

Судья может быть отведен от рассмотрения дела абсолютным большинством голосов, если:

- он имеет личный интерес в деле;
- участвовал в личном качестве в любом деле, где обвиняемый находился на противоположной стороне;

- до вступления в должность выполнял функции, которые позволяют усомниться в его беспристрастности;
- если ранее выполнял функции, позволяющие ему составлять мнение о деле;
- выразил ранее мнение, которое дает основания усомниться в его беспристрастности.

Международный уголовный суд состоит из следующих органов:

- a) Президиум;
- b) Отделение предварительного производства, Судебное отделение и Апелляционное отделение;
- c) Канцелярия Прокурора;
- d) Секретариат.

Апелляционное отделение состоит из Председателя и ещё четырех судей. Отделение предварительного производства – не менее чем из шести судей. Судебное отделение – не менее чем из шести судей.

Назначение судей в состав отделения осуществляется с учетом функции каждой палаты, их опыта и квалификации.

Апелляционная палата действует в составе всех судей Апелляционной палаты; Судебная палата – в составе трех судей Судебного отделения. Функции Палаты предварительного производства осуществляются одним либо тремя судьями Отделения предварительного производства.

Канцелярия Прокурора – независимый орган Международного уголовного суда. Она отвечает за осуществление расследований и уголовное преследование в суде.

Канцелярию возглавляет Прокурор, у которого есть один или несколько заместителей. Прокурор и заместители Прокурора должны быть гражданами разных государств и работать на условиях полной занятости.

Согласно ст. 42 Римского статута, Прокурором и заместителями Прокурора должны быть лица, обладающие «высокими моральными качествами, высокой квалификацией и имеющие обширный практический опыт в области преследования или разбирательств по уголовным делам». Они должны в совершенстве знать хотя бы один из рабочих языков Суда и свободно говорить на нем.

Прокурор избирается тайным голосованием абсолютным большинством голосов членов Ассамблеи государств-участников. Заместители Прокурора избираются в том же порядке на конкурсной основе из списка кандидатур, предложенного Прокурором. Срок полномочий

Прокурора и его заместителей, по общему правилу, – девять лет, без права переизбрания.

Несудебные аспекты управления делами и обслуживания Международного суда обеспечивает Секретариат. Он возглавляется Секретарем, который является главным должностным лицом Международного уголовного суда. Секретарь осуществляет свои административные функции под руководством Председателя.

Секретарь избирается судьями тайным голосованием абсолютным большинством голосов на пятилетний срок с правом однократного переизбрания. В таком же порядке и на такой же срок может быть избран заместитель Секретаря. Секретарь учреждает в составе Секретариата Группу по оказанию помощи потерпевшим и свидетелям (меры защиты, обеспечения безопасности, консультации и т.п.).

Секретарь с согласия Президиума и Прокурора предлагает к одобрению Ассамблеей государств-участников Положение о персонале. В состав персонала входят следователи, эксперты, консультанты, технические работники. Возможно временное прикомандирование к Суду необходимых специалистов, выделенных государствами-участниками.

В соответствии со ст. 47 Римского статута МУС пользуется на территории каждого государства-участника такими привилегиями и иммунитетами, которые необходимы для достижения его целей. Судьи, Прокурор, заместители Прокурора и Секретарь, когда они участвуют в деятельности Суда или в отношении такой деятельности, – теми же привилегиями и иммунитетами, которые предоставляются главам дипломатических представительств.

8.3. Компетенция (юрисдикция) и применимое право Международного уголовного суда

Статья 5 Римского статута именуется «Преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда». В ней отмечается, что эта юрисдикция «ограничивается самыми серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность всего международного сообщества». Это преступления геноцида, преступления против человечности, военные преступления, преступления агрессии. Между тем в Римском статуте обнаруживается еще одна группа преступлений, не столь тяжких по их общественной опасности. Это «Преступления против отправления правосудия (ст. 70)» на которые тоже распространяется юрисдикция Международного уголовного суда. Таким образом, в сфере компетенции Международного уго-

ловного суда находятся две группы преступлений, условно именуемые как «основные» и «факультативные».

«Основные» – это указанные в ч. 2 Римского статута деяния, ради которых, в сущности, сформирован Международный уголовный суд. Отдельные из них (или несколько) всегда являются предметом рассмотрения этого органа международного правосудия. Что касается преступлений второй группы, то они в практике суда могут и не встречаться. Их закрепление в Римском статуте направлено на обеспечение нормальной деятельности Международного уголовного суда.

Подробная характеристика каждого из принадлежащих к «основной» группе преступлений дана в Главе 4. Поэтому далее сделаем лишь несколько уточнений. Согласно п. «h» ч. 2 ст. 7 Римского статута, преступление апартеида признается видом преступлений против человечности, а не самостоятельным уголовно наказуемым международным преступлением, как это определено в Конвенции 1973 г. о пресечении преступления апартеида и наказании за него.

Наиболее детально в Римском статуте определены различные виды военных преступлений. Статья 8 Статута включает в себя практически все серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г., возможные при вооруженных конфликтах международного или внутреннего характера.

Определенную эволюцию с момента принятия Римского статута претерпело преступление агрессии. Хотя в ст. 5 оно уже в 1998 г. было упомянуто как входящее в юрисдикцию МУС, его понятие дано не было. В ч. 2 упомянутой статьи содержалась отсылка к будущему его определению, соответствующему Уставу ООН.

Лишь в 2010 г. Первая конференция по обзору согласно Статуту, состоявшаяся в столице Уганды Кампале, внесла ряд поправок и дополнений к Римскому статуту. Главные из них касались именно преступления агрессии в пределах юрисдикции Международного уголовного суда в отношении этого преступления. Часть 2 ст. 5 Римского статута была отмечена, а в его тексте появилась ст. 8-бис «Преступление агрессии». Особенностью этой нормы стало ограничение ее действия специальным субъектом. В соответствии со ст. 8-бис «преступление агрессии» означает планирование, подготовку, инициирование или осуществление **лицом, которое в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями государства, акта агрессии...** (выделено мной. – В.У.). В свою очередь, «акт агрессии» определен как применение вооруженной силы государ-

ством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом несовместимым с Уставом ООН. Указаны и возможные конкретные виды актов агрессии.

В то же время в ст. 15-бис содержатся официальные правила осуществления юрисдикции в отношении преступления агрессии. В частности, установлено, что МУС может осуществлять свою юрисдикцию применительно к актам агрессии, совершенным государством-участником, если только это государство ранее не заявило о непризнании такой юрисдикции. В отношении государства, не являющегося участником Римского статута, МУС не будет осуществлять свою юрисдикцию по преступлению агрессии, совершенному гражданином этого государства или на его территории.

Если Прокурор Суда приходит к выводу, что имеется разумное основание начать расследование в отношении преступления агрессии, он сначала выясняет, вынес ли Совет Безопасности ООН соответствующее определение в отношении того или иного государства.

«Факультативную» группу преступлений в сфере юрисдикции Международного уголовного суда образуют следующие предусмотренные ст. 73 Римского статута деяния, совершенные преднамеренно:

а) дача ложных показаний после принятия обязательства давать правдивые показания;

в) представление заведомо ложных или фальсифицированных доказательств;

с) противоправное оказание воздействия на свидетеля, создание помех или препятствий присутствию свидетеля или даче им показаний; воздействие на свидетеля в качестве возмездия за дачу им показаний или уничтожение доказательств, их фальсификация или препятствие их сбору;

д) создание препятствий, запугивание или противоправное воздействие на должностное лицо Суда с целью принудить или убедить должностное лицо не выполнять или выполнять ненадлежащим образом его обязанности;

е) оказание воздействия на должностное лицо Суда в качестве возмездия за то, что это или иное должностное лицо выполняло свои обязанности;

ф) вымогательство или получение взятки в качестве должностного лица Суда в связи со своими официальными обязанностями.

Государство, которое становится участником Римского статута, признает тем самым юрисдикцию Суда в отношении деяний, указанных в ст. 5, если:

- преступление было совершено на территории этого государства или на борту морского и воздушного судна, зарегистрированного в данном государстве;
- в преступлении обвиняется гражданин этого государства (об оговорках относительно юрисдикции при агрессии см. выше).

Международный суд может осуществлять свою юрисдикцию в отношении предусмотренных ст. 5 Римского статута преступлений, если:

- ситуация, при которой, возможно, были совершены одно или несколько преступлений, передается Прокурору государством-участником;
- ситуация, при которой, возможно, были совершены одно или несколько таких преступлений, передается Прокурору Советом Безопасности ООН, действующим на основе Главы VII Устава ООН;
- Прокурор сам начал расследование в отношении такого преступления (ст. 13 Римского статута).

Как видно, ст. 13 Статута предусматривает чрезвычайный (экстраординарный) способ осуществления юрисдикции Международного уголовного суда, когда Совет Безопасности ООН передает дело Прокурору МУС. Участие того или иного государства в Римском статуте в данном случае не является обязательным условием международной юрисдикции.

Согласно ст. 21 Римского статута, Международный уголовный суд применяет:

- сам Статут, закрепленные им и другими соответствующими актами (Приложениями) элементы преступлений и свои Правила процедуры и доказывания;
- применимые международные договоры, принципы и нормы международного права, включая право международных конфликтов;
- общие принципы права, взятые Судом из национальных законов правовых систем мира, включая нормы национальных государств, которые при обычных обстоятельствах осуществляли бы юрисдикцию применительно к данному преступлению (при условии их совместимости со Статутом и международно-признанными нормами и стандартами).

Применение норм может осуществляться с учетом предыдущих решений Международного уголовного суда.

Часть 3 Римского статута («Общие принципы уголовного права») содержит ряд ключевых положений, из которых исходит Международный уголовный суд при уголовном преследовании и отправлении правосудия.

Первый принцип «Nullum crimen sine lege» (ст. 22) – лицо не подлежит уголовной ответственности по Римскому статуту, если только соответствующее деяние в момент его совершения не образует преступления, подпадающего под юрисдикцию Суда (ст.ст. 10, 6, 7, 8, 8-бис, 70).

Принцип «Nullum poena sine lege» (ст. 23) означает, что виновный может быть наказан только в рамках тех санкций, которые предусмотрены Римским статутом.

Неприменение обратной силы уголовного закона (ст. 24) означает, что лицо не подлежит уголовной ответственности до вступления Статута в силу. Если какое-либо государство становится участником Римского статута после его вступления в силу, МУС может осуществлять свою юрисдикцию лишь в отношении преступлений, совершенных после вступления Статута в силу для этого государства (ст. 11). Применительно к преступлению агрессии Суд может осуществлять юрисдикцию только в отношении агрессии, совершенной год спустя с момента ратификации или принятия поправок к Римскому статуту 2010 г. тридцатью государствами-участниками, но не ранее 1 января 2017 года.

В случае внесения изменений в закон, применяемый к обстоятельствам дела до вынесения окончательного решения Судом, применяется закон, более благоприятный для виновного.

Субъектом уголовной ответственности по Римскому статуту может быть физическое лицо, достигшее 18 лет на момент предполагаемого совершения преступления, совершившее его «намеренно и сознательно» (ст.ст. 25, 26, 30 Статута). Вместе с тем в необходимых случаях вводятся дополнительные признаки, фактически превращающие субъекты преступления в специальные (см. выше про определение преступления агрессии).

Лицо, которое отказывается от попытки совершить преступление или иным образом предотвращает завершение преступления, не подлежит наказанию за покушение, если оно добровольно и окончательно отказалось от преступной цели.

Закрепленный в ст. 25 Римского статута принцип индивидуальной уголовной ответственности физических лиц не влияет на ответственность государств по нормам международного права.

Статья 27 Статута не допускает ссылок на должностное положение для освобождения от уголовной ответственности или смягчения приговора. При этом командиры и начальники, осуществляющие эффективный контроль за подчиненными, подлежат уголовной ответственности за совершенные подчиненными преступления, когда:

- они знали и должны были знать об этих преступлениях;
- не приняли необходимых и разумных мер в рамках их полномочий для предупреждения, пресечения совершаемых преступлений либо для передачи данного вопроса в компетентные органы для уголовного преследования виновных.

Статья 33 Статута определяет, что приказ начальника, по общему правилу, не освобождает лицо от уголовной ответственности. Исключениями признаются случаи, когда это лицо было юридически обязано исполнить приказ, оно не знало, что приказ был незаконным и этот приказ не был явно незаконным. Причем в отношении преступления геноцида и преступлений против человечности все приказы признаются явно незаконными.

Основаниями освобождения от уголовной ответственности, согласно ст. 31. Статута, являются:

- невменяемость лица вследствие психического заболевания или расстройства;
- отсутствие осознания противоправности совершаемых действий и возможности руководить ими в силу интоксикации (алкогольной или наркотической), кроме случаев, когда лицо подвергло себя интоксикации, зная, что в таком состоянии может совершить преступление;
- необходимая оборона и крайняя необходимость при принятии защитных мер, соразмерных степени опасности.

В ходе судебного разбирательства МУС может применить иные основания освобождения от уголовной ответственности, если они вытекают из «применимого» права. При этом ошибка в факте является основанием освобождения, только если она исключает необходимую субъективную сторону преступления (ст. 32 Римского статута). Ошибка в праве, по общему правилу, не является основанием освобождения от уголовной ответственности, кроме случаев, когда она исключает необходимую субъективную сторону преступления.

8.4. Уголовное преследование и судебное разбирательство в Международном уголовном суде

Первой процессуальной инстанцией в производстве по уголовному делу о преступлении, предусмотренном Римским статутом и входящем в юрисдикцию МУС, является Прокурор. Информация, необходимая для начала расследования, поступает Прокурору от государственных участников либо от Совета Безопасности ООН.

В соответствии со ст. 53 Римского статута Прокурор, оценив представленную ему информацию, должен принять решение о начале расследования, если только нет разумных оснований для отказа в этом. О своем решении Прокурор уведомляет Палату предварительного производства.

Прокурор может в любое время пересмотреть решение о начале расследования или об отказе в этом на основании новых фактов или информации.

Расследование производится следователями, состоящими в штате Канцелярии Прокурора, а также непосредственно Прокурором или его заместителями. Статья 55 Римского статута содержит широкие процессуальные гарантии соблюдения прав лиц в ходе расследования (запрет принуждения свидетельствовать против себя, запрет пыток, пользование родным языком и помощь переводчика, запрет произвольного ареста либо задержания и т.д.).

Контроль за расследованием возлагается на Палату предварительного производства. Статьи 57 и 58 Статута предоставляют Палате право выдавать ордера на производство отдельных следственных действий (обыск и т.д.), а также ордер на арест или приказ о явке. Государственный участник, которое получило просьбу об аресте какого-либо лица и предоставлении его в распоряжение Суда, незамедлительно предпринимает для этого шаги в соответствии со своим законодательством. При этом Палата предварительного производства обеспечивает, чтобы никто не содержался под стражей неоправданно долго до судебного разбирательства из-за неоправданной задержки со стороны Прокурора.

После завершения следствия Палата рассматривает вопрос об утверждении обвинительного заключения, на основании которого Прокурор намеревается добиться судебного разбирательства по существу. Слушание проводится с участием Прокурора, обвиняемого, его защитника. Палата вправе утвердить обвинение полностью, утвердить частично либо отложить слушание и возвратить обвинительное заключе-

ние Прокурору. Это не препятствует ему вновь обратиться с просьбой об утверждении обвинения при предъявлении дополнительных доказательств.

Местом судебного разбирательства является место постоянного пребывания суда (г. Гаага), однако может быть принято и иное решение. Судебное разбирательство проводится в присутствии обвиняемого, кроме случаев, когда МУС принимает решение об его удалении ввиду нарушения им порядка в зале заседания. В этом случае его участие в разбирательстве обеспечивается средствами связи (ст. 63 Римского статута).

Судебная палата осуществляет функции правосудия в соответствии со Статутом и Правилами процедуры и доказывания. Эти правила дополняют Римский статут и принимаются квалифицированным (в две трети голосов) большинством членов Ассамблеи государств-участников.

Судебная палата обеспечивает справедливое и быстрое разбирательство при полном соблюдении прав подсудимого и с должным учетом необходимости защиты потерпевших и свидетелей. Статья 66 Римского статута закрепляет презумпцию невиновности, в связи с чем бремя доказывания вины обвиняемого лежит на Прокуроре.

Достаточно подробно Римский статут определяет права обвиняемого в процессе рассмотрения судом его дела. В частности, его право бесплатно пользоваться помощью квалифицированного переводчика, без принятия присяги выступать с устными или письменными заявлениями, право на вызов и допрос свидетелей защиты и т.д.

Международный уголовный суд принимает надлежащие меры для защиты безопасности, физического и психического благополучия, достоинства и неприкосновенности личной жизни потерпевших и свидетелей. Согласно ст. 68 Статута, в необходимых случаях в этих целях МУС может провести любую часть разбирательства с помощью электронных или иных специальных средств. Показания в судебном заседании даются свидетелями лично, кроме случаев, когда Суд разрешает дачу устных или записанных ранее показаний с помощью аудио- и видеотехники, а также оглашение документов или записей.

Доказательства, полученные в результате нарушения положений Статута или международно-признанных прав человека, не являются допустимыми.

Решение Судебной палаты принимается на основе оценки его доказательств в ходе всего производства по делу. Оно не должно выходить

за рамки фактов, изложенных в обвинительном документе. МУС может основывать свое решение только на тех доказательствах, которые были рассмотрены им в судебном разбирательстве. Совещание Судебной палаты сохраняется в тайне, но решение или его резюме оглашаются в открытом заседании и, по возможности, – в присутствии обвиняемого.

Одновременно с назначением наказания МУС вправе вынести в отношении осужденного постановление о возмещении ущерба потерпевшим (реституции, компенсации или реабилитации).

В соответствии с ч. 8 Римского статута («Обжалование и пересмотр») решение, принятое Судебной палатой, может быть обжаловано и рассмотрено в Апелляционной палате. Последняя при рассмотрении апелляции обладает всеми полномочиями Судебной палаты. Она вправе отменить или изменить приговор либо распорядиться о проведении судебного разбирательства новым составом Судебной палаты (ст. 83 Статута).

8.5. Наказания, назначаемые Международным уголовным судом, и их исполнение

Меры наказания, назначаемые Международным уголовным судом, зависят от принадлежности к той или иной группе тех деяний, за которые они предусмотрены. В отношении международных преступлений, определенных в ст. 5 Римского статута, МУС вправе назначать виновному:

- а) лишение свободы на определенный срок, но не свыше 30 лет, или
- в) пожизненное лишение свободы, когда это оправдано исключительно тяжким характером преступления и индивидуальными свойствами личности виновного (ст. 77 Статута).

Помимо лишения свободы, МУС может применить штраф, а также конфискацию доходов, полученных прямо или косвенно в результате преступления (без ущерба для третьих лиц). Штраф определяется в так называемых «дневных ставках» и во всех случаях назначения его за данные преступления не может быть меньше суммы «дневных ставок» за 30 дней и не больше чем за пять лет.

В случае признания какого-либо лица виновным за преступление против отправления правосудия, МУС, согласно ч. 3 ст. 70, может назначить лишение свободы до пяти лет или штраф, либо то и другое одновременно.

При назначении наказания МУС принимает во внимание тяжесть совершенного деяния и личность виновного. Назначая лишение свободы, он засчитывает срок заключения под стражей при его наличии.

Если лицо осуждено за более чем одно преступление, Международный уголовный суд назначает наказание вначале за каждое преступление и затем – общее наказание, которое не может быть меньше срока, назначенного за каждое отдельное преступление, и больше 30 лет лишения свободы либо однократного пожизненного лишения свободы.

Согласно ст. 103 Римского статута, назначенное наказание в виде лишения свободы должно отбываться в государстве, определяемом Судом из перечня государств, уведомивших МУС о своей готовности принять осужденных. Если ни одно из государств не назначено для отбывания наказания конкретным осужденным, лишение свободы отбывается в тюремном учреждении, предоставляемом государством пребывания Суда (Нидерландами). В этом случае расходы по содержанию осужденного несет Международный уголовный суд.

В любое время МУС может принять решение о переводе осужденного в пенитенциарное учреждение другого государства, в том числе – по ходатайству самого осужденного.

Государства, на территории которых отбывается наказание, признают обязательность приговора Суда и ни при каких обстоятельствах не могут его изменять. Только МУС вправе принимать решение по любому ходатайству об обжаловании или пересмотре приговора.

Римский статут не определяет конкретных порядка и условий отбывания лишения свободы по приговору Международного уголовного суда. Статья 106 определяет, что они регулируются законодательством государства исполнения приговора, которое должно отвечать «широко признанным международным договорным стандартам обращения с заключенными», и что эти условия ни в коем случае не должны быть более или менее благоприятными, чем те, в которых содержатся осужденные за аналогичные преступления в данном государстве.

Если осужденный совершает побег и покидает государство исполнения приговора, то это государство после консультации с Судом может обратиться с просьбой к государству, где находится виновный, о передаче этого лица государству исполнения приговора.

Государство, где исполняется приговор, не может самостоятельно освободить осужденного Международным уголовным судом. Только Суд вправе принимать решение по этому вопросу. Если лицо отбыло

две трети срока наказания или 25 лет при пожизненном лишении свободы, Суд определяет, следует ли уменьшить назначенный по приговору срок (ст. 110 Римского статута).

Когда лицо, не являющееся гражданином государства исполнения приговора, отбыло наказание, оно может быть передано государству, которое обязано принять это лицо (принцип гражданства), либо другому государству с его согласия. Возможна ситуация, когда государство исполнения приговора дает освобожденному разрешение на пребывание на своей территории. Кроме того, государство исполнения приговора может удовлетворить просьбу другого государства о выдаче или о его предоставлении для целей судебного преследования или исполнения приговора.

Исполнение решений о штрафах и конфискационных мерах производится государствами-участниками по месту нахождения имущества осужденного в соответствии с национальным законодательством. Могут предоставляться отсрочка или рассрочка уплаты штрафа.

Решением Ассамблеи государств-участников учрежден Целевой фонд в интересах потерпевших от преступления, попадающих под юрисдикцию Международного уголовного суда. В соответствии со ст. 79 Римского статута МУС может распорядиться о передаче в этот фонд денежных средств и другого имущества, изъятого путем штрафов и конфискации.

Глава 9

ИНТЕРПОЛ И ЕВРОПОЛ

9.1. История создания и структура Международной организации уголовной полиции – Интерпола

Международная организация уголовной полиции (Интерпол) – старейшая правительственная международная правоохранительная организация. Вопрос о более тесном международном взаимодействии полицейских органов различных стран остро встал на рубеже XIX – XX веков. О важности организации такого сотрудничества впервые было заявлено на учредительном заседании Международного союза уголовного права в 1899 г.

В 1914 г. в Монако состоялся I Международный конгресс уголовной полиции, в котором приняли участие юристы и полицейские руководители 14 стран, в том числе Министерства внутренних дел Российской империи. На Конгрессе обсуждались проблемы координации действий полиции разных стран, вопросы об учреждении отдела по учету международной криминальной информации и унификации порядка выдачи преступников. Реализацию запланированных мер прервала Первая мировая война.

С ее окончанием социально-экономические условия в большинстве государств серьезно ухудшились, что привело к резкому росту преступности, к появлению ее новых транснациональных форм. В 1923 г. в Вене состоялся II Международный конгресс уголовной полиции с участием руководителей полицейских служб ряда стран. В качестве постоянно действующего органа взаимодействия была учреждена Международная комиссия уголовной полиции. На нее поначалу в основном возлагались функции подготовки и организации очередных конгрессов уголовной полиции. Однако после 1930 г. международные полицейские конгрессы

уже не созывались, а Комиссия продолжала действовать, расширяя свои функции по координации сотрудничества правоохранительных органов.

До Второй мировой войны штаб-квартира Международной комиссии уголовной полиции находилась в Вене. Присоединение в 1938 г. Австрии к фашистской Германии привело к тому, что нацисты стали во главе Международной комиссии, активно используя ее возможности (картотеки, учеты и др.) в борьбе с политическими противниками. В итоге организация фактически прекратила существование, хотя юридически не была распущена.

Кризисные социально-экономические и социально-политические условия послевоенной Европы, сопровождающиеся новым всплеском преступности, привели к необходимости организовать международное полицейское сотрудничество на качественно новом уровне. В 1946 г. в Брюсселе на сессии Международной комиссии уголовной полиции было решено возродить ее деятельность в новом формате. В 1956 г. в Париже 25 сессия Международной комиссии уголовной полиции приняла Устав, в котором Комиссия была преобразована и переименована в Международную организацию уголовной полиции – Интерпол (The International Criminal Police Organization – INTERPOL). В 1966 г. Интерпол признан Организацией Объединенных Наций международной, а в 1971 г. – межправительственной организацией. С 1996 г. принимает участие в качестве наблюдателя в сессиях Генеральной Ассамблеи ООН.

Поначалу штаб-квартира Интерпола располагалась в Париже, а сама организация использовала организационные, технические и информационные ресурсы МВД Франции. В 1989 г. головные структуры Интерпола переведены во французский город Лион. В 2014 г. развернут филиал штаб-квартиры – Глобальный комплекс Интерпола (INTERPOL Global Complex) в Сингапуре.

В настоящее время Интерпол является одной из наиболее многочисленных авторитетных международных правительственных организаций. Международная организация уголовной полиции насчитывает 190 членов (государств-участников), уступая по этому показателю лишь ООН и Международному олимпийскому комитету (МОК).

Наиболее активно количество государств-членов Интерпола возрастало в 60-е годы (появление новых независимых стран в Африке) и в конце 80 – начале 90-х годов прошлого века. Последнее было связано со вступлением в Интерпол стран Восточной Европы и Азии. Однако

этот процесс протекал неравномерно. Так, Югославия была членом Международной комиссии уголовной полиции с 1923 г., не выходила из ее состава и подтвердила свое участие после войны. С 1973 г. членом Интерпола является Румыния, с 1982 г. – Венгрия, с 1984 г. – Китай. Постановление Совета Министров СССР № 338 «О вступлении СССР в Международную организацию уголовной полиции – Интерпол» было принято в апреле 1990 г. И 27 сентября 1990 г. на 59-й сессии Генеральной Ассамблеи (Оттава, Канада) СССР был принят в члены Интерпола. Российская Федерация является членом Интерпола как государство-правопреемник СССР. С 1991 г. членами Интерпола становятся Вьетнам и Монголия. В 1990–1993 гг. членами Интерпола помимо России стали все государства бывшего СССР. Ныне из бывших стран «социалистического лагеря» в Интерполе не представлена только КНДР.

Структура Интерпола определяется его Уставом и Регламентом, принятыми в 1956 г., в редакции 1986 г. с изменениями и дополнениями от 1997 и 2008 гг. Она соответствует типовой структуре международных организаций, действующих под эгидой ООН.

Согласно Уставу, Международная организация уголовной полиции (Интерпол) включает:

- Генеральную Ассамблею;
- Исполнительный комитет;
- Генеральный секретариат;
- Национальное центральное бюро;
- Советников;
- Комиссию по контролю за архивами.

Высший орган Интерпола – **Генеральная Ассамблея** – состоит из делегатов, назначаемых членами организации. Хотя численный состав делегаций на сессиях не ограничен и определяется самими государствами, делегация каждой страны имеет только одного официально назначенного руководителя и при голосовании имеет только один голос.

Сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола проводятся не реже одного раза в год на территории страны-члена, определенного на предыдущей сессии. Не позднее чем за четыре месяца до сессии странам-участницам направляются официальные приглашения от принимающего государства и Генерального секретаря.

При необходимости по инициативе Исполнительного комитета или большинства членов Интерпола в его штаб-квартире проводятся внеочередные сессии.

Перед проведением сессии Исполнительный комитет готовит проект ее повестки дня, утверждаемый Генеральной Ассамблеей. До ее начала принимаются меры к обеспечению иммунитетов лиц, участвующих в сессии на территории страны ее проведения.

Для углубленной подготовки к рассмотрению на сессии отдельных вопросов повестки дня Генеральная Ассамблея вправе учреждать комитеты. Обычно это такие, как:

- Комитет встречи глав Национальных центральных бюро;
- Комитеты континентальных встреч;
- Финансовый комитет;
- Комитет по наркотикам;
- Комитет по преступлениям в сфере экономики и финансов;
- Комитет по компьютеризации и телекоммуникациям.

На сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола как наблюдатели могут присутствовать представители международных правительственных и неправительственных организаций, а также сотрудники полицейских и иных правоохранительных структур стран, не являющихся членами Интерпола.

Компетенция Генеральной Ассамблеи определена ст. 8 Устава Интерпола. Она включает в себя принятие решений по важнейшим вопросам (общая политика, общий план работы, избрание высших должностных лиц и формирование рабочих органов, финансовая политика). Процедуры деятельности Ассамблеи регламентируются Уставом, Регламентом, а также принятыми в 1996 г. специальными Правилами процедуры.

Заседаниями Генеральной Ассамблеи руководит избираемый Президент. Секретариат сессии ведет протокол. Решения принимаются простым большинством голосов, кроме случаев, когда по Уставу необходимо квалифицированное большинство в две трети.

Резолюции Ассамблеи делятся на две группы:

- резолюции по вопросам функционирования организации, не затрагивающие суверенитета государств-членов;
- резолюции по отдельным аспектам международного сотрудничества в борьбе с преступностью, которые носят рекомендательный характер.

Исполнительный комитет – это периодически созываемый исполнительный орган Международной организации уголовной полиции. Он состоит из 13 членов (Президента, трех вице-президентов и девяти делегатов), избираемых, исходя из принципа справедливого географического представительства. В соответствии с ним в состав Исполкома должны

обязательно входить жители всех континентов. Кроме того, Президент и вице-президенты должны представлять различные континенты.

В ноябре 2016 г. на 85 Генеральной Ассамблее Интерпола Президентом Интерпола избран заместитель министра общественной безопасности КНР Мэн Хунвэй. Начальник российского Национального центрального бюро Интерпола генерал-майор полиции. А. Прокопчук впервые избран одним из вице-президентов Интерпола в качестве представителя от Европы.

Президент избирается на четыре года квалифицированным большинством голосов в две трети. Если в первом туре голосования такое большинство не набирается, во втором туре для избрания достаточно простого большинства. Вице-президенты избираются на три года простым большинством голосов.

Президент Организации председательствует на сессии Генеральной Ассамблеи, контролирует исполнение решений, принимает решение о персонале, предлагает кандидатов на должность Генерального секретаря и контролирует его деятельность.

Не менее одного раза в год Президент организации созывает заседания Исполнительного комитета. Последний контролирует выполнение решений Генеральной Ассамблеи, готовит повестку дня ее сессий, контролирует работу Генерального секретариата Интерпола.

Генеральный секретариат – совокупность постоянно действующих служб Интерпола. Он возглавляется Генеральным секретарем. В соответствии со ст. 26 Устава на Генеральный секретариат возложены следующие функции:

- а) проведение в жизнь решений Генеральной Ассамблеи и Исполнительного комитета;
- в) деятельность в качестве международного центра по борьбе с преступностью;
- с) деятельность в качестве специализированного и информационного центра;
- д) постоянное руководство деятельностью Организации;
- е) поддержание контактов с национальными и международными полицейскими и иными правоохранительными органами;
- ф) создание необходимых материалов;
- г) выполнение обязанностей рабочего секретариата на сессиях Генеральной Ассамблеи, Исполкома или любого другого органа Организации;

h) разработка плана работы на следующий год для утверждения Исполкомом и Генеральной Ассамблеей.

Генеральный секретариат состоит из Генерального секретаря, подчиненных ему структурных подразделений, включающих административный и технический персонал.

Кандидатура Генерального секретаря предлагается Исполнительным комитетом из числа лиц, обладающих высокой компетентностью в области деятельности полиции. Она утверждается Генеральной Ассамблеей Интерпола сроком на пять лет. Генеральный секретарь может быть переизбран и на последующие сроки, но должен сложить свои полномочия по достижении 65 лет.

При выполнении его обязанностей Генеральный секретарь представляет не свою страну, а Организацию. При этом он не должен ни запрашивать, ни принимать указаний от какого-либо правительства либо органа за рамками Организации. Каждый член Организации должен воздерживаться от оказания влияния на Генерального секретаря и персонал.

Для реализации полномочий в структуре Генерального секретариата действует ряд подразделений. Наиболее важными с точки зрения обеспечения оперативного сотрудничества полицейских служб мира являются **Директорат информационных систем и технологий** (Information Systems and Technology) и **Командно-координационный центр** (Command and Co-ordination Centre).

На первый возложено техническое обеспечение стандарта связи I-24/7 – глобальной системы связи и обмена информацией Интерпола, доступной 24 часа в сутки, семь дней в неделю, позволяющей передавать текстовую, графическую и иную информацию.

Директорат обеспечивает Национальным центральным бюро стран-членов доступ к телекоммуникационной системе Интерпола и его базам данных. Система обеспечивает прямой доступ к базам данных о подозреваемых и разыскиваемых лицах, о похищенных и утраченных документах, транспортных средствах, об отпечатках пальцев, ДНК-профилях и похищенных произведениях искусства и культурных ценностей.

Командно-координационный центр создан для оперативного реагирования на поступающую информацию. Он работает круглосуточно на официальных языках Интерпола (французском, английском, испанском) и выступает в качестве первой инстанции при обращениях любого государства-члена организации.

Центр работает круглосуточно. Офицеры полиции, откомандированные своими странами в Генеральный секретариат, выступают в качестве руководителей групп. На центр возложены три основные функции:

- определение степени приоритетности и сложности каждого обращения в Генеральный секретариат и ответ на него в режиме реального времени;
- координация обмена данными о важных полицейских операциях, в которые вовлечено несколько стран;
- принятие на себя управления кризисными ситуациями во время наиболее серьезных кризисных ситуаций (например, масштабных террористических актов) и координация специализированной помощи.

Национальные центральные бюро (НЦБ) Интерпола создаются на основании ст. 32 Устава Международной организации уголовной полиции в соответствии с внутригосударственным законодательством каждой страны. Как правило, они формируются в структуре полицейских служб или МВД, но это не исключает функционирования НЦБ под эгидой иных правоохранительных органов (прокуратуры, министерств юстиции и др.).

Национальные иностранные бюро осуществляют взаимодействие с различными учреждениями страны; с теми органами других стран, которые выступают в качестве НЦБ; с Генеральным секретариатом организации.

Каждое государство самостоятельно формирует национальные правовые основы и порядок деятельности НЦБ на своей территории. Общие требования к ним установлены Служебными стандартами Национальных центральных бюро Интерпола, утвержденными на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи (Канкун, Мексика, 2004 г.). Согласно этим Стандартам, Национальные центральные бюро независимо от их ведомственной принадлежности должны обеспечить постоянный круглосуточный обмен информацией между уполномоченными сотрудниками правоохранительных органов своего государства и стран-членов Интерпола. Также обеспечивать оперативное исполнение запросов, поступающих по каналам Интерпола, не допускать несанкционированного доступа к информации Интерпола и его средствам и каналам связи.

Национальные центральные бюро обязаны соблюдать регламенты Интерпола, и в первую очередь – Правила исполнения информации в международном полицейском сотрудничестве, принятые Генеральной Ассамблеей в 2005 г. в Берлине и вступившие в силу 1 января 2006 г.

Содействие Интерполу в научных и иных специальных вопросах осуществляют **советники**, назначаемые на три года Исполнительным комитетом. Они выбираются из круга лиц, обладающих международной репутацией в какой-либо области, представляющей интерес для Организации.

Комиссия по контролю за архивами – независимый орган, следящий за тем, чтобы обработка персональных данных в структурах Интерпола соответствовала установленным правилам. Состав и порядок деятельности Комиссии определяются специальными правилами, установленными Генеральной Ассамблеей.

Рассмотренная организационная структура позволяет обеспечить Международной организации уголовной полиции руководящую роль в международном сотрудничестве по борьбе с преступностью. Однако, преимущественно, не в «силовом» поле, а путем координационно-информационной поддержки правоохранительной деятельности. В этой связи неправильно представлять себе Интерпол как «наднациональную суперполицейскую структуру».

9.2. Принципы деятельности Интерпола и организационно-правовые основы его взаимодействия с российскими правоохранительными органами

Базисные принципы деятельности Международной организации уголовной полиции как международной правительственной организации – это основополагающие принципы международного права, такие, как уважение государственного суверенитета, соблюдение коренных прав человека, невмешательство во внутренние дела государств. Статья 3 Устава категорически запрещает Интерполу «осуществлять какое-либо вмешательство или деятельность политического, военного, религиозного или расового характера».

К специфическим принципам организации и деятельности Интерпола как международной правоохранительной организации относятся следующие:

1. Функциональный принцип означает, что присутствующее в официальном наименовании Интерпола словосочетание «организация уголовной полиции» рассматривается не с позиций ведомственной принадлежности соответствующих служб, а с точки зрения выполняемых ими функций. Статья 4 Устава гласит, что «любая страна может уполномочить любой свой официальный полицейский орган, функции кото-

рого соотносятся с деятельностью Организации, выступать в качестве члена Организации». Такой подход, помимо прочего, дает возможность координации в рамках Интерпола широкого круга правоохранительных структур, в чьи задачи входит розыск преступников, а также пропавших без вести и расследование преступлений.

2. Организационный принцип означает, что главным звеном оперативного взаимодействия стран-участников с Генеральным секретариатом и правоохранительными органами других членов Интерпола являются Национальные центральные бюро.

3. Нормативный принцип требует, чтобы в каждой стране статус Национального центрального бюро и порядок его взаимодействия с правоохранительными органами определялся законом или иным нормативным правовым актом.

4. Принцип взаимности в сотрудничестве в рамках Интерпола означает взятие государствами-членами взаимных обязательств оказания помощи в деятельности, определенной Уставом Интерпола.

5. Принцип сотрудничества по делам об общеуголовных преступлениях вытекает из ст. 3 Устава Международной организации уголовной полиции. В этой связи государства-участники воздерживаются от оказания помощи по делам политического, военного и расового характера. В спорных ситуациях каждое государство, которому поступает запрос по линии Интерпола, самостоятельно решает вопрос об оказании помощи.

Специфические (информационно-координационные) средства, которыми располагает Интерпол, ведут к тому, что эта организация с конца прошлого века в основном сосредоточена на борьбе с транснациональными проявлениями общеуголовной преступности или с международной уголовной преступностью. О международном характере такой преступности далеко не всегда свидетельствует наличие в ней международных преступлений или преступлений международного характера (см. главы 4 и 5). Первостепенное значение имеют такие признаки, как гражданство преступника, динамизм его преступной деятельности, организованность и профессионализм преступников. В этой связи особо выделяются такие виды общественно опасных деяний, как:

- международная террористическая деятельность;
- организационная преступная деятельность;
- преступления в сфере экономики и «отмывание» преступных доходов;
- фальшивомонетничество;

- хищение автотранспортных средств и культурных ценностей;
- незаконный оборот наркотических веществ, психотропных и сильнодействующих средств;
- незаконный оборот огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых устройств и взрывчатых веществ;
- преступления в сфере высоких технологий;
- преступления, связанные с подделкой документов.

Сотрудничество российских правоохранительных органов с Интерполом и правоохранительными органами государств-членов осуществляется через Национальное центральное бюро. С 1 января 1991 г. оно стало действовать в структуре МВД СССР. Его правопреемником стало Национальное центральное бюро Интерпола (НЦБ Интерпола) МВД Российской Федерации. Правовую основу его деятельности образуют:

- Указ Президента Российской Федерации от 30 июля 1996 г. «Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции (Интерпола)»;

- Положение о Национальном центральном бюро Интерпола, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 октября 1996 г. № 1190;

- Типовое положение о территориальном подразделении (филиале) НЦБ Интерпола, утвержденное приказом МВД РФ от 3 июня 1997 г. № 333;

- Инструкция организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола, утвержденного совместным приказом МВД России, Минюста России, ФСБ России, ФСО России, ФСКН России, ФТС России от 6 октября 2006 г. № 786/310/470/454/333/97.

Национальное центральное бюро Интерпола в России – это структурное подразделение МВД РФ, орган по сотрудничеству правоохранительных и иных государственных органов России с правоохранительными органами иностранных государств-членов Международной организации уголовной полиции – Интерпола и Генеральным секретариатом.

Кроме того, в стране созданы его территориальные подразделения – филиалы, которые входят в состав министерств внутренних дел, главных управлений, управлений МВД РФ по субъектам Федерации на правах управлений, отделов, отделений. Они являются связующим звеном между НЦБ и региональными правоохранительными органами.

В 2009 г. в Российской Федерации при содействии Генерального секретариата Интерпола и Еврокомиссии был реализован проект «Мо-

дернизация сети Интерпола в России». Это позволило обеспечить прямой удаленный доступ к базам данных Генерального секретариата через филиалы НЦБ Интерпола примерно в половине субъектов Федерации, в ряде департаментов МВД России, территориальным органам Генеральной прокуратуры, ФСБ, Следственного комитета РФ, Национальному антитеррористическому комитету РФ.

9.3. Виды учета и международных розысков, проводимых Интерполом

Информационное обеспечение международной правоохранительной деятельности – одно из важнейших направлений работы Международной организации уголовной полиции. Основой для этого служат различные виды криминалистического учета, которые ведутся по принципу картотек в электронных базах данных:

1. Алфавитная картотека поставленных на учет международных преступников и лиц, подозреваемых в преступной деятельности.

2. Картотека данных по внешности преступника, где содержатся сведения (словесный портрет) по 177 признакам, в том числе о национальности, расе, анатомических и функциональных чертах, особых приметах, манере поведения.

3. Дактилоскопическая картотека десятипальцевой регистрации.

4. Фототека на основе фотоизображений и рисованных деталей и классификацией преступников по их «преступным профессиям».

5. Картотека пропавших без вести за рубежом и неопознанных трупов при основаниях полагать, что они принадлежат иностранцам.

6. Картотека ДНК-профиля, обнаруженных на месте совершения преступления, а также неопознанных трупов и лиц, представляющих оперативный интерес.

7. Картотека документов и наименований (паспортов, удостоверений, наименований морских и речных судов, юридических лиц), взятых на учет в связи с преступлениями.

8. Картотека выявленных поддельных денег и иных платежных средств, имеющих номер.

9. Картотека преступлений и способов их совершения.

10. Картотека похищенных автомобилей, произведений искусства, культурных ценностей, антиквариата, дорогостоящих ювелирных изделий.

11. Справочная картотека ручного нарезного огнестрельного оружия всех стран мира.

Каждое государство-член Интерпола обязано содействовать пополнению картотек. Генеральный секретариат, используя картотеки, снабжает НЦБ стран-участниц необходимыми данными.

На основе содержащейся в картотеках информации регулярно издаются каталоги «Валюты стран мира (подлинные и поддельные денежные знаки)», «Справочник паспортов», «Справочник регистрационных документов автотранспорта», компакт-диски похищенных произведений искусства и другие.

Другое важнейшее направление деятельности Интерпола – содействие международному розыску. Международный розыск – это розыск за пределами государства, где было совершено преступление. В каждом государстве его ведут полиция и иные правоохранительные органы своими силами на основании национального законодательства. Интерполу здесь принадлежит информационно-координационная роль.

Согласно Правилам использования информации в международном полицейском сотрудничестве, выделяются следующие виды розыска и соответствующие им виды международных извещений (циркуляров, уведомлений) Интерпола:

1. Розыск обвиняемого или осужденного с целью его ареста или выдачи («красный угол – RED NOTICES»). На него приходится основной объем розыска по линии Международной организации уголовной полиции. Сама выдача не регламентируется документами Интерпола – это предмет двусторонних и многосторонних соглашений. Задачей полиции в данном случае является обеспечение присутствия лица, подлежащего экстрадиции. В период оформления ее процедуры используется практика временных (прелиминарных) арестов судом сроком до 40 суток.

2. Розыск обвиняемого для установления его местоположения либо для контроля за передвижением и местонахождением лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления («синий угол – BLUE NOTICES»). Проводится, когда на данный момент нет основания для ареста и выдачи.

3. Розыск лиц, в отношении которых проводятся оперативно-розыскные мероприятия при отсутствии процессуальных решений о признании подозреваемым или обвиняемым («зеленый угол – GREEN NOTICES»). Проводится, когда есть данные о намерении лица выехать за рубеж, и есть необходимость получить сведения о его деятельности за границей. Не связан с задержанием или арестом.

4. Розыск лица, пропавшего без вести, если национальный розыск не принес результата и есть основания полагать, что лицо покинуло страну («желтый угол – YELLOW NOTICES»). Проводится «в интересах семьи». Все разыскиваемые лица проверяются по имеющейся картотеке неопознанных трупов.

5. «Черный угол (BLACK NOTICES)» – извещение об обнаружении неопознанных трупов, если есть основания полагать, что они принадлежат иностранцам.

6. «Фиолетовый угол (PURPLE NOTICES)» – извещение о способе совершения преступлений, представляющих международный интерес.

7. «Оранжевый угол (ORANGE NOTICES)» – извещение о лицах, объектах, событиях и деятельности, которые непосредственно угрожают общественной безопасности.

8. Извещения о похищенных произведениях искусства (STOLEN WORKS OF ART), представляющих собой особую культурную ценность.

В практике Интерпола используется два вида розыска: обычный и срочный. **Обычный розыск** включает следующие стадии:

- Обращение правоохранительного органа в Национальное центральное бюро своей страны с просьбой инициировать розыск конкретного лица за рубежом. Приводятся установочные данные, приметы разыскиваемого, а также юридические основания розыска (приговор суда, постановление о признании обвиняемым и т.д.).

- Проверка обращения Национальным иностранным бюро с точки зрения полноты представленных документов, соответствия запроса ст. 3 Устава Интерпола, перевод запроса и прилагаемых документов на один из официальных языков Интерпола и направление запроса в Генеральный секретариат.

- После проверки поступившего запроса на соответствие Уставу Генеральный секретариат составляет на разыскиваемого необходимый циркуляр («красный», «синий», «зеленый», «желтый»), копии которого направляются в НЦБ всех стран либо стран, где появление разыскиваемого наиболее вероятно.

- После получения соответствующего извещения Национальное центральное бюро каждой страны оценивает изложенные в нем данные с позиций внутреннего законодательства и решает вопрос о допустимости розыска на территории страны. При положительном решении всем полицейским службам поручается начать розыск. Данные о разыскиваемом передаются в пограничные пункты.

- Когда розыск ведется на основании «красного» циркуляра, после установления его местонахождения лицо задерживается и арестовывается судом на срок до 40 суток. Если просьба полиции об аресте судом не удовлетворена, а также при проведении розыска по иным основаниям полиция должна следить за его перемещениями по стране.

- При завершении розыска уведомляются Национальные центральные бюро своей страны и НЦБ страны-инициатора розыска.

- НЦБ страны-инициатора уведомляет об этом заинтересованные правоохранительные органы.

- НЦБ страны местонахождения разыскиваемого информирует об этом Генеральный секретариат, который извещает все страны о прекращении розыска.

Срочный розыск отличается от обычного тем, что в экстренных случаях, минуя Генеральный секретариат, НЦБ сами направляют просьбу о розыске по существующим каналам связи в НЦБ страны (стран) предполагаемого нахождения разыскиваемого лица. Об этом извещается Генеральный секретариат.

Срочный розыск, не принесший результатов в течение трех месяцев, заменяется обычным.

9.4. Европейская полицейская организация (Европол)

Европейская полицейская организация (Европол – Europol) – правоохранительная организация Европейского союза. Цель ее создания – повышение эффективности взаимодействия правоохранительных органов стран ЕС.

Организация Европола была предусмотрена Маастрихтским соглашением о Европейском союзе от 7 февраля 1992 г. Его учреждение изначально стало результатом принятия 26 июля 1995 г. Конвенции Европола. Впоследствии решением Совета Евросоюза от 6 апреля 2009 г. об учреждении Европейской полицейской организации правовые основы его деятельности были существенно реформированы. Штаб-квартира Европола находится в Гааге (Нидерланды).

Основные направления сотрудничества в рамках Европола:

- проведение оперативно-розыскных мероприятий как по запросам, так и непосредственно правоохранительными органами одного государства-члена на территории другого государства-члена;

- обмен информацией;

- подготовка кадров на базе унифицированных полицейских стандартов Евросоюза;
- криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, единообразное применение криминалистических методик.

Европол обладает собственной правосубъектностью в рамках основных институтов Евросоюза. Эта правосубъектность носит международный характер. Европол уполномочен самостоятельно от своего имени вступать в отношения с третьими государствами, а также с международными организациями. Такими полномочиями Европол активно пользуется, свидетельством чего является заключенное 3 ноября 2003 г. в Риме Соглашение о сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией. Компетентными российскими органами, ответственными за реализацию Соглашения, являются МВД, ФСБ и Росфинмониторинг. Главным органом определено МВД России. Непосредственные контакты обеспечивает входящий в структуру МВД Российский национальный пункт по взаимодействию с Европолом.

Наряду с традиционным для международного сотрудничества информационным обеспечением правоохранительных органов Европол наделен компетенцией по координации деятельности. В рамках такой координации Европол вправе инициировать перед государствами-членами создания совместных следственных групп, включать в их состав своих сотрудников, участвовать в совместных расследованиях. Такие расследования включают как оперативно-розыскные мероприятия, так и отдельные процессуальные действия в рамках уголовного судопроизводства.

После введения евро в качестве единой европейской валюты Решением Совета ЕС от 12 июля 2005 г. за Европолом закреплена функция центрального органа по борьбе с фальшивыми евро на территории всего мира (в рамках Женевской конвенции 1929 г. о борьбе с подделкой денежных знаков).

Соглашение между Россией и Европолом очерчивает сферы взаимодействия, распространяющиеся на несколько групп преступлений: против жизни и здоровья человека; терроризм и его финансирование; незаконный оборот наркотиков; незаконный оборот культурных ценностей; незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых, отравляющих веществ, ядерных материалов; имущественные преступления; легализация (отмывание) преступных доходов; незаконная миграция; торговля людьми и эксплуатация проституции третьими лицами.

Задача Российского контактного пункта по взаимодействию с Европолом – обеспечение сотрудничества с европейскими правоохранительными органами в борьбе с указанными видами преступлений. Однако Россия, не будучи членом Евросоюза, участвует в работе Европола не в полном объеме его деятельности. В частности, Римское соглашение 2003 г. не предусматривает обмена персональными данными. В то же время российская сторона участвует в подготовке ряда аналитических материалов, используемых Европолом для подготовки его регулярных докладов (например, об угрозе организованной преступности и терроризма для Евросоюза и других регионов мира).

ЛИТЕРАТУРА

Сборники международно-правовых актов¹

1. *Десятый* Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Сб. документов. М.: Юрид. лит., 1983. 856 с.
2. *Международная* защита прав и свобод человека. Сб. документов. М.: Юрид. лит., 1990. 627 с.
3. *Международно-правовые* основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов. Сб. документов. М.: Инфра-М, 2004. 640 с.
4. *Международно-правовые* основы борьбы с незаконной миграцией и торговлей людьми. Сб. документов. М.: Инфра-М, 2004. 300 с.
5. *Международные* акты о правах человека. Сб. документов. М.: Норма-Инфра-М, 1998. 784 с.
6. *Международные* стандарты в уголовно-исполнительной сфере. Хрестоматия и аннотации юридических, психолого-педагогических и профессионально-этических документов. Рязань: Изд-во Академии права и управления ФСИН РФ, 2005. 464 с.
7. *Международное* право в документах. М.: Юрид. лит., 1983. 856 с.
8. *Сборник* документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: Спарк, 1998. 321 с.
9. *Сборник* международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. М.: Спарк, 1996. 430 с.
10. *Сборник* стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. ООН. Нью-Йорк, 1992. 447 с.
11. *Защита* прав жертв террористических актов и иных преступлений. Сб. документов. М.: Юриспруденция, 2003. 352 с.
12. *Документы* ООН, касающиеся заключенных. Сб. М.: Права человека, 2000. 192 с.
13. *Права* человека. Сб. международных документов. М.: Изд-во МГУ, 1986. 321 с.

¹ Приведенный перечень сборников может быть использован для поиска конкретных документов международно-правового характера. В последующей библиографии, как правило, указывается номер источника по списку и страницы в нем (например: 5, с. 620–624).

14. *Терроризм. Правовые аспекты борьбы* Нормативные и международные правовые акты с комментариями. М.: Эксмо, 2005. 512 с.
15. *Уголовно-исполнительное право. Сб. нормативных актов. Т. 1.* М.: Новый юрист, 1997. 544 с.
16. *Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи.* М.: Спарк, 1996. 312 с.
17. *Защита прав жертв террористических актов и иных преступлений. Сб. нормативных актов и официальных документов.* М.: Юриспруденция, 2003. 352 с.
18. *Сборник конвенций, рекомендаций и резолюций, касающихся пенитенциарных вопросов.* Рязань: Академия ФСИН РФ, 2007. 228 с.

К Главе 1 «Общая характеристика международно-правовых основ борьбы с преступностью»

1. *Перечень* важнейших международных соглашений о правилах ведения войны, принятых до Второй мировой войны (7, с. 803).
2. *Принципы* международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого трибунала // *Международное публичное право. Сб. документов. Т. 2.* М., 1996.
3. *Устав* Международного военного трибунала (Нюрнбергского) от 8 августа 1945 г. // *Международное публичное право. Т. 2.* М., 1996.
4. *Устав* Международного трибунала (по Югославии) // *Международное публичное право. Сб. документов. Т. 2.* М., 1996.
5. *Закон № 10 «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и человечности».* Принят Контрольным Советом держав-победительниц 20 декабря 1945 г. // *Ни давности, ни забвения... По материалам Нюрнбергского процесса.* М.: Юрид. лит., 1985. С. 256–269.
6. *Богатырев А.Г.* Международное сотрудничество государств по борьбе с преступностью. М., 1989.
7. *Бородин С.В., Ляхов Е.Г.* Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. М., 1983.
8. *Игнатенко Г.В., Марочкин С.Ю.* Постановление Пленума Верховного Суда России от 10 октября 2003 г. и международно-правовые реалии // *Бюлл. Министерства юстиции РФ. 2004. № 4.*
9. *Мартенс Ф.* Международное право цивилизованных народов. М.: Гарант, 2008. С. 242–300.
10. *Международная защита прав человека с использованием некоторых международно-правовых механизмов.* М., 2001.
11. *Международное право: учеб. для вузов / под ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунова.* М., 2009.
12. *Международное право. Учебник для вузов.* М.: Проспект, 2015.

13. Менли О. Хадсон. Международные суды в прошлом и будущем. М.: Госиздат иностранной литературы, 1947.
14. Наумов А.В. Нюрнбергский процесс: история и современность // Российская юстиция. 2006. № 9–10.
15. Николаев А.Н. Токио: суд народов. М., 1990.
16. Панов В.П. Сотрудничество государств в борьбе с международными уголовными преступлениями. М., 1993.
17. Преступность, глобализация, финансовый кризис // Преступление и наказание. 2009. № 1. С. 52–54.
18. Рагинский М.Ю. Нюрнберг: перед судом истории. М., 1986.
19. Сухарев А.Я. Нюрнбергский процесс и проблемы международной законности // Журнал российского права. 2007. № 1.
20. Халафян Р.М. Нормы международного «мягкого» права в правовой системе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016. 28 с.

К Главе 2 «Универсальные международные документы, имеющие отношение к борьбе с преступностью»

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., ст.ст. 5–11 (2, с. 14–20).
2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. (5, с. 44–52).
3. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (5, с. 53–68).
4. Европейская конвенция от 4 ноября 1950 г. о защите прав человека и основных свобод // Содержание под стражей: сб. нормативных актов и документов: М.: Спарк, 1996. С. 179–190.
5. Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинств видов обращения и наказания. Принята Резолюцией ГА ООН 9 декабря 1975 г. (10, с. 340–342).
6. Конвенция № 29 Международной организации труда о принудительном труде от 28 июня 1930 г. Вступила в силу 1 мая 1923 г. (5, с. 515–524).
7. Конвенция № 105 Международной организации труда от 25 июня 1957 г. Вступила в силу 17 января 1959 г. (5, с. 525–827).
8. Конвенция против пыток и других жестоких бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 45. Ст. 747.
9. Конвенция о правах ребенка. Принята 20 ноября 1989 г. Генеральной Ассамблеей ООН (5, с. 306–323).
10. Европейская Конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 28 ноября 1987 г. (5, с. 620–624).

11. Конституция Российской Федерации.
12. Уголовный кодекс РФ.
13. Уголовно-процессуальный кодекс РФ.
14. Уголовно-исполнительный кодекс РФ.
15. Федеральный закон РФ «О международных договорах Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.
16. Федеральный закон РФ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.
17. Федеральный закон РФ от 1 октября 1999 г. «О ратификации Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинства обращения и наказания и протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1466.
18. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации / Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 // Российская газета. 2003. 2 декабря.
19. Алисиевич Е.С. Оговорки и заявления о толковании к положениям Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Вестник РУДН. Юридические науки. 2005. № 2(18). С. 144–150.
20. Барнашов А.М. Конституции государств и нормы международного права // Судья. 2013. Декабрь. С. 27–29.
21. Бучакова М.А. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в системе источников российского права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 3(40). С. 150–153.
22. Бутенко А.П. Практика Европейского суда по правам человека. М.: Спарк, 2001.
23. Горшкова С.А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство. М., 2001.
24. Сальвиа М. Прецеденты Европейского суда по правам человека. СПб., 2004.

К Главе 3 «Международное уголовное право в системе международно-правовых основ борьбы с преступностью»

1. Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни (Страсбург, 28 апреля 1983 г.).
2. Протокол № 13 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни (Вильнюс, 3 мая 2002 г.).
3. Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни, от 15 декабря 1989 г. (5, с. 73–76).

4. *Принципы* эффективного предупреждения и расследования незаконных, произвольных и суммарных казней. Приложение к Резолюции ЭКОСОС ООН от 24 мая 1989 г. (5, с. 171–174).
5. *О применении* судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 // Бюлл. Верховного Суда РФ. 2003. № 12.
6. *Адельханян Р.А.* Преступность деяния по международному уголовному праву. М., 2002.
7. *Антонова Е.Ю.* Уголовная ответственность юридических лиц в международной практике // Юридический мир. 2008. № 7.
8. *Бирюков П.Н.* Нормы международного уголовно-процессуального права в правовой системе Российской Федерации. Воронеж, 1999.
9. *Ведерникова О.Н.* Международное уголовное право: проблемы имплементации // Уголовное право. 2003. № 3.
10. *Верле Г.* Принципы международного уголовного права. М., 2011.
11. *Голык Ю.В.* Международное и национальное уголовное законодательство: трудный путь к единству // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. М., 2004.
12. *Галенская Л.Н.* Международная борьба с преступностью. М., 1972.
13. *Галенская Л.Н.* О понятии международного уголовного права // Совр. ежегодник международного права. 1969. М., 1970.
14. *Джантаев Х.М.* Уголовная ответственность физических лиц в международном праве // Международное право. 2008. № 4.
15. *Иногамова-Хегай Л.В.* Международное уголовное право. СПб., 2003.
16. *Кибальник А.Г.* Преступление и ответственность в международном уголовном праве. Ставрополь, 2002.
17. *Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г.* Источники и система международного уголовного права // Государство и право. 2004. № 1.
18. *Кибальник А.Г.* Принципы международного уголовного права // Уголовное право. 2002. № 3.
19. *Лисаускайте В.В.* Международное уголовное право. Иркутск, 2010.
20. *Лукашук И.И., Наумов А.В.* Международное уголовное право: учебник. М., 1999.
21. *Международное* уголовное право. М.: Наука, 1999.
22. *Международное* уголовное право в документах: в 2 т. / сост. Р.М. Валеев, И.А. Тарханов, А.Р. Каюмова. Казань, 2005.
23. *Наумов А.В., Кибальник А.Г., Орлов В.Н., Волосюк П.В.* Международное уголовное право. М.: Юрайт, 2013.
24. *Панов В.П.* Международное уголовное право. М., 2012.
25. *Уткин В.А.* Международное уголовно-исполнительное право: к концепции формирования / Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 9. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 151–153.

26. Уткин В.А. Факторы пенализации и международное уголовное право // Вестник ТГУ. Право. № 2(16) 2015. С. 128–137.
27. Уткин В.А. Наказание в международном уголовном праве // Международное судебное, прокурорское и полицейское сотрудничество в борьбе против криминала. Белград: Уптермех, 2015. С. 176–184.
28. Цепелев В. Исполнение Россией международно-правовых обязательств в уголовно-правовой сфере // Рос. юстиция. 2000. № 10.
29. Цуканов Н.Н. Тенденции в развитии норм международного уголовно-процессуального права и правовой системы России // Междунар. право. 2001. № 4.

К Главе 4 «Международные преступления»

1. *Принципы* международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества. Резолюция ГА ООН от 3 декабря 1973 г. (5, с. 494–495).
2. *Конвенция* о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией ГА ООН 9 декабря 1948 г., вступила в силу 12 января 1961 г. (5, с. 497–500).
3. *Конвенция* о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1971. № 2. Ст. 18.
4. *Конвенция* о пресечении преступления апартеида и наказании за него 1973 г. // Международное публичное право: сб. документов. Т. 2. М., 1996.
5. *Международная конвенция* о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 7 марта 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 25. Ст. 219.
6. *Конвенция* против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 45. Ст. 747.
7. *Конвенция* о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 18 мая 1977 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1984. № 3. Ст. 50.
8. *Договор* о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. № 14. Ст. 118.
9. *Конвенция* о запрещении разработки, производства и накоплении запасов бактериологического (биологического и токсичного оружия) от 10 апреля 1972 г. // Сборник договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 31. М., 1977.
10. *Конвенция* о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13 января 1993 г. // Международное публичное право: сб. документов. Т. 2. М., 1996.

11. *Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г.* // Сборник договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957.
12. *Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны* // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957.
13. *Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г.* (7, с. 734–746).
14. *Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море* (7, с. 746–750).
15. *Дополнительный Протокол I от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г.* // UN Doc. A/32/114. Add. I. Russian.
16. *Дополнительный Протокол II от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г.* // UN Doc. A/32/114. Add. II. Russian.
17. *Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств от 17 июля 1925 г.* // Сборник договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 5. М., 1930.
18. *Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие от 10 апреля 1981 г.* // Ведомости Верховного Совета СССР. 1984. № 3. Ст. 50.
19. *Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г.* // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 3. Ст. 54.
20. *Карпец И.И.* Международная преступность. М., 1988.
21. *Карпец И.И.* Преступления международного характера. М., 1979.
22. *Кибальник А.Г.* Развитие определения агрессии в международном праве / Библиотека криминалиста. 2011. № 1. С. 181–188.
23. *Курносова Т.И.* Имплементация международно-правовых норм о военных преступлениях и преступлениях против человечности в российское уголовное законодательство. М., 2016. 29 с.
24. *Малахова О.В.* Агрессия как преступление по национальному и международному уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. 25 с.
25. *Панов В.П.* Сотрудничество государств в борьбе с международными уголовными преступлениями. М., 1993.
26. *Решетов Ю.А.* Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983.
27. *Трайнин А.Н.* Защита мира и уголовный закон. М.: Наука, 1969.

К Главе 5 «Преступления международного характера»

1. *Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами* от 12 марта 1950 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957.
2. *Конвенция относительно рабства* от 25 сентября 1926 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 17–18. М., 1960.
3. *Дополнительная Конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством*. От 7 сентября 1956 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 8. Ст. 224.
4. *Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма* от 13 апреля 2005 г. // UN Doc. A/ RES/59/290. Russian.
5. *Конвенция о физической защите ядерного материала* от 3 марта 1980 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 43. М., 1989.
6. *Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом* от 16 декабря 1997 г. // UN Doc. A/ RES/52/164. Russian.
7. *Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма* от 9 декабря 1999 г. // UN Doc. A/ RES/54/109. Russian.
8. *Европейская конвенция о борьбе с терроризмом* от 27 января 1977 г. // ETS № 90.
9. *Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов* от 14 декабря 1973 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 33. М., 1979.
10. *Международная конвенция о борьбе с захватом заложников* от 18 декабря 1979 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. 43. М., 1989.
11. *Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов* от 16 декабря 1970 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 33. М., 1979.
12. *Конвенция ООН по морскому праву* от 10 декабря 1982 г. // Международное публичное право: сб. документов. Т. 1. М., 1996.
13. *Европейская конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности* от 8 ноября 1990 г. // ETS № 141.
14. *Международная конвенция по борьбе с подделкой денежных знаков* от 20 апреля 1929 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 7. М., 1933.
15. *Единая конвенция о наркотических средствах* от 30 марта 1961 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 23. М., 1970.

16. *Конвенция* о психотропных веществах от 21 февраля 1971 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 35. М., 1981.
17. *Конвенция* ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 19 декабря 1988 г. // Действующее право. В 3 т. М., 1997. Т. 3. С. 60–65.
18. *Конвенция* о запрещении вербовки, использования, финансирования и обучения наемников 1989 г. // UN Doc. A/ RES/44/34. Russian.
19. *Международная конвенция* о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (1988 г.).
20. *Конвенция* о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами. Принята Резолюцией ГА ООН от 02 декабря 1949 г. Вступила в силу 29 июля 1951 г. (10, с. 528–534).
21. *Конвенция* ООН о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (1963 г.).
22. *Меры* по борьбе с коррупцией. Меры по борьбе с отмыванием денег. Планы действий по осуществлению Венской декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века. Резолюция ГА ООН от 15 апреля 2002 г. (3, с. 138–142).
23. *Типовой договор* о предупреждении преступлений, связанных с посягательством на культурное наследие народов в форме движимых ценностей. Принят VII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в августе 1990 г. (10, с. 119–127).
24. *Протокол* о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности от 15 декабря 2001 г. (4, с. 123–136).
25. *Факультативный протокол* к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии [Электронный ресурс]: принята 25 мая 2005 г. Генеральной Ассамблеей ООН // Консультант.
26. *Протокол* против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности от декабря 2000 г. (4, с. 136–147).
27. *Конвенция* о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16 декабря 1970 г. (14, с. 265–269).
28. *Международная конвенция* о борьбе с захватом заложников от 17 декабря 1979 г. (14, с. 286–291).
29. *Конвенция* о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства от 10 марта 1988 г. (14, с. 332–340).
30. *Конвенция* о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, от 14 сентября 1963 г. (14, с. 357–364).

31. *Протокол* о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе от 10 марта 1988 г. (14, с. 389–392).
32. *Конвенция* о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации от 23 сентября 1971 г. (14, с. 300–306).
33. *Протокол* о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию 1971 г. о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации. Монреаль, 24 февраля 1988 г. (14, с. 307–309).
34. *О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем* / Федеральный закон от 13 июля 2001 г. № 115-ФЗ // Российская газета. 2001. 9 августа.
35. *Уголовный кодекс Российской Федерации*.
36. *Богатырев А.Г.* Конвенции по борьбе с преступлениями международного характера. М., 1990.
37. *Берко А.В., Кибальник А.Г.* Применение запрещенных средств и методов ведения войны. Ставрополь, 2002.
38. *Блищенко И.Я., Жданов К.В.* Сотрудничество государств в борьбе с преступлениями международного характера: учеб. пособие. М., 1984.
39. *Даниелян А.А.* Международно-правовое регулирование борьбы с незаконным оборотом наркотиков и психотропных веществ в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Вестник РУДН. Юридические науки. 2005. № 2(18). С. 136–143.
40. *Еделева А.Л.* Отдельные виды террористических преступлений в международном уголовном праве. М., 2002.
41. *Изъянов А.Д.* Наемничество по международному и российскому уголовному праву. Калуга, 2008.
42. *Карпец И.И.* Преступления международного характера. М., 1979.
43. *Каримов Р.Р., Каримова Г.Ю.* Формирование понятия «международный терроризм»: история и современность / Правовое государство: теория и практика. 2001. № 2. С. 58–60.
44. *Кибальник А.Г.* Преступления против мира и безопасности человечества. СПб., 2004.
45. *Кибальник А.Г.* Уголовная ответственность за агрессию // Уголовное право. 2004. № 3.
46. *Кибальник А.Г.* Уголовная ответственность за экоцид // Законность. 2005. № 6.
47. *Ляхов Е.Г.* Терроризм и межгосударственные отношения. М., 1991.
48. *Минаков С.П.* Понятие «торговля людьми» в международных актах и российском законодательстве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2007. № 2. С. 79–81.

49. *Михеев В.Л. и др.* Современные формы международного терроризма. СПб., 2001.
50. *Олишнев А.Ю.* Международное сотрудничество в противодействии торговле людьми. М., 2011.
51. *Ромашев Ю.С.* Борьба с преступлениями международного характера, совершаемыми на море (терроризм, пиратство, незаконный оборот наркотиков и другие преступления). М., 2001.
52. *Сухарев Д.Л.* Нападения на лиц или учреждения, пользующихся международной защитой. Ставрополь. 2003.
53. *Трикоз Е.Н.* Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. М., 2007.
54. *Устинов В.В.* Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М., 2002.
55. *Хлобустов О.А.* О международно-правовых основах противодействия международному терроризму // Международное публичное и частное право. 2001. № 2. С. 35–40.

К Главе 6 «Международно-правовые основы противодействия транснациональной организованной преступности и коррупции»

1. *Конвенция* Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности / Утв. Резолюцией ГА ООН № 55/25 от 15 ноября 2000 г. // Международное публичное и частное право. 2001. № 2. С. 57–75.
2. *Конвенция* Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. (3, с. 46–104).
3. *Европейская конвенция* об уголовной ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 г. (ETS № 173)
4. *Европейская конвенция* о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 г. (ETS № 174)
5. *Модельный закон* о борьбе с коррупцией / Принят на XIII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (Постановление № 13–4 от 3 апреля 1999 г.) // Меры противодействия коррупции: проблемы разработки и реализации. Барнаул, 2009. С. 475–489.
6. *Национальный план* противодействия коррупции / Утв. Президентом Российской Федерации 31 июля 2008 г. (№ Пр-1568).
7. *О мерах* по противодействию коррупции / Указ Президента Российской Федерации № 815 от 19 мая 2005 г.
8. *Положение* о Совете при Президенте Российской Федерации по борьбе с коррупцией / Утв. Указом Президента РФ № 1384 от 24 ноября 2003 г. // Российская газета. 2003. 26 ноября.

9. *Бычкова С.Ф.* О роли Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности в укреплении международного сотрудничества в сфере уголовного правосудия // Криминологический журнал. 2001. № 1. С. 29–32.
10. *Валеев Д.М.* Международно-правовые основы сотрудничества по борьбе с транснациональной организованной преступностью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 30 с.

К Главе 7 «Международно-правовые стандарты деятельности системы уголовной юстиции»

1. *Декларация* о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Принята резолюцией 3452 (XXX) Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1979 г. // Уголовно-исполнительное право: сб. нормативных актов / под ред. П.Г. Пономарева. М.: Новый Юрист, 1997. С. 23–27.
2. *Европейская конвенция* о защите прав человека и основных свобод. Заключена в Риме 4 ноября 1950 г. (с протоколами) // Содержание под стражей: сб. нормативных актов и документов. М.: Спартак, 1996. С. 179–190.
3. *Европейская конвенция* по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Принята Советом Европы 26 ноября 1987 г. № 126 // Там же. С. 251–271.
4. *Конвенция* против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 34/46 от 10 декабря 1984 г. // Там же. С. 109–124.
5. *Кодекс* поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. Принят Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1979 г. // Уголовно-исполнительное право: сб. нормативных актов / под ред. П.Г. Пономарева. М.: Новый Юрист, 1997. С. 185–195.
6. *Руководящие* принципы для эффективного осуществления Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. Резолюция Экономического и Социального совета ООН от 24 мая 1989 г. // Там же. С. 192–195.
7. *Основные* принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка. Приняты Восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с преступниками в 1990 г. // Уголовно-исполнительное право: сб. нормативных актов / под ред. П.Г. Пономарева. М.: Новый Юрист, 1997. С. 195–204.
8. *Конвенция* о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются, от 19 мая 1978 г. Ратифицирована СССР 3 апреля 1979 г. Вступила в силу 26 августа 1979 г. // Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. М.: Спарк, 1996. С. 26–31.

9. Конвенция № 29 Международной организации труда «О принудительном или обязательном труде». 1930 г. // Международная защита прав и свобод человека. М., 1990. С. 219–229.
10. *Руководящие* принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы). Резолюция ГА ООН от 14 декабря 1990 г. (5, с. 284–305).
11. *Основные* принципы, касающиеся независимости судебных органов. Приняты в 1985 г. VII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (10, с. 231–238).
12. *Руководящие* принципы, касающиеся роли лиц, осуществляющих судебное преследование. Приняты в 1990 г. XII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (10, с. 239–246).
13. *Основные* положения о роли адвокатов. Приняты VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в августе 1990 г. (6, с. 183–190).
14. *Типовой* договор о передаче надзора за правонарушителями, которые были условно осуждены или условно освобождены. Одобрен ГА ООН 14 декабря 1990 г. (10, с. 189–196).
15. *Типовой* договор о передаче уголовного судопроизводства. Одобрен ГА ООН 14 декабря 1990 г. (10, с. 110–118).
16. *Типовой* договор о выдаче. Одобрен ГА ООН 14 декабря 1990 г. (10, с. 80–93).
17. *Типовой* договор о взаимной помощи в области уголовного правосудия. Одобрен ГА ООН 14 декабря 1990 г. (10, с. 94–109).
18. *Декларация* основных принципов правосудия для жертв преступлений ими злоупотребления властью. Резолюция ГА ООН от 29 ноября 1958 г. (5, с. 164–167).
19. *Меры*, гарантирующие защиту прав тех, кто приговорен к смертной казни. Приняты Экономическим и социальным советом ООН 26 мая 1984 г. // Там же. С. 329–333.
20. *Минимальные* стандартные правила обращения с заключенными. Резолюция от 30 августа 1955 г. // Там же. С. 290–318.
21. *Минимальные* стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Приняты Генеральной Ассамблеей ООН № 40/33 от 29 ноября 1985 г. // Уголовно-исполнительное право: сб. нормативных актов / под ред. П.Г. Пономарева. М.: Новый Юрист, 1991. С. 106–140.
22. *О гражданских* и политических правах. Международный пакт от 16 декабря 1966 г. // Там же. С. 15–20.
23. *Основные* принципы обращения с заключенными. (Резолюция 45/111 ГА ООН от 14 декабря 1990 г.) // Сборник стандартов и норм ООН в области

- предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 1992. С. 170–172.
24. *Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы*. Приняты Генеральной Ассамблеей ООН № 45/113 от 14 декабря 1990 г. // Там же. С. 141–163.
 25. *Принципы медицинской этики, относящиеся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания*. Приняты резолюцией 37/194 Генеральной Ассамблеей ООН от 18 декабря 1982 г. // Там же. С. 41–45.
 26. *Процедуры эффективного выполнения Минимальных стандартных правил, касающихся обращения с заключенными*. Приняты Экономическим и социальным советом ООН 25 мая 1984 г. // Там же. С. 79–81.
 27. *Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы)* // Приняты Комиссией по предупреждению преступности и уголовному правосудию ЭКОСОС ООН 21 мая 2015 г.
 28. *Европейские пенитенциарные правила*. Рекомендация Совета Европы R (2006) 2 (пер. с англ.).
 29. *Европейские правила о пробации*. Рекомендация CM/Rec (2V10) 1 Комитета министров Совета Европы от 20 января 2010 г.
 30. *Об условно-досрочном освобождении*. Рекомендация Комитета министров Совета Европы Re (2003)22 от 24 сентября 2003 г.
 31. *Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме*. Принят Резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеей ООН от 9 декабря 1988 г. // Советская юстиция. 1992. № 6. С. 20–22.
 32. *Смертная казнь*. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1971 г. // Уголовно-исполнительное право: сб. нормативных актов / под ред. П.Г. Пономарева. М.: Новый Юрист, 1997. С. 178–179.
 33. *О порядке рассмотрения ходатайств иностранных государств об экстрадиции в связи с введением в действие УПК РФ: указание Генеральной прокуратуры РФ от 20 июня 2002 г.* № 32/35.
 34. *Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила)*. Приняты Генеральной Ассамблеей ООН 45/110 от 14 декабря 1990 г. // Международная защита прав и свобод человека. М., 1990. С. 173–188.
 35. *Рекомендации в отношении обращения с заключенными-иностранцами* // Уголовно-исполнительное право: сб. нормативных актов / под ред. П.Г. Пономарева. М.: Новый Юрист, 1997. С. 214–215.
 36. *Рекомендация № R(92) 16 Комитета министров государствам-членам относительно Европейских правил по применению общественных санкций и мер*

- взыскания (принята Комитетом министров на 482-м заседании заместителей министров 19 октября 1992 г.).
37. *Рекомендация* № R(97) 12 Комитета министров государствам-членам относительно персонала, исполняющего наказание и меры (принята Комитетом министров 10 сентября 1997 г. на 600-м заседании заместителей министров).
 38. *Об усовершенствовании* применения Европейских правил относительно общественных санкций и мер воздействия (Рекомендация № (2000) 22. / Принята Комитетом министров Совета Европы 29 сентября 2002 г.) // Аспект. Информационный бюллетень (Украина). 2001. № (5). С. 52–55.
 39. *Рекомендация* № R(87) 20 Комитета министров Совета Европы об общественной реакции на преступность среди несовершеннолетних / Принята Комитетом министров на 410 заседании 17 сентября 1987 г. представителей-заместителей министров // Аспект. 2004. № 1(11). С. 58–60.
 40. *Уголовный кодекс РФ.*
 41. *Уголовно-процессуальный кодекс РФ.*
 42. *Уголовно-исполнительный кодекс РФ.*
 43. *Об организации* международного сотрудничества прокуратуры Российской Федерации: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 3 августа 1998 г. № 50.
 44. *Об организации* работы Генеральной прокуратуры Российской Федерации по международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 26 июня 2002 г. № 35 // Сб. основных организац.-распорядит. док. Генеральной прокуратуры РФ. 2004. Т.1.
 45. *Об объявлении* Соглашения о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств-участников СНГ в борьбе с коррупцией: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 26 сентября 2007 г. № 149.
 46. *Бастрыкин А.И.* Взаимодействие советского уголовно-процессуального и международного права. Л., 1986.
 47. *Бастрыкин А.И.* Институт выдачи: взаимодействие национальных и международных норм // СЕМП. СПб., 1992.
 48. *Белый И.Ю.* Международное уголовное судопроизводство. М., 2007.
 49. *Беляев С.С.* Юридическая регламентация института экстрадиции (выдачи) // *Государство и право.* 1998. № 1 .
 50. *Валеев Р.М.* Выдача преступников в современном международном праве. Казань, 1979.
 51. *Васильев Ю.Г.* Институт выдачи преступников (экстрадиции) в современном международном праве. М., 2003.
 52. *Волеводз А.Г.* Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. М., 2002.
 53. *Волеводз А.Г., Волеводз В.А.* Современная система международной уголовной юстиции: хрестоматия. М.: Юрлитинформ, 2009.
 54. *Волженкина В.М.* Выдача в российском уголовном процессе. М., 2002.

55. *Волженкина В.М.* Нормы международного права в российском уголовном процессе. СПб., 2001.
56. *Волженкина В.М.* Применение норм международного права в российском уголовном процессе: учеб. пособие. СПб., 1997.
57. *Горленко С.В.* Вопросы проведения следственных действий на территории других государств: исполнение международных следственных поручений, необходимость создания современных бригад // Следователь. 2000. № 9.
58. *Гришко А.Я., Уткин В.А.* Сравнительный анализ Европейских пенитенциарных правил и российских нормативных правовых актов в области исполнения наказаний. Рязань: Академия ФСИН РФ, 2006.
59. *Евдокимов В.Б., Михайленко К.Е.* Международная правовая помощь по гражданским и уголовным делам (на примере стран СНГ). М., 2004.
60. *Ерохин В., Анопо А.* Из государства в государство // Преступление и наказание. 1999. № 8. С. 35–38.
61. *Зимин В.П., Зубов И.Н.* Международное сотрудничество в области борьбы с преступностью и охраны общественного порядка: учеб. пособие. М., 1993.
62. *Калугин А.Г., Шинкевич Д.В.* Теоретические и практические проблемы оказания международной правовой помощи по уголовным делам: учеб. пособие. Красноярск, 2007.
63. *Калугин А.Г., Шинкевич Д.В.* Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: вопросы теории и практики: учеб. пособие. Красноярск, 2006.
64. *Карпов А.Н.* Использование возможностей международных правоохранительных организаций в розыске преступников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 2011. 33 с.
65. *Каюмова А.Р.* Соотношение международной и национальной уголовной юрисдикции // Рос. правосудие. 2007. № 9.
66. *Князьков А.С.* Новый шаг в развитии международных стандартов обращения с осужденными // Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2016. № 2(20). С. 34–38.
67. *Колибаб К.Е.* Выдача обвиняемых и осужденных по международным договорам // Правоведение. 1996. № 2.
68. *Куркина И.Н.* Основные формы международного сотрудничества правоохранительных структур // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 10. С. 29–31.
69. *Курушина Е.В.* Применение в Российской Федерации международных норм, регламентирующих вопросы выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора // Российский следователь. 2002. № 11.
70. *Лазутин Л.А.* Правовая помощь в отношениях между странами как межотраслевой нормативный комплекс. Екатеринбург, 2008.
71. *Лазутин Л.А., Рабцевич О.И.* Правовая помощь и правовые отношения государств по уголовным делам: вопросы теории и практики. Екатеринбург, 2011.

72. *Лосицкая Л.* Применение конвенций «О взаимной правовой помощи по уголовным делам» и «О выдаче» // Рос. юстиция. 2000. № 12.
73. *Лукашук И.И., Наумов А.В.* Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве: учеб.-практич. пособие. М., 1998.
74. *Ляхов Е.Г.* Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью // Проблемы деятельности ООН в области предупреждения преступности и обращения с правонарушителями. М., 1983.
75. *Мардомян А.В.* Международный терроризм и проблемы экстрадиции (на примере Европейской конвенции по пресечению терроризма) // Вестник РУДН. Юридические науки. 2005. № 2(18). С. 152–156.
76. *Марышева Н.И.* Правовая помощь в отношениях между странами СНГ // Московский журнал междунар. права. 1992. № 4.
77. *Марышева Н.И.* Сотрудничество России с иностранными государствами по оказанию правовой помощи (договоры о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам) // Бюлл. Министерства юстиции РФ. 1998. № 1.
78. *Международно-правовые акты о сотрудничестве России с иностранными государствами по оказанию правовой взаимопомощи / сост. М.Е. Волосов.* М., 2003.
79. *Милинчук В.В.* Институт взаимной правовой помощи по уголовным делам. М.: Юрлитинформ, 2001.
80. *Милинчук В.В.* Новые тенденции международного сотрудничества в сфере уголовного процесса: концепция транснационального правосудия // Государство и право. 2004. № 1.
81. *Михайленко Е.К.* Участие России в межгосударственных соглашениях по вопросам оказания международной правовой помощи // Государство и право. 2003. № 5.
82. *Моисеев Е.Г.* Международно-правовые основы сотрудничества стран СНГ: учеб. пособие / под ред. К.А. Бекашева. М., 1997.
83. *Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества.* М.: Бек, 1995.
84. *Устинова Т.Д., Четвертакова Е.Ю.* Применение норм материального права при использовании запросов о выдаче лиц, совершивших преступления // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2007. № 2. С. 47–51.
85. *Уткин В.А.* Европейские тюремные правила и проблемы их реализации. Томск, 1996.
86. *Уткин В.А.* Международные стандарты обращения с осужденными и проблемы их реализации. Томск, 1998.
87. *Уткин В.А.* Европейские правила о probation и проблемы их реализации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 1(3). С. 45–50.

88. *Уткин В.А.* Пенитенциарные стандарты Совета Европы и векторы реформирования уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 1. С. 14–18.
89. *Шаталов А.В.* Правовой механизм международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 126–148.
90. *Шумилов В.П.* Международная правовая помощь по уголовным делам // Советское государство и право. 1974. № 3. С. 15–19.

К Главе 8 «Международный уголовный суд»

1. *Римский* статут Международного уголовного суда. Принят Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН 15–17 июля 1998 г. (Костенко Н.М. *Международный уголовный суд*. М., 2002. С. 190–263.)
2. *Блищенко И.П., Фисенко М.В.* *Международный уголовный суд*. М., 1998.
3. *Ведерникова О.Н.* К вопросу о ратификации Римского статута Международного уголовного суда // Уголовное судопроизводство. 2010. № 4.
4. *Ведерникова О.Н.* Римский статут Международного уголовного суда: критический анализ // Государство и право. 2009. № 5.
5. *Костенко Н.И.* *Международный уголовный суд*. М.: ИПАН РАН. 2002.
6. *Костенко Н.И.* *Международная уголовная юстиция. Проблемы развития*. М.: Росконсульт, 2002.
7. *Мирусин И.С.* *Международные уголовные судебные учреждения: судоустройство и судопроизводство*. СПб., 2005.
8. *Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений*. М., 2008.
9. *Накашидзе М.Р.* Становление постоянного органа международной уголовной юстиции // Вестник РУДН. Юридические науки. 2005. № 2. С. 171–174.
10. *Печегин Д.А.* Сочетание состязательного и следственного начал при производстве дел в Международном уголовном суде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 30 с.
11. *Рабцевич О.И.* *Органы международной уголовной юстиции*. М., 2008.
12. *Трикоз Е.Н.* Перспективы присоединения Российской Федерации к Римскому статуту Международного уголовного суда // Журнал российского права. 2007. № 12.
13. *Табалдиева А.Ш.* *Международная правовая помощь по уголовным делам*. М., 2002.
14. *Цепелев В.Ф.* *Международное сотрудничество в борьбе с преступностью*. М., 2001.

К Главе 9 «Интерпол и Европол»

1. *Устав* Международной организации уголовной полиции (Интерпол) // Библиотека криминалиста. 2011. № 1. С. 363–369.
2. *О вступлении СССР в Международную организацию уголовной полиции – Интерпол* // Постановление Совета Министров СССР от 7 апреля 1990 г. № 338.
3. *Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной помощи – Интерпола* / Указ Президента Российской Федерации от 30 июля 1996 г. № 1113.
4. *Положение о Национальном центральном бюро Интерпола* / Утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 4 октября 1996 г. № 1190 (с изм. от 23 мая 2006 г.) // Там же, с. 370–373.
5. *Интерпол против терроризма: сб. международных документов*. М., 2008.
6. *Александров Ю., Одинокова Г.* Без перестрелок и погонь ведет борьбу с международной организованной преступностью Европейская полицейская организация // Преступление и наказание. 2009. № 1. С. 55–57.
7. *Волеводз А.Г.* Международная организация уголовной полиции – Интерпол и тенденции формирования региональных правоохранительных организаций // Библиотека криминалиста. 2011. № 1. С. 130–151.
8. *Куркина И.Н.* Основные формы международного сотрудничества правоохранительных структур // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 10. С. 29–31.
9. *Овчинский В.С.* Интерпол в вопросах и ответах. М., 2001.
10. *Самарин В.И.* Интерпол. Международная организация уголовной полиции. СПб.: Питер, 2004.
11. *Токсанбаев А.Б.* Особенности правового статуса Интерпола как межправительственной организации // Предупреждение преступности. № 1(3) 2002. С. 14–17.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Учебное пособие

Уткин Владимир Александрович

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Редактор *Н.И. Шидловская*

Дизайн, верстка *Д.В. Фортеса*

ООО «Издательство научно-технической литературы»
634050, Томск, пл. Новособорная, 1, тел. (3822) 533-335

Изд. лиц. ИД № 04000 от 12.02.2001. Подписано к печати 10.01.2017.
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. п. л. 12,56. Уч.-изд. л. 14,06. Тираж 300 экз. Заказ № 1.

Отпечатано в типографии «М-Принт», г. Томск,
пер. Добролюбова, 10, ст. 3, тел. (3822) 258-279